

Сергей Пацнашвили
Змей Горыныч

Калинов мост

Сергей Пациашвили
Калинов мост. Змей Горыныч

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Пацашвили С.

Калинов мост. Змей Горыныч / С. Пацашвили — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Всего несколько лет прошло после крещения Руси. Страну охватили раздор и разруха. Новгородские богатыри ведут отчаянную борьбу против нежити, колдунов-язычников и вампиров. Но враг слишком силён, и богатыри вынуждены вступить в сомнительный союз с таким могущественным существом, как Змей Горыныч. Сильнейший оборотень солидарен с богатырями, поскольку в нём ещё есть остатки человечности, но с каждым разом всё сложнее контролировать звериное начало Змея.

Содержание

Часть 1.	6
Глава 2.	10
Глава 3.	14
Глава 4.	18
Глава 5.	22
Глава 6.	26
Глава 7.	30
Глава 8.	34
Глава 9.	38
Глава 10.	41
Глава 11.	45
Глава 12.	49
Глава 13.	53
Глава 14.	59
Глава 15.	65
Глава 16.	70
Глава 17.	74
Глава 18.	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Змей Горыныч.

Часть 1.

*«Мы взяли от Него Рим и меч кесаря
и объявили лишь себя царями
земными, царями едиными,
хотя и доньне не успели еще
привести наше дело к пол-
ному окончанию.»*

Ф.М. Достоевский «Повесть о великом инквизиторе»

Глава 1.

Олег Медведь.

Древнее предание гласит, что тот, кто перейдёт живым через Калинов мост, сможет попросить у богов всё, что ему вздумается, и боги исполнят любое его желание. Но никому ещё не удавалось перейти во плоти мост, отделяющий мир живых от мира мёртвых. Мост был раскалён, а человеческая плоть хрупка, смрад из реки Смородины под ним и жар от моста уничтожали любую плоть ещё до того, как она достигала середины моста. И всё же чародеи верили, что однажды появится тот, кто сможет совершить невозможное, сможет обмануть саму смерть, сломать границу между мирами, и чтобы мир живых и мир мёртвых не соединились, боги исполнят всё, что он пожелает. Прошло не одно тысячелетие с тех пор, как появились первые чародеи, но среди них так и не возникло бессмертного. И лишь одно живое существо обладало столь могущей плотью, что могло не бояться чар Калинова моста. Боги называли его – Хранитель Тайны, люди же именовали его – Змей Горыныч. Трёхглавый страж был поставлен в мире живых, чтобы защищать мир мёртвых от вторжения чародеев и упырей. Лишь он знал дорогу к границе миров, и должен был следить за тем, чтобы никто не узнал эту тайну. Два начала соединяло в себе это существо: чары огня и чары воды, начало человеческое и рабское. Он был рабом богов, их верным орудием, но он же был и человеком. И если как раб он не желал бессмертия, то как человек он всё же боялся смерти. Он мог стать царём царей, богачём из богачей, но Змей свято чтит свою клятву. Ни зверь, ни птица, ни человек, ни букашка не могли пройти через заставу Змея. Хранитель Тайны знал о бессмертии то, что было не ведомо никому из смертных, и потому, не дерзал против смерти. Как раб он и не мог пойти против воли богов, но как человек он никогда не переставал мечтать.

Был у Калинова моста и другой страж, который закрывал путь тем, кто уже мертвы в мир живых. Это был могучий дух, именуемый богами – Страж Времени, людям же известный как Симаргл. Застава Симаргла была не прочна, и нежить то и дело вырывалась из объятий Чернобога в мир живых, чтобы творить свои непотребства. И чтобы истреблять нежить, люди создали своё войско из слугителей солнцеликого бога Коловрата, и назвали их богатырями. Уже давно на Руси перестали верить в древних богов и поклонялись Богу единому, а богатыри всё равно остались. Теперь они были воинами Христа, но цель их осталась прежней – истреблять и изгонять нежить, а кроме того – изгонять древних богов, которые теперь были объявлены Сатаной. Ещё помнила Русь славные подвиги таких бесстрашных витязей христового воинства, как Василий Буслаев, Садко, Костя Новоторжанин. Вечная им память. Мало осталось в живых из тех, кто первыми подняли меч за христианскую веру, среди них был богатырский воевода Новгорода – Вольга, и некоторые из его витязей. Был в числе их и славный богатырский сотник – Олег Медведь.

В тот летний день Олег проснулся рано поутру, вышел на улицу, щурясь на солнце и, зевнув, потянулся. Много лет он исправно нёс службу в новгородской дружине и сегодня, так же, как и всегда, испив молока, надел свою кольчугу и кожаные сапоги и отправился к богатырю

Вольге – воеводе всех богатырей в Новгороде. Лицо Вольги выражало тревогу, и Олега так же охватило беспокойство, не успел он обмолвиться с воеводой и одним словом.

– Сядь, Олег, – велел Вольга, усаживаясь на лавку рядом.

– Что случилось, воевода? – спрашивал сотник.

– Не доброе чувство мучает меня, Олег. Чувствую, что древние враги наши – колдуны стали возвращаться на Русь. Мы разбили их и прогнали с нашей земли, но они жаждут мести.

– Три года от них уже ни слуху, ни духу, – скептически отвечал Олег, – поди уже и пропали где за Волгой.

– Нет, – задумчиво, нараспев отвечал Вольга, – я слышу топот копыт их коней, я чувствую их ненависть. Они возвращаются. Вчера вечером отец Иоаким показал мне одного мальчишку. Парнишку зовут Ратмир, сын Вышеслава. Не так давно он схоронил отца. Говорят, что тогда он и тронулся умом. Ратмир этот своего рода юродивый, прибил к церкви, стал собирать милостыню. А ведь он из хорошей семьи, и отец его был почтенным человеком. Ратмир хочет постричься в монахи, принял послушание, но недавно рассудок его помутился ещё более прежнего. Ему стали приходиться ведения. Трёхглавый Змей прилетает в город и сжигает местный люд, убивает всех и разрывает своими зубами. Мальчишка имеет страсть к рисованию, и он изобразил на доске то, что видел.

С этими словами Вольга поднялся и отправился в дальний угол избы. Спустя время он вернулся с небольшой доской с красочными изображениями на ней. Картина, изображённая там, ужаснула Олега. Глаза трёхглавого Змея были полны ярости, из ноздрей выходили струи огня, волны воды играли под ним, и он... летал.

– Колдуны, которых мы уничтожили, были из клана Змея, – произнёс воевода.

– Но они не умели летать, – всё ещё сомневался Олег Медведь. – И к тому же, почему мы должны верить этому безумному мальчишке?

– Ты не хуже меня знаешь, Олег, что иногда безумцы могут видеть то, что недоступно взору обычного человека. Юродивый Ратмир видит угрозу, которую мы не видим. Я чувствую в нём силу. Он не просто безумец, у него есть не человеческий дар, почти как и у меня.

– Где он? Я хочу его видеть.

– Он у отца Иоакима. Святой отец держит его при себе. Ступай Олег и готовь своих людей к походу.

– Ты пойдёшь с нами, воевода?

– Это мой долг.

– Но, если мальчишка ошибся. Воевода, позволь отправиться мне одному со своей сотней. Вспомни, мы основали на Волге заставу, чтобы защищать наши земли от клана Змея. Там есть сотни две витязей, вместе мы дадим отпор врагу.

– Из заставы слишком долго нет никаких вестей, именно поэтому я и поверил Ратмиру.

– Позволь сначала нам всё, как следует разведать, – стоял на своём Олег, – если опасность велика, мы вернёмся и всё тебе передадим.

– Бог с тобой, пусть будет так, ступай Олег, торопись, времени мало.

И Олег Медведь ушёл прочь. Он отправился в храм Преображения, в котором нёс службу отец Иоаким. Новый деревянный храм возвышался на холме недалеко от городского центра. Искусная роспись на фасаде завораживала каждого, кто проходил мимо. Величественное изображение солнцеликого Христа здесь словно оживало и проникало своим светом в душу каждого. Внизу, у ног Всевышнего ползали всякие гады: змеи, ящерицы, жабы, вверху, в небесах кружили подобные крылатым младенцам ангелы. Олег много раз был в этом храме, но каждый раз, когда подходил сюда, замирал и какое-то время стоял заворожённый. Случилось это и сейчас. Но, вспомнив о своей цели, богатырь осенил себя крестным знаменем и вошёл. Внутри пахло ладаном и миром, отчего душой овладевало невиданное умиротворение. Архиепископ

Иоаким только-только справил утреннюю службу и сейчас, расположившись на лавке, беседовал со своим клиром. Увидев гостя, он поднялся и пошёл ему навстречу.

– Ты опоздал богатырь, – заговорил Отец Иоаким, – служба уже закончилась.

– Прости святой отец, но я пришёл не молиться. Я здесь по делу, меня прислал Вольга.

– Воевода хочет, чтобы я показал тебе мальчика? Что ж, пойдём. Ратмир послушник при монастыре, но после того, как у него начались видения, монахи объявили его одержимым и отказали ему в постриге. С тех пор он обитает здесь.

Архиепископ вышел на улицу, богатырь последовал за ним. Спутники отправились на задний двор храма. Здесь, под высокой яблоней расположился молодой, красивый юноша с хитрым взглядом и длинными волосами. Он никак не выглядел мальчишкой, это был юный муж, лет 18-ти, в самом расцвете сил. Возможно, если бы он не был юродивым, то имел бы большой успех у женщин. Сейчас юноша был занят поеданием сочного красного яблока. Сок стекал по его губам и попадал даже на одежду. Увидев архиепископа, парень спешно поднялся на ноги и оторвался от яблока.

– Ратмир, – произнёс отец Иоаким.

– Святой отец, – склонил голову юноша.

– Этот человек – богатырь Олег, он хочет говорить с тобой.

– Я знаю, кто он, – отвечал Ратмир. – Витязь, замеченный в славных подвигах, победивший в поединке оборотня.

– Верно подмечено, – погладил свою бороду Олег Медведь.

– Я читал о тебе, богатырь.

– Что ж, Ратмир, ты не так глуп, как мне о тебе говорили. Расскажи мне, что с тобой случилось. Почему новгородцы считают тебя безумным?

– А разве жители Иерусалима не считали безумным Иисуса? Он ходил в лохмотьях и жил подаяниями. Он не искал ни славы, ни богатств, не внимания женщин, но Он нёс истину людям. И только его мученическая смерть, и чудесное воскрешение открыли людям глаза на то, кем он был на самом деле.

– Хм, – изумился Олег, – так, значит, ты сам выбрал этот путь, это было твоё трезвое решение?

– Да, богатырь.

– Что ж, Ратмир, расскажи же мне теперь о злых духах, одолеваящих тебя в последнее время.

Юноша тут же изменился в лице. Теперь оно приняло выражение тревоги.

– Я вижу трёхглавого Змея, – начал он, – это существо жаждет прорваться в наш город, оно хочет здесь что-то найти. Змей ужасен, он испускает огонь, подчиняет себе воду и может летать. Он жаждет мести, жаждет вернуться в Новгород. В целом, здесь нечего рассказывать, я всё изобразил на своей картине. К сожалению, я не могу показать её тебе, её забрал воевода.

– Я видел твою картину, – отвечал Олег, – и был встревожен не меньше Вольги.

– Правда, красиво получилось? – вдруг оживился Ратмир, – я старался, чтобы всё получилось натурально. Ты видел роспись на стене храма? Тех гадов, что ползают у ног Севышнего, нарисовал я.

– Ты нарисовал их до того, как у тебя начались видения?

– Да, – растерялся Ратмир, поняв, что сболтнул что-то лишнее, – меня привлекают змеи, есть в них какая-то красота и загадочность.

– А Змей из твоих видений тебе тоже кажется красивым?

Ратмир в конце растерялся и не знал, что ответить.

– Ну, будет, будет, Олег, – вмешался отец Иоаким.

– Всё хорошо, – отвечал богатырь, но милость уже сменилась на гнев. – А скажи-ка мне, мальчик, давно к тебе приходят эти видения?

– Впервые Змей явился ко мне месяц назад. С тех пор он постоянно преследует меня. Я ничего не могу с этим поделать. Я молю Бога, чтобы он избавил меня от этого наваждения, но ни молитва, ни святая вода не помогают мне.

Теперь лицо Ратмира выражало неподдельный ужас.

– Месяц назад, – повторил лишь Олег. – Колдуны должны быть уже совсем близко, если они где-то не затаились и не выжидают. Что ж, благодарю тебя, святой отец.

И с этими словами Олег отправился прочь, даже не попрощавшись с Ратмиром. Архиепископ последовал за ним.

– Ты веришь ему? – спросил отец Иоаким.

– Он либо божий человек, либо посланец Сатаны, – отвечал Олег, – либо святой, либо безумец. Но я ему верю. А ещё больше я верю воеводе Вольге, который сегодня сказал мне, что со Змеиной Заставы давно не было вестей. Если воевода заставы – Всеволод Хрящ ещё жив, то наверняка он уже занял сторону врага. И я отправляюсь туда, чтобы всё выяснить.

– Что ж, Бог в помощь тебе, богатырь.

Глава 2. Гарольд, сын Тормунда.

– Ну держи, держи же её, – хохотал коренастый огненно-рыжебородый скандинав – Гарольд, сын Тормунда. Но палица под всеобщий смех то и дело вываливалась из рук Ратмира.

– Ну ты и мякиш, монашек, – ругался Гарольд, – ну ничего, мы сделаем из тебя война. Правда, Айрат?

– Тебе виднее, – отвечал смуглый черноокий богатырь.

Гарольд был уже не рад, что старшина Олег поручил ему обучать этого мальчишку-послушника ратному делу. Ещё вчера Ратмир читал псалмы и писал кистью на дощечках, а теперь был вынужден учиться владеть палицей и щитом, ездить верхом. Стоило ему взять в руки щит, как Гарольд начинал с силой наносить по нему удары булавой и после нескольких таких быстрых ударов юный богатырь ронял свой щит.

– Держи щит, цыплёнок, что же ты совсем как баба! И чему вас только учат в ваших монастырях? Ты случайно не евнух?

– Полегче, варяг, – заговорил только подошедший к ним витязь, – я ведь тоже когда-то дал монашеский обет.

По прямому носу и мужественному профилю в богатыре легко можно было узнать грека. Не редко его так и называли – Филипп Грек, выходец из Ромейской Державы.

– Сколько тебе было лет, когда ты решил стать монахом? – не сдавался Гарольд.

– Мне ещё не было тридцати. Двадцать восемь.

– Вот, а этот мальчишка ещё ничего не видел в жизни, только оторвался от сиськи матери, а уже решил отречься от мира. Ладно, монашек, поработай пока с копьём.

И Гарольд швырнул оружие юному послушнику. Ратмир поймал его, но тут же чуть не выронил из рук. Всё тело у него болело от упражнений, и всё же он был рад, что его наставник ушёл. Ратмир принялся наносить удары воображаемому противнику, с трудом сохраняя равновесие.

– А ведь он прав, ты ещё слишком молод, – произнёс Филипп, – Откуда ты, юноша? Кто твой отец?

– Я из Людина конца, сын Вышеслава.

– Это твой отец отдал тебя в монастырь?

– Мой отец умер, три года назад, от неизвестной болезни. У меня есть только мать. Я... я просто хотел стать миссионером. Хотел путешествовать по незнакомым землям, помогать людям, нести им слово Божье. Для этого я должен был стать монахом.

– Но ты должен был бы отказаться от мирской жизни, от всех её прелестей, от женской любви.

– Да, я знаю, – отвечал Ратмир с тоской в голосе, – но ты же отказался?

– У меня была семья. Все они были убиты варварами. В Ромейской Державе не так уж просто выжить. Особенно, если ты простой свободный земледелец. Мой дом сожгли, родных убили, скот угнали. Я выжил только потому, что в этот момент находился в городе, на базаре. У меня был выбор: стать простым городским бродягой, устроиться чьим-нибудь подмастерьем, работающим за еду, или уйти в монастырь. Монастыри владеют большими землями, на которых бесплатно работают крестьяне. Но даже монахи нынче в империи живут не так хорошо, как раньше. Монахов появилось очень много, и чтобы попасть в монастырь и пользоваться монастырскими привилегиями, нужно очень постараться. Оттого многие послушники уходят на Русь или в Болгарию, где монахов ещё мало, некоторые становятся даже богатырями, как я.

Гарольд к этому времени уже успел добраться до конюшни, намереваясь проверить приготовления к походу. Вскоре здесь появился и сотник Олег.

– Ну как тебе твой ученик? – спросил он.

– За каким чёртом ты поручил его мне? Он даже щит удержать не может, поручи это кому-нибудь другому, – прохрипел Гарольд.

– погоди, Гарольд, он ещё молод, он только начал учиться.

– Да я в его годы уже с десятков врагов перерубил секирой и сам раз пять чуть не сдох. Послушай, Олег, я многих обучал ратному делу, и теперь я сразу вижу, что хлопец из себя представляет. Этот никуда не годится. Если нарвёмся на серьёзного врага, он – труп.

– Ты уже пробовал его в строю?

– Пробовал, это всё бесполезно. Он воспринимает это как шутку, да и щит толком не держит, да и вообще, ведёт себя так, как будто ему это нужно, как собаке пятая нога.

– Возможно, так оно и есть. Он ведь не богатырь, Гарольд, у него просто есть дар, который нам нужен, может даже чародейский дар, о котором он не знает. Но потому я и сделал тебя его наставником, потому что ты обучил многих, тебе и твоим ученикам я обязан жизнью. Заставь его научиться, заставь его полюбить ратное искусство. Понимаю, времени мало. Но ведь мы не на войну идём, просто научи его самому простому. Вольга говорит, что мальчишка укажет нам путь к клану Змея, только для этого он нам и нужен, как проводник. Возможно ему вообще не придётся сражаться, но в случае чего он должен уметь постоять за себя.

– Легко сказать, заставь полюбить ратное искусство, – ворчал, уходя, Гарольд. Коренастый скандинав был воспитан воином, вырос далеко на севере и с самых юных лет уже выходил в море, участвовал в схватках и был ранен. Ратмир казался ему изнеженным сосунком, сам вид этого послушника вызывал у него отвращение. Но делать было нечего, сотник и сам воевода хотели, чтобы он обучил мальчишку. И на следующий день Гарольд снова с силой швырнул Ратмиру щит, и тот снова едва не упал, когда поймал его. Но не успел юноша восстановить равновесие, как на него посыпались мощные удары палицей. Ратмир чувствовал, как его рука немеет, и держать удар становилось всё сложнее.

– Двигайся, двигайся! Щит не опускай! – кричал ему Гарольд, – уходи.

Но мальчишка был неповоротлив и слаб, лицо его выражало мольбу. Ратмир казался жалким, и Гарольд бил всё сильнее. В конце концов от удара щит выпал из рук ученика, а палица ударила ему по плечу и повалила на землю. Ратмир взвыл от боли, из расцарапанной шеи закапала кровь.

– Слабак, – плюнул на землю Гарольд, – одно меня радует, что скоро ты сдохнешь. Первый же бой, первая же наша встреча с врагом, и от тебя и мокрого места не останется. Ты знаешь, кто такие колдуны из клана Змея? Знаешь, что они могут? Даже мы, богатыри, не смогли их разбить. Мы долгие годы вели войну против их клана. Иногда мы проигрывали, однажды они даже взяли в осаду Новгород. Но затем пришла подмога из Киева. Уж с такими-то силами мы могли уничтожить кого угодно, и мы заставили их отступить. И знаешь, что произошло потом? Мы проиграли. Они разбили нас, уничтожили, хоть у них не было ни малейшего шанса на победу.

– Но они же ушли с Новгородской Земли, – сомневался Ратмир, – и много лет о них ни слуху, ни духу. Разве это не победа?

– Слушай, что я тебе говорю, монашек! А я говорю: мы проиграли. И ударили очень долго. Повезло тем, кто отстали от нашего войска во время наступления. Но мы были не из таких, мы шли в числе первых, вместе с нашим славным воеводой Вольгой, и потому мы увидели всю мощь и ужас этих поганых змеёнышей. Хочешь знать, как им удалось нас одолеть? Я тебе расскажу. Мы гнались за ними от самой Володарской Заставы. Два войска: новгородское и киевское, пришедшее к нам на помощь. Мы нанесли им поражение и продолжали их гнать. Киевское войско шло впереди, мы немного отставали. На ночь мы решили остаться в одном

селе. До наших киевских друзей оставалось рукой подать. Без нас они в атаку не пошли бы. Уже утром мы должны были с ними соединиться и нанести удар колдунам. Бежать чародеям было некуда, они были зажаты в селе. Позади них – река Волга, через которую не перебраться. И они решили дать бой. Киевское войско остановилось, ожидая встречи с колдунами. А мы спешили им на помощь. Как вдруг я увидел кошмар, который ты не увидишь и в своих дурацких снах. Я видел огромных змей, выползающих отовсюду, видел, как мои братья-богатыри превращаются в подобных змей-монстров, в упырей, в чудовищ. Колдуны отравили воду в том селе, где мы ночевали, и у нас начались видения. Мои братья убивали друг друга или в ужасе убегали. Некоторые, обезумев, начинали пожирать сырую плоть убитых братьев, а кто-то пожирал и свою собственную плоть. Им просто привиделось, что под кожей у них повсюду бегают маленькие жучки, и они отгрызали, срезали себе кожу. На моих глазах мой друг Эдвард превратился в кровавого упыря и набросился на меня. Я знал Эдварда очень давно, мы вместе плавали ещё когда были моложе, чем ты. И вот он захотел меня убить, а я убивал его, не ведая, что творю. Он ранил меня, но не сильно, я же рубанул ему по ноге так, что он хромает до сих пор. Так его теперь и зовут – Эдвард Хромой.

Наконец, когда мы в ужасе пришли в себя, и многих начало тошнить, тогда-то и напал на нас клан Змея, и в этот момент они не знали пощады. Мы были напуганы, мы пытались отбиваться, но ощущение дикого ужаса не покидало даже самых сильных из нас, будто за нами гнался сам Сатана во время отступления. Мы бросали раненных и оружие, и убегали. Я унёс Эдварда, хоть и сам был ранен и напуган не меньше других. Но и Эдвард спас мне однажды жизнь в бою, не бросив меня раненого. И я не смог, не посмел оставить его умирать. А вот Олег бросил всех и помчался вперед всех отступающих. Нашлись и такие, кто смогли дать бой врагу. Например, Микула Селянинович, сейчас он сотник. Тогда он только вступил в наше войско, это был его первый бой, но по мужеству он превзошёл всех нас, бывалых воинов. А он ведь был не на много старше тебя, монашек. Никто не учил его ратному делу, он всё сделал сам. Когда все отставшие нагнали наше войско, и мы набрались сил, чтобы снова идти в атаку, мы не нашли нигде клан Змея. Колдуны просто пропали, как сквозь землю провалились. Мы дошли до самой Волги и не нашли ни единого чародея. И мы вернулись, а воевода Вольга основал Змеиную Заставу, чтобы защитить новгородскую землю от возвращения колдунов. А теперь вот у нас появился шанс поквитаться со Змеем, отомстить ему за всё. И мы этот шанс не упустим.

Ратмир поначалу внимательно слушал Гарольда, но под конец вдруг стал отвлекаться и даже зевнул.

– Подними щит! – прокричал разозлившийся скандинав, – ты ещё не понял, что не доживёшь до следующей зимы, щенок? Научись владеть палицей, научись держать её в руках, она самая тяжёлая. Освоишь палицу, освоишь и всё остальное, включая копьё. И не забывай держать щит.

Для Гарольда это обучение превращалось в настоящую муку, и порой он с большим трудом удерживался, чтобы не прикончить этого мальчишку или просто не плюнуть на всё и не перестать его обучать. Но если с Олегом Медведем ещё как-то можно было договориться, то нарушить приказ воеводы было никак нельзя. Незадолго до отхода богатырей их пришёл проведать и сам Вольга. Вместе с ним был его лучший богатырь – Микула Селянинович – огромный, как гора. Ратмир смотрел на него с некоторым удивлением, как и на всех богатырей.

– Ну что, как идут приготовления? – спросил он.

– Мы уже почти готовы, воевода, – отвечал сотник Олег.

– А как там наш послушник?

– Отвратительно, – пробурчал Гарольд, – думаю, жить ему осталось совсем не долго.

– Вот как? – теперь Вольга обратился уже к самому Ратмиру, – и в чём же дело, мой друг?

Ратмир решил, что это прекрасный шанс спасти свою жизнь и заговорил:

– Я не воин. Гарольд прав, я быстро погибну, от меня будет мало толку. Гораздо больше толку от меня было бы, если бы я продолжал писать иконы и нести людям слово Божье. Господь учит, что нужно любить ближнего, нужно уметь прощать. Меня учили любить, а не ненавидеть. Даже если мне будет угрожать опасность, я не смогу никого убить, потому что иначе я совершу страшный грех перед Богом.

Но слова эти вызвали обратный эффект. Отговорить воеводу от его затеи не удалось, в ответ на слова Ратмира Вольга изменился в лице, нахмурился, и богатыри почувствовали приближение бури.

– Ты хочешь сказать, мальчик, что все мы, богатыри, воины Христа, творим грех перед Господом? Может ты ещё скажешь, что после смерти нам всем место в аду?

– Нет, я просто хотел сказать, что я против насилия. Люди не должны убивать друг друга. Этому учил нас Иисус.

– Колдуны – это нелюди. Эти чистокровные чародеи. Они по праву рождения наделены чародейской силой. Им нет прощения от нашего Бога, потому что им неведомо раскаяние. Чародейство у них в крови, понимаешь? Их отцы и матери были чародеями и передали им это. Они очень гордятся чистотой своей крови, ведь тот, в ком этой крови нет, никогда чародеем не станет. И ты хочешь, чтобы мы их простили, или взяли в плен и обратили в христианскую веру? Может, Иисус и мог превращать воду в вино, но я никогда не слышал, чтобы у кого-то чародейская кровь по воле Господа превратилась в человеческую.

Ратмир умолк, боясь вымолвить слово. Богатыри тоже молчали. Когда Вольга наконец ушёл, все они смотрели на юного послушника хуже, чем на бродячую собаку. Особенно зол был Гарольд, который поначалу вроде и не понял слов своего ученика, но после речи Вольги уяснил всё и понял, что новичок в глубине души их презирает и считает себя лучше.

Глава 3. Ратмир.

Его имя означало – ратник, сражающийся за мир, но он никогда не проявлял никакого интереса к военному делу, хоть и любил раньше мирскую жизнь. Ратмир плохо знал своего отца. Вышеслав не воспитывал его, а жил где-то далеко от семьи, появлялся редко с богатыми подарками, а затем снова исчезал. А жена всё ждала, когда же он вернётся уже окончательно. И однажды это случилось. Спустя два года после крещения Новгорода в христианскую веру Вышеслав вернулся, он был богат и пообещал, что больше никогда не покинет свою семью. Ратмир был уже 14-летним юношей, жившим до этого в Людином конце, вместе с охотниками, разбойниками, приезжими, мелкими ремесленниками и прочим населением, которое в Неревском конце Новгорода считали сбродом. Христианской церкви здесь не было, хоть в Неревском конце было уже два храма. Когда Добрыня крестил Новгород, то устроил в Людином Конце пожарище, от которого многие пострадали. И, тем не менее, великие богатыри, такие как Василий Буслаев, Садко, Потахий Хромой происходили из Людина Конца. Правда, вскоре никого из них не осталось в живых, кроме Потамя Хромого, который был отослан на дальнюю заставу. С появлением Вышеслава жизнь Ратмира круто изменилась. По настоянию отца он стал изучать грамоту, смог развить свою страсть к живописи. Так же по настоянию отца Ратмир был крещён в христианскую веру и стал вместе с матерью регулярно посещать церковь. Он хорошо помнил, как ещё мальчишкой вместе с матерью вставал рано утром, с первыми петухами, и по пыльной или грязной извилистой тропе шёл мимо городских дворов к реке Волхову. Помнил обгоревшую мостовую, как не редко останавливался на мосту, чтобы посмотреть на плескающуюся в реке рыбу или просто подышать воздухом. Но больше всего Ратмиру запомнилась та красота и изящество церковных церемоний, которые поразили и захватили его с первых же дней. Здесь собиралась как городская чернь, так и знать, заходили богатые купцы, бояре со своими семьями и юными дочерьми такой красоты, какой Ратмир никогда не видел в Людином конце. Он был очарован этим миром и навсегда решил для себя, что хочет жить в нём, а вовсе не в Людном Конце. И всё же, он ещё жил в Людином Конце, видел пьянство, разврат и драки местного люда, особенно когда на Новгородской земле вспыхнуло восстание, и Людин Конец захватили разбойники. Самым уважаемым из них был Никита Кожемяка, но взять власть в свои руки боялся, поскольку были и другие, которые постоянно воевали друг против друга, и в конце концов дошло до того, что друг друга и истребили. Одни в борьбе за власть погибли, другие сбежали, Никита Кожемяка оказался хитрее всех и прибрал власть к своим рукам. Ратмира и его семью эта власть почти не коснулась. Да, его отец или мать постоянно сталкивались с трупами, брошенными на улицах или слышали о зверствах, которые учиняли непрошенные гости над коренными людинцами, но почему-то Вышеслава трогать боялись.

В эти дни юный Ратмир стал особенно сильно молиться богу. Никита Кожемяка представлялся ему каким-то дьяволом, человеком с рогами быка и копытами вместо ног, с огромным копьём в руке. И Ратмир молился Богу о спасении от этого дьявола. Но однажды дьявол явился к нему домой, он говорил наедине с Вышеславом, а затем ушёл, полный гнева. После этого Ратмир стал молиться, чтобы Никита больше не вернулся. Он видел, как был встревожен его отец, было очевидно, что Вышеслав напуган, хоть и не подаёт виду. И Ратмир стал просить мать отвести его в церковь. В то время было опасно выходить из дома, и всё же они вышли. Ради успокоения своего чада Светлана Радосветовна была готова на многое. В тот день Ратмир молился, как никогда в жизни, и в какой-то мере смог успокоиться и забыть о тех опасностях, что поджидали его в Неревском Конце. Однако, когда они вернулись домой, то обнаружили Вышеслава лежащим на полу. Он не шевелился и не дышал. На теле отца не было ран, и все

сошлись на том, что у него просто разорвалось сердце. Но не ужели отец – сильный и уважаемый человек мог умереть от страха? Юный Ратмир не мог в это поверить и всегда после этого представлял своего отца мужественным героем, сражающимся с дьяволом Никитой Кожемякой и погибшим от неизвестного чародейского оружия. На следующий появился и сам Никита. Он расспрашивал о чём-то Ратмира, казалось, он был удивлён и даже раздосадован смерти Вышеслава. Но подросток ничего не мог ему ответить, от страха он потерял дар речи и начала дрожать. Ратмир закрыл уши и зажмурил глаза, а когда открыл их, гостя уже не было. Больше Никита в их доме не появлялся. Немного позже он отправился на войну против клана Змея и его вождя Усыни, который уже много лет тиранил новгородскую землю и казался юному Ратмиру ещё большим монстром, чем Никита. После войны Кожемяка не долго прожил в Людском конце и вскоре исчез. Снова началась борьба за власть между различными шайками, но теперь ни одна из них не могла взять верх, потому что князь и посадник поддерживали то одних, то других, и им было выгодно держать Людский Конец в ссоре. Князь, кстати сказать, тоже был новый, как и посадник. Князем стал сын самого киевского князя Владимира, бывшего новгородского князя – Вышеслав, а посадником – сын Добрыни – Константин. По весне в город приехали гости из Киева, среди которых юный Ратмир и увидел её – юную княжну, дочь князя Владимира. Такой красоты он не видел никогда ещё в жизни, киевские девушки во многом превосходили новгородских, а одна из них была прекраснее всех. Милое, почти детское лицо с выразительными голубыми глазами казалось капризным и в то же время печальным, кожа была бела и чиста, как молоко, русые волосы кокетливо выглядывали из-под платка и падали на богатое, расшитое золотом бело-голубое платье. Золото было повсюду, он блестело, так же как блестели глаза девушки. Увидев её, Ратмир навсегда потерял покой.

С тех пор он каждый день молил Бога о том, чтобы он позволил ему приблизиться к этой красоте, видеть её каждый день. Ратмир представлял, как она сидит неподвижно и смотрит куда-то вдаль, делая вид, что не замечает его, а он рисует её портрет и одновременно любит её. И никто не может ему помешать. Он был ещё так юн и так захвачен этой идеей, что постоянно надоедал ей своей матери. И вот мать решила помочь сыну и отправилась к богатырю Садку. Садко имел какие-то дела с Вышеславом, был на его похоронах, и выражал искреннее сожаление по поводу его смерти. Но теперь этот богатырь был богатейшим человеком в Новгороде, он был воеводой, и всюду, где он ходил, его сопровождало около десятка витязей. Подступиться к нему было не легко, и всё же Светлане Радосветовой это удалось. Она стала жаловаться на свою тяжкую долю, выпавшую ей после смерти мужа, и просить за сына. И Садко внял её просьбе и определил юного сына Вышеслава на службу. С этого момента Ратмир должен был прислуживать юной княжне. Когда он узнал об этом, то был на седьмом небе от радости и был уверен, что теперь-то он нашёл своё счастье. Ратмир теперь жил в Неревском конце, он учил слово божье, грамоту. В его обязанности входило защищать княжну. Ратмиру даже дали копьё, которым он, однако, никогда не орудовал, а просто держал в руке. И он узнал её имя – Милана. Так она всем представлялась, хоть, как и все, после крещения получила другое христианское имя. В первый же день Ратмир признался ей, что в случае чего готов отдать за неё жизнь, девушка лишь усмехнулась, но ничего не сказала. Она просто не обращала внимания на нового мальчишку из своей челяди, невероятно молодого и при этом ей не знакомого. И всё же, Милана была очень одинока в Новгороде, она могла дружить лишь с теми, кто приехали с ней из Киева. Вся её челядь была киевской, кроме Ратмира, к которому относились как к выскочке или сброду. Но вскоре все поняли, что у него нет никаких амбиций и мечтаний о карьере, и что на службу он попал лишь по просьбе матери и благодаря покровительству Садка, который к тому времени уже стремительно терял своё влияние в Новгороде. Вскоре Ратмир смог со многими подружиться, многие узнали о его художественном таланте и просили нарисовать их портрет. Юный художник старался, как мог, хоть и получалось не очень хорошо,

но челяди нравилось и это. Увидеть себя со стороны без помощи воды для них уже казалось чудом. Однажды к Ратмиру пришла и сама княжна.

– Ты хорошо рисуешь, отрок, – сказала она, хоть и была с ним одного возраста, даже моложе почти на год, – Сможешь изобразить меня?

Ратмир замер от неожиданности и не мог вымолвить ни слова. Вот так вот совершенно внезапно и буднично могли исполниться все его сокровенные желания.

– Ты слышишь меня или ты оглох? – проговорила Милана.

– Да, я... конечно, – отозвался Ратмир.

– Что, «конечно»?

– Я могу изобразить княжну, я буду стараться изо всех сил, чтобы показать всю её божественную красоту.

Уголки губ девушки задрожали, она скупно улыбнулась, но в следующее мгновение её лицо снова приняло строгое выражение.

– Ты уж постарайся, страж, а то я сегодня плохо спала.

– А отчего? Что-то встревожило госпожу? Если её кто-то беспокоит или заставляет страдать, то я готов отдать жизнь, чтобы защитить её.

– Я знаю, знаю, ты твердишь это постоянно. Но ты ничего не сможешь, ведь тот, кто не даёт мне покоя – мой родной брат и князь. У него какие-то планы на меня, он даже зачем-то выгнал меня из Киева сюда, где я никого не знаю и держит меня здесь, не даёт уехать. А мой отец... Мой великий отец ничего на это говорит, у него так много детей, что его мало заботит моя судьба.

На глазах Миланы проступили слёзы, отчего она застыдилась и отвернулась к окну.

– Не нужно стесняться своих слёз, – проговорил Ратмир, – ничто не способно омрачить твоей красоты.

И княжна повернулась к нему, взглянула в его глаза, которые тоже были влажными, но больше от нежности. В этот момент Ратмир был так близок к ней, как никогда в жизни, он смотрел ей в глаза, что было невероятной дерзостью для слуги, но девушку это не возмутило.

– Я думала, брат специально приставил тебя ко мне, чтобы следить за мной, – проговорила она.

– Нет, я бы никогда не стал....

– Теперь я вижу, что это не так. Мне пора, – словно опомнилась она и спешно стала вытирать слёзы.

– А как же портрет?

– Потом, не сейчас.

В этот момент Ратмир впервые за много дней почувствовал себя счастливым и заснул спокойно. Он вдруг понял, почему княжна так не доверяла ему и так с ним говорила, понял, что теперь всё изменится. С того дня каждый день, что он проводил рядом с ней, был для него настоящим счастьем.

– Тебе нужно сменить одежду, – говорила Милана, – так не одеваются в Киеве, значит, и ты так одеваться не будешь.

И она вызвала портных, которые принялись снимать мерки с молодого стражника, а потом сшили ему новый кофтан, в котором он действительно смотрелся более мужественно. Ратмир получал небольшое жалование и мог помогать матери, но однажды всё своё жалование он потратил на подарок Милане. Не было предела его радости, когда он увидел счастье в глазах своей любимой от той безделушки, которую он ей подарил. Вскоре Ратмир стал чуть ли ни единственным, кто мог заставить её улыбаться, и когда княжна улыбалась, он сам не мог сдерживать улыбки. Да, это было счастливое время. Сбылась самая сокровенная мечта Ратмира: он смог нарисовать портрет Миланы. Княжна сидела неподвижно и будто не обращала внимания на него, а он выводил её портрет, но чаще просто замирал на месте и любовался.

- Перестань, – молила тогда его княжна, – или я уйду.
- Что перестать?
- Так смотреть на меня.
- Но я пишу твой портрет, я не могу на тебя не смотреть.
- Покажи, что у тебя получилось.
- Нет, он ещё не готов.
- Покажи, покажи.

Ратмир прижимал к груди деревянную дощечку, но Милана легко отобрала её у него.

– Это не я, я же совсем не похожа, – проговорила она.

– Я же сказал, что это ещё не готово.

– Тебе нужно учиться живописи. Однажды один художник в Киеве уже писал мой портрет, у него получилось очень хорошо. И у тебя получится, у тебя есть талант, брат пригласил в Новгород греков, которые будут расписывать храм Преображения, пусть они и тебя научат. Я попрошу за тебя.

– Но Милана, – взял её за руку Ратмир, не давая ей уйти, – в таком случае я не буду видеть тебя.

Она лишь улыбнулась в ответ и ушла прочь. В улыбке её было столько нежности и кокетства, что Ратмир ещё с минуту стоял неподвижно и улыбался, хоть в комнате никого уже не было.

Глава 4. Дорога.

– Спишь, Монашек? – послышался грубый голос Гарольда. Зловоние из его рта в один миг развеяло туман сна, образ Миланы исчез и появился рыжебородый здоровяк. Ратмир спал под деревом, когда богатырь прервал его сон. С тех пор, как они выдвинулись в поход, Гарольд не называл его по имени, а использовал лишь обидную кличку.

– Вставай, щенок, – злился скандинав, – никакого толку от тебя нет. Оставили тебя в карауле, и, подумайте только, он заснул. Сколько раз тебе говорил, в дозоре не спать. Вставай, принеси хвороста для костра, хоть какой-то толк от тебя будет.

С большим трудом Ратмир поднялся на ноги. Тело его ужасно болело после нескольких дней пути и непрерывных тренировок. Сильнее всего болело между ног. Ратмир никогда так долго не ездил верхом и теперь ходил не иначе как в раскоряку, под всеобщий смех богатырей. Ловя усмешки своих спутников, юный послушник направился за хворостом. Сон ещё не оставил его, отчего глаза слипались. Но страх перед Гарольдом заставлял идти вперёд, преодолевая боль и усталость. В лесу Ратмир увидел старого знакомого – Айрата. Смуглый богатырь так же занимался сбором хвороста и работал на порядок быстрее новичка.

– Почему ты так плохо тренируешься, монах? – спросил Айрат.

– Я – не воин, – отвечал лишь Ратмир.

– Глупости, я видел тебя раньше, лишь недавно вспомнил, где. Ты был стражником в свите киевской княжны. Я видел тебя с копьём в руке, в кольчуге.

– Я никогда не использовал это копье, да оно и гораздо легче, чем у богатырей.

– Да, той палочкой ты даже курицу бы не убил, – усмехнулся Айрат.

Ратмир улыбнулся в ответ.

– Откуда ты, Айрат? – спросил вдруг Ратмир, и выражение лица богатыря в мгновение ока изменилось.

– Откуда я? – нахмурился он.

– Ну... ты не очень-то похож на словен. И вообще на русов. И на чужд тоже не оченьходишь.

– Я не знаю своего племени, – без тени улыбки отвечал уже Айрат, – не помню, как оно называлось. Когда я был совсем мал, наше село разорили колдуны, меня забрали в рабство. Рабом я попал в Новгород, а когда город крестили, я получил свободу и поклялся отомстить этим собакам.

Ратмир хотел сказать что-то ещё, сказать, как ему жаль, и что он не имел в виду ничего плохого, но Айрат уже ушёл, не желая его слушать. Когда юный послушник пришёл с хворостом, костёр уже был разожжён, и богатыри преступили к трапезе.

– Ждёшь особого приглашения? – послышался голос Филиппа Грека, – садись давай, ешь.

Ратмир сел рядом с монахом и взял в руки порцию мяса.

– Зря ты спросил у Айрата, откуда он, – проговорил Филипп, – Это глупо. Здесь добрая половина богатырей не из словен. Вон, видишь двоих. Один с лицом как у лошади, другой с дикими глазами. Первый – это Талмат, второй – Госта. Они – печенеги, сыновья вождя.

– Печенеги-богатыри? – удивился Ратмир.

– Да, печенеги. Их род заключил союз с князем Святославом во время войны против... Ромейской Державы, и после войны поселился под Киевом, где они много после смерти князя и приняли христианство. Самые жестокие воины-христиане из всех, кого я видел. Одного волхва они убивали целый час, отрезая от него по кусочку. Если нужно кого-то пытаться, его отдавали братьям. Думаю, это сильно мешало спасению их душ, но когда они стали богатырями, они

раскаялись, и, надеюсь, больше не повторят тех жестокостей. Мы приняли их, они равны нам. А вот Гарольд, Эдвард Хромой и многие другие и вовсе скандинавы. Они плавали по морям на своих лодьях, грабили тех, кто жили на берегу, пока Олег, такой же скандинав, только выросший в Новгороде, не взял их в плен и не крестил, приняв в свою дружину. Запомни, Ратмир, здесь уже не важно, из какого ты племени и страны, не важно, кем ты был раньше. Здесь важно только то, что ты воин Бога, важно – защищать истинно верующих. И выжить тебе помогут те, кто рядом, кем бы они ни были. Все мы христиане, все мы – братья.

После скромной трапезы, состоящей из одного мяса и грибов, Филипп отошёл подальше от костра и уселся под деревом. У него ещё было немного времени, прежде, чем остальные богатыри наедятся и будут готовы продолжить путь. Из кожаного мешочка, что висел на поясе, греческий богатырь достал бумагу с какими-то письменами и принялся её изучать. Ратмиру редко в своей жизни приходилось видеть бумагу, тогда на Руси её не производили и завозили из других стран, таких как мусульманская Булгария или Ромейская, она же Византийская Держава. Послушник тут же подсел к монаху.

– Это ведь греческий язык? – спросил он.

– Да, ромейский, – поправил его Филипп, – ты читаешь по-ромейски?

– Немного.

– Сможешь прочесть, что здесь написано?

Ратмир взял в руки лист бумаги так осторожно, как только мог. Он напряг всё своё мышление, всё, чему учился раньше.

– Это очень сложно, – сдался юный богатырь, – меня учили монахи, у которых я обучался живописи. Но, они больше уделяли времени урокам рисования, нежели грамоте.

– А по-русски ты читаешь?

– Да, русские письмена я хорошо научился разбирать.

– Ну и отлично. Значит, сможешь выучить и ромейский. Если хочешь, я научу тебя. Смотри, это стихи одного монаха, написанные ко дню именин святого Георгия. Этот монах давно умер, но я принял постриг в том монастыре, в котором он был монахом. Знание грамоты мне очень помогло. Сначала я трудился как земледелец на монастырских землях, но потом меня взяли послушником. Но даже став монахом, я жил очень бедно, еды на всех не хватало, и братья решили отправить некоторых из нас миссионерами на Руси. Я был отправлен в Новгород и здесь стал богатырём. Всё благодаря моим знаниям.

– Я бы тоже хотел уйти куда-нибудь подальше из дома. Для этого я стал послушником, надеялся, что меня сделают миссионером, отправят куда-нибудь. Но обычно миссионеры приходили в Новгород, а не уходили из него. У нас в городе и так не хватает духовных лиц.

– Но вот ты всё-таки вырвался, – улыбнулся Филипп, – если проявишь терпение и настойчивость, сможешь стать богатырём. И тогда сможешь отправиться на какую-нибудь заставу.

– Да, может быть, – согласился Ратмир.

– Это очень непросто, быть миссионером. Ты уходишь от цивилизации, от всех городских благ, терпишь лишения, пытаешься втолковать что-то людям, которые не то что тебя не понимают, а могут вообще говорить на незнакомом тебе языке, который ещё нужно выучить. Тебя могут просто убить или изгнать.

– Да, я знаю. Но, мне просто не хотелось оставаться в Новгороде.

Ратмир ждал, что Филипп начнёт расспрашивать его о том, что произошло, захочет понять, почему ему так не хочется оставаться в Новгороде, понять его боль и поделиться советом, но Филипп не спросил. Вместе этого Грек снова увлёкся своими письменами. А к Ратмиру подошёл Гарольд.

– Два монаха уже подружились, – усмехнулся он, – вставай, Монашек, пора в дорогу. И ты, Грек, давай, поднимай свой зад.

– Не беспокойся за мой зад, Варяг, – ответил Филипп, и рыжебородый скандинав хрипло рассмеялся.

– По коням, – послышался уже приказ Олега, и богатыри стали собираться в дорогу. Снова им предстояло весь день провести в пути, под палящим солнцем, страдая от жажды и голода. Гарольд не снимал кольчуги и запрещал делать это Ратмиру, отчего тело юного послушника теперь горело огнём и мучилось от страшной жажды. Пару раз Ратмир чувствовал, что вот-вот лишится чувств и упадёт с коня, но каким-то чудом он смог удержаться и свалился на землю только когда богатыри остановились на привал. Послушник почувствовал, что совсем обессилел, дорога для него превратилась в невыносимую муку. В высокой луговой траве мало кто видел Ратмира, и он позволил себе расслабиться. Бредовые образы тут же приняли атаковать его сознание. Ратмир вновь увидел огромного монстра, выходящего из тьмы. У того монстра было три головы, глаза были зелёные, как у змеи. Но самое страшное, что он не стоял на земле, а словно парил над ней. Огромные зелёные глаза заглянули в глаза Ратмира, взглянули прямо ему в душу.

– Ты на верном пути, – прошептала змея, – иди на Змеиную Заставу. Колдуны уже рядом.

Ратмир очнулся в холодном поту, вокруг него собрались богатыри. По выражениям их лиц он понял, что что-то случилось, он чем-то привлёк их внимание.

– Что происходит? – спросил Ратмир.

– Ты кричал во сне, – отвечал Филипп, – призывал всех идти на Змеиную Заставу.

– Это всё Змей. Я снова видел его, он велел мне идти туда.

Олега, похоже, эти слова не обрадовали, а заставили задуматься.

– Возможно, это ловушка, – проговорил Филипп.

– Сам знаю, – отвечал сотник, – как-то всё это очень странно. Жаль с нами нет Вольги, он бы во всём разобрался.

– Ты сам вызвался идти без него.

– Ладно, в любом случае нам нужно идти до Змеиной Заставы. Скоро осень и начнётся сбор дани. Если здесь готовится восстание, мы должны его предупредить.

– Мальчишка просто перегрелся на солнце, вот и несёт всякий бред, – скептически произнёс Гарольд.

– Может быть, это так. Смотри Гарольд, я поручил его тебе, и, если с ним что-то случится....

– Знаю, знаю. С ним ничего не случится.

Вскоре богатыри вновь отправились в путь. До Змеиной Заставы оставалось всего ничего, и завтра они уже должны были быть на месте. Ночью Ратмир спал очень плохо, тело его ныло от боли и усталости, не говоря уже о том, что он совершенно не привык спать на голой земле. Как следствие, всю ночь ему снились кошмары. Всю ночь Ратмир убежал от трёхглавого змея, который в конце концов стал Гарольдом, который избивал своего ученика копьём. Разбудил его громкий звук удара по его щиту, который лежал рядом.

– Поднимайся, – вымолвил лишь Гарольд.

Ратмир с трудом заставил себя встать. В этот день наставник уделял ему мало внимания, как и прочие богатыри. Все они были сосредоточены и готовились к прибытию на заставу. В прежние времена колдуны захватывали заставы, убивая там всех богатырей. Последнее восстание колдунов началось как раз с захвата заставы. Если сейчас произошло нечто подобное, то богатырям предстояло встретиться с врагом лицом к лицу и при этом умудриться уйти живыми, чтобы сообщить о случившемся в Новгород. Богатыри внешне никак не выдавали своей тревоги, но все понимали, что нужно готовиться к худшему. Змеиная Застава находилась в долине, ведущей до самой Волги. Именно поэтому с высоты её было видно уже издали. Несколько деревянных построек, окружённых частоколом. С виду самая обычная застава, понять, что происходит внутри было невозможно. Так же было понятно, что тем, кто спу-

ститися в долину, выбраться из неё будет уже очень непросто, особенно если сзади их будет преследовать желающий им смерти враг. И, тем не менее, богатыри, не колеблясь, пошли навстречу своей судьбе. Они ехали не спеша, медленной рысью, но земля всё равно сотрясалась от топота копыт их коней. Невозможно было незаметно подобраться к заставе. Богатыри были уже совсем близко, когда ворота частокола открылись, и выпустили вооружённых всадников. Вооружённых людей становилось всё больше, и они уже превосходили числом гостей.

– Сколько сотен здесь оставлял Вольга? – спрашивал Гарольд.

– Две сотни, – мрачно отвечал Олег.

– Что ж, будем считать. А ты готовься, Монашек. Возможно, сегодня ты пожалеешь о том, что так плохо учился у меня, но исправить ничего не сможешь.

Гарольд хрипло чему-то расхохотался, будто происходящее радовало его.

– Их уже больше, – произнёс Айрат, – я насчитал 250.

– И они всё пребывают, – промолвил Филипп.

Гарольд сдвинул в руках древко своего копья, другие богатыри тоже напряглись и приготовились к битве. Один из всадников отделился от защитников заставы и поехал вперёд. Очевидно, он хотел вести переговоры, значит, у богатырей ещё был шанс выжить. Ратмир пытался разглядеть лицо незнакомца. Редкая некрасивая борода, скрывающая следы от оспы, прищуренный взгляд, лёгкая сутулость. На вид всаднику было около сорока лет, он без колебаний ехал навстречу богатырям. Но метров за 50 остановился и прокричал:

– Вы – богатыри?

– Я сотник Святослава Вольги – Олег, – произнёс Олег Медведь.

– А грамота есть?

Олег протянул руку, и Филипп вручил ему бумажный свёрток. Сотник поднял его высоко над собой.

– Отлично! – произнёс всадник, – а я – воевода Змеиной Заставы – Всеволод, поставленный сюда волей воеводы Святослава Вольги. А теперь подъезжай и покажи мне свою грамоту.

Олег дёрнул за вожжи и поехал вперёд, богатыри же вздохнули с облегчением, все, кроме Гарольда, который теперь перестал смеяться и стал мрачнее тучи.

Глава 5. Свадьба.

– Ты совсем не любишь меня, – надувала губки Милана, – почему ты так плохо учишься?

– Я люблю тебя больше жизни, – клялся ей Ратмир, надеясь увидеть милую сердцу улыбку. Края губ красавицы действительно приподнялись, но она теперь изо всех сил старалась сдерживать улыбку, морщила лоб и сжимала губы, отчего становилась ещё прекраснее.

– Нет, не любишь, отец Феофан мне всё рассказал.

– Я не могу рисовать, как велит мне отец Феофан, – оправдывался юноша, – он совсем не позволяет мне рисовать природу. А лица на иконах совсем не похожи на лица живых людей. Я не смогу нарисовать тебя так, как пишут святых. Не обижайся, ангел мой.

Теперь Милана уже не могла сдерживать улыбки, от которой на сердце у Ратмира тут же стало невероятно тепло. Они были одни, в городском саду, дворовая челядь княжны гуляла где-то далеко. Уже второй год Ратмир нёс у неё службу, и это было самое счастливое время в его жизни. В последний год он каждый день по несколько часов проводил с греческими мастерами, которые обучали его живописи. С ними же он начал учить ромейскую речь. Так же молодой человек научился собирать травы и корни, которые затем сушил, размельчал и смешивал с водой, получая краски для палитры. Но церковная палитра казалась Ратмиру очень бедной. Она годилась только для написания церковных сюжетов и совсем не подходила для описания природы. А природные пейзажи Ратмир любил больше всего на свете, после юной княжны. Он часами проводил время за городом, собирая травы и корни, затем сушил и смешивал их, желая получить новые краски. Юный художник мучительно просиживал часами на улице, пытаясь изобразить пейзажи с невероятной подлинностью, но получалось всё равно не очень. И тогда всё начиналось по новой: травы, корни, смеси, краски, палитра. Зимой достать материалы стало невероятно сложно, и Ратмиру пришлось на время оставить свои поиски. Он рассчитывал, что теперь будет больше времени проводить с княжной, но вышло всё иначе. Наедине с Миланой он мог оставаться только тогда, когда они выходили на улицу, в саду или во дворе. В свои покои она, разумеется, его не пускала, это было слишком опасно, их могли заметить, и тогда на них бы обрушился гнев юного князя, что как минимум разлучило бы Ратмира с княжной. И влюблённые вынуждены были видеться в присутствии многочисленной княжеской челяди и знатных гостей девушки. Здесь Ратмир узнал жену воеводы Святослава Вольги, вдов богатырей Садка и Кости Новоторжанина и многих других знатных женщин. Каждая из них норовила рассказать Милане о множестве знатных женихов, проживающих в Новгороде и мечтающих взять в жёны дочь великого князя Владимира. Каждая трещала на свой лад, рассказывая о юных дружинниках, купеческих детях, даже о вдовцах. Так, недавно овдовел городской тысяцкий Путята, который славился тем, что был другом покойного воеводы Добрыни. Он был ещё не очень стар, ему не было ещё и 40-ка лет, однако влияние его было настолько велико, что юный князь побаивался его и многое ему спускал с рук. Милана в ответ только смеялась и вежливо отказывалась. Зато у Ратмира от таких разговоров внутри всё переворачивалось и хотел непременно исчезнуть, провалиться сквозь землю.

Но когда ему всё же удавалось остаться наедине с Миланой, художник забывал обо всём и понимал, что она любит его, незнатного, не богатого мальчишку из Людина Конца, и тогда благодарности его не было предела.

– Я обязательно напишу твой портрет, – говорил он.

– Болтун, ты только обещаешь, – дразнила она его.

– Я клянусь тебе, – падал на колени Ратмир, – как только я научусь хорошо писать, я все свои творения буду посвящать тебе. Я нарисую твой портрет во весь рост на стене храма. И пусть попробуют мне помешать.

– Ратмир, – улыбался княжна, – ты очень хороший, правда. Но... нам нельзя любить друг друга. Что будет дальше? Ведь никто не позволит нам обвенчаться.

– Глупости, – возражал он, – Я добьюсь всего, что необходимо, чтобы стать мужем княжны. Сейчас я не знатен, но я ещё всего добьюсь. Что смешного? Садко же добился невероятной власти и богатства, он тоже был из Людина Конца, как и я, из незнатной семьи. Да, Садко был богатырём, я тоже стану богатырём, если нужно. Буду сражаться и прославлюсь. Всё ради тебя.

И в такие моменты ей хотелось верить его обещаниям, верить, что всё будет хорошо, что ничто не сможет их разлучить. Но они выросли, и Милане уже исполнилось 16 лет. В это время и случилось то, чего они так сильно боялись. В тот весенний день она не могла унять слёз. Ратмир молил Бога о том, чтобы все дворовые девки исчезли, и он смог остаться наедине с княжной, успокоить, утешить её печаль. Лишь потом он узнал о причине её слёз. К княжне заходил князь Вышеслав, он рассказал ей о своём намерении выдать её замуж за овдовевшего тысяцкого Путятю. Милана ответила решительным отказом.

– В таком случае, – произнёс Вышеслав, – я отправлю тебя назад в Киев. Отец для того и прислал тебя сюда, чтобы я выдал тебя замуж за того, за кого считаю нужным, за знатного человека, чтобы укрепить мою власть в Новгороде. А ты отказываешься выполнить волю отца. Что ж, уезжай.

– Нет! – схватила за камзол ужу уходящего брата девушка, – я выйду замуж, как ты хочешь. Только не за Путятю, прошу тебя. Найди мне кого-нибудь по моложе.

– Мне нужно породниться с Путятёй, – возражал Вышеслав, – даю тебе месяц на раздумье.

И вышел прочь. Лишь вечером она смогла о случившемся рассказать Ратмиру.

– Если я соглашусь, я стану женой этого грубого тысяцкого, – говорила она, – а если откажусь, уеду в Киев. И так, и так я не смогу видеть тебя.

– Милана, – обнял её Ратмир так крепко, как не обнимал никогда, – я никому тебя не отдам. Уезжай в Киев, я поеду с тобой. Я везде буду следовать за тобой, всюду я найду тебя, любимая, никто не сможет нас разлучить.

И в этот момент она снова верила ему и снова забывала обо всём. У неё был ещё месяц, за это время нужно было подготовиться к отъезду. В этот месяц влюблённые как никогда старались проводить время вместе, стремились оставаться наедине при первой же возможности. И тогда Ратмир обнимал её, как в тот день, когда она не могла унять слёз, а княжна обнимала его, и весь мир исчезал для них. Их сердца словно становились одним сердцем, они дышали словно одними лёгкими и чувствовали себя живыми, как никогда. Ратмир старался изо всех сил нарисовать портрет своей любимой. Теперь он не спал ночами, пытаясь добиться нужного цвета, и однажды ему показалось, что у него получилось. В тот день Милана была печальна, но не заплакана, а юный художник даже заставил её улыбнуться. Он писал так, как ни писал никогда, и сам удивлялся своему умению. Когда княжна увидела свой портрет, то слёзы умиления выступили у неё на глазах, и она крепко обняла Ратмира. Он понял, что у него получилось, а, возможно, наученный иконописанию, он и свою возлюбленную изобразил как святую на иконе, и это её тронуло.

– Я люблю тебя, – проговорила княжна полным нежности голосом. От счастья Ратмир обнял её ещё крепче и нежнее. Она призналась ему в любви. Ратмир знал, что она что-то чувствует к нему, но впервые она заговорила о своих чувствах вслух. Больших усилий стоило юному художнику, чтобы выпустить её из объятий, когда рядом послышались чьи-то шаги, и ещё с большим трудом удалось заставить себя уйти домой, когда появилась дворовая челядь.

Так или иначе, в тот день Ратмир ушёл домой счастливым и довольным собой. Всю ночь он во сне видел Милану, обнимал её, шутил или просто держал за руку в саду. Казалось, это был самый счастливый день в его жизни. Ох, если бы он знал, какие несчастья последуют за этим днём счастья, если бы он знал, что никогда больше не будет счастлив, как тогда! Уже на следующий день Ратмир заметил какую-то суету в людской у княжны. Все к чему-то готовились и сплетничали. От дворовой челяди Ратмир узнал страшную весть: вчера вечером приходил князь, его сестра дала своё согласие выйти замуж за Путятю. Голова закружилась у художника, а почва вышла из-под ног. Как? Ещё вчера она призналась, что любит его, а сегодня уже была согласна выйти за другого. Это невозможно, это была ложь, грязные слухи, ошибка. Ратмир шёл к княжне, не понимая, что происходит. Она была не одна, но, увидев его, всем приказала выйти.

– Любовь моя, – упал на колени рядом с ней Ратмир, он был бледен как мрамор, – что случилось?

– Твой портрет, – проговорила Милана, с трудом сдерживая слёзы, – Вышеслав увидел его. Он всё понял... ему... доложили о нас.

– И что, и что ты сделала? – не сводил с ней глаз Ратмир.

– Он сказал, что тебя бросят в острог. Я просила, чтобы он тебя не трогал, пообещала, что выйду за Путятю, лишь бы он не причинил тебе вреда. Вышеслав согласился. Он не хочет предавать меня позору, только поэтому ты ещё на свободе.

– О, Господи, Господи, – поднялся с колен Ратмир. Острая боль полоснула его по сердцу. Мысли путались в голове, разум отказывал верить в происходящее.

– Нет! Нет, нет, нет, – твердил Ратмир, держа себя за волосы, – этого не должно случиться. Путятя. Я убью его, кем бы он ни был. Я вызову его на поединок. Он же не испугается мальчишки. И я его прикончу, Бог будет на моей стороне.

– Ратмир прошу тебя, – молила Милана. Видимо, в этот момент у него был страшный вид, но он не придавал этому значения.

– Давай сбежим, – упал перед ней на колени Ратмир, – давай убежим, прошу тебя. Никто нас не найдёт. Мы тайно обвенчаемся и будет жить как муж и жена.

– Где? Где мы будем жить? – поднялась с места Милана, лицо её теперь приобрело строгое и властное выражение, – дочь князя Владимира нигде не сможет скрыться. А если и сможем, Путятя везде найдёт нас, у него повсюду лазутчики, его боится даже мой брат. Он сам захотел жениться на мне, такова его воля, и если мой брат не может ей противиться, то кто мы такие?

Несколько раз она чуть было не заплакала, но смогла сдержаться. А вот Ратмир уже не мог удержать слёз, стоя на коленях. В этот момент он уже не чувствовал биения своего сердца, он будто умирал, и каждое слово Миланы слово гвоздь вбивалось в его грудь.

– Уходи, Ратмир, – проговорила, наконец она.

– Нет, – взмолился он, – не прогоняй меня.

– Мне нужно готовиться к свадьбе. Макар!

– Нет, прошу тебя, – умолял Ратмир, пытаясь обхватить её ноги, а она всё кричала, пока не появился Макар – другой стражник княжны, только постарше и посильнее. Он обхватил Ратмира сзади и вытащил из комнаты. Художник ещё пытался сопротивляться, но это было бесполезно. Его вышвырнули из княжеской избы и велели никогда не возвращаться. Ратмир пошёл в сторону дома. Он шёл долго, хоть и чувствовал невероятную слабость в ногах, дошёл до реки Волхов и уже на берегу повалился в грязь. Ратмир был бы рад сейчас потерять сознание или умереть, но он всё ещё был в сознании, видел небо над собой, чувствовал холод. Он был ещё жив, хоть был никому не нужен, был отринут целым миром. Ратмир утешал себе тем, что Милана не бросила его, а пыталась его спасти, что она действовала только из любви к нему. Но сам юноша чувствовал себя невероятным ничтожеством. Он не мог уничтожить Путятю, не мог сбежать со своей возлюбленной, он ничего не мог. А она говорила, что любит его и,

возможно, ожидала, что он сможет её спасти. Но теперь всё было кончено. Три дня Ратмир ничего не ел, только спал и видел во сне княжну. А на четвёртый день к нему пришёл монах отец Феофан. Мать Ратмира тут же обо всём ему рассказала, и старый монах нахмурился и пошёл к мальчику. Он пытался как-то утешить своего ученика, помочь ему, но все эти слова вызывали лишь тошноту у несчастного влюблённого.

– Я хочу умереть, – бросил он, наконец, в лицо монаху.

– Нельзя, Ратмир, ты же знаешь, самоубийство – большой грех.

– А мне всё равно. Ты говорил, Бог есть любовь. Ни и где она, эта любовь? Везде лишь выгода и расчёт.

– Таков наш бренный мир, в котором мы живём. Поэтому, чтобы жить во Христе, нужно отринути всё мирское, всё, что идёт от Сатаны.

– Я ненавижу этот мир, будь он проклят, – твердил Ратмир.

Тем не менее, монахи смогли ему помочь и даже убедить его продолжить жить дальше. И Ратмир продолжил жить. Но теперь он жил так, словно у него вынули душу и оставили одно тело. Теперь Ратмир больше уделял время живописи, он был буквально поглощён ей. Только живопись позволяла ему забыть о реальности этого мира и давала шанс перенестись в другой мир, в котором он был счастлив. Ратмир стал малообщителен, старался как можно меньше говорить с людьми, общался только с монахами и сам мечтал стать монахом. Возможно, живи он в другом месте, он бы смог забыть княжну, но здесь ему часто приходилось её видеть. Она появлялась в компании своего знатного мужа и знатных женщин Новгорода, улыбалась и делала вид, что не замечает юного послушника. А он каждый раз презирал и ненавидел себя после таких встреч. Каким же ничтожеством он должен был быть, что девушка, которая говорила, что любит его, не хотела его видеть? И ненависть Ратмира к этому миру и к этому городу только росла. Он стал мечтать покинуть Новгород, мечтал стать миссионером. Но случая никак не представлялось. А меж тем Милана родила от Путяты дочь, которую назвали Забавой. Ратмир в первый же день возненавидел новорожденную Забаву Путятишну. И в конце концов Ратмир поверил, что он плохой человек, что он достоин презрения и изгнания. Он уже не мог изображать красоту в своих творениях, и потому монахи позволили ему расписать на стене храма лишь сцены из ада. Ратмир с радостью согласился. Работа поглотила его, как в прежние время поглощала работа над портретом княжны. Юный художник словно видел живых извивающихся змей, извергающих адское пламя, парящих при этом в воздухе. Эти существа стали преследовать его во сне, говорить с ним. А затем вместо них появился один змей, с тремя головами, и он не исчез даже тогда, когда Ратмир закончил работу над росписью храма. Трёхголовый змей говорил с ним, лишая спокойного сна, преследовал его в видениях и во снах. Как никогда Ратмир был близок к тому, чтобы убить себя, но вместо этого суеверные монахи отвели его к архиепископу Иоакиму.

Глава 6. Змеинная Застава.

Струя со звучным журчанием падала на землю, Гарольд нарочно мочился на виду у всех, в чистом поле перед целым войском защитников заставы. Братья-печенеги и Эдвард Хромой смеялись его выходке. Наконец, вернулся и Олег, передав грамоту обратно в руки Филиппа.

– Порядок, – проговорил он, – можно ехать.

И богатыри стали спешно забираться на коней. Воевода Всеволод Хрящ позволил им пройти на заставу. Ратмир никогда прежде не видел застав, с виду это было обычное поселение, только укрепленное. Здесь было много деревянных строений, над которыми возвышался такой же деревянный христианский храм. Рядом с ним находилась оборонительная крепость. Стены заставы изнутри были оборудованы специальными помостами и лестницами, позволяющими подняться на самый верх и в случае чего отстреливаться от врагов. Жители заставы не выглядели могучими воинами, а были больше похожи на простых крестьян, было здесь не мало женщин и даже детей. И, тем не менее, защитники заставы все были в кольчугах с копьями. Воевода не спускал глаз с гостей.

– Не плохо ты тут отстроился, Всеволод, – проговорил Гарольд, – за три года-то. Местные помогали?

– Помогали, – без доли приветливости отвечал Хрящ.

– Где разместишь нас, воевода? – спрашивал Олег.

– Места здесь много, – говорил Всеволод, – мы сделали много строений на такой случай.

– А «мы» – это кто? Помнится, Вольга тут всего две сотни оставлял, а вас тут мужчин одних не счесть, а ещё женщины, дети, откуда это всё, воевода?

– Это местные, – отвечал Хрящ, отводя взгляд, – местные волхвы помогли.

– Волхвы? – с нескрываемым сарказмом проговорил Гарольд, – и что, эти волхвы тоже тут живут, на заставе?

– Здесь живут все, кому я позволяю здесь жить.

– Ясно, ясно, воевода, – отступил Гарольд.

– Нужно поговорить, с глазу на глаз, – заговорил теперь Олег.

Всеволод тут же пригласил его идти за собой. Прочие защитники заставы принялись размещать богатырей. Строения, в которых им предстояло жить, были больше похожи на казармы. Вдоль стен были расставлены лавки для сна, застеленные соломой, во дворе умывальник и уборная. Ратмир, едва держась на ногах от усталости, тут же повалился на одну из таких лавок. Другие богатыри принялись обживаться. Кто-то снимал горячие кольчуги, оголился до пояса и принялся умываться колодезной водой, кто для начала решил позаботиться о своих конях, чтобы те были накормлены и напоены, как следует. Лишь один Ратмир не участвовал в этой суете. Он наблюдал, как полуголые богатыри пытаются обнять местных девок, видел не добрые взгляды местных мужчин и потому чувствовал, что скоро здесь нагрянет беда, и ему меньше всего хотелось находиться здесь, когда это случится.

– А ты чего здесь? – послышался голос Филиппа, – есть хочешь?

– Не знаю, хочу, наверное, – отвечал Ратмир.

– Не знаешь, хочешь ли ты есть? – усмехнулся где-то совсем рядом узколиций печенег Госта, – ну ты и чудак. Сегодня на нас вся застава будет готовить угощение, думаю, Олег заставит их постараться.

– Местные не рады нашему приходу, – проговорил Ратмир так, чтобы его услышал только Филипп.

– Да, это уж точно, – уселся с ним рядом на лавку грек, – Всеволод никогда не отличался большой верой, да и на заставу он был сослан в качестве наказания. А теперь оказалось, что он с чародеями дружбу водит.

– Но это же вроде не запрещено. Волхвы же наши друзья, по договору, это колдуны – враги.

– По договору волхвы не должны без особого разрешения показываться в городах, свободу они получили только в деревнях, и в деревнях у людей осталась свобода выбирать любую веру, старую или новую, хоть дань с них собирают всё равно христиане. Здесь же застава, почти город, ни на одной заставе волхвов нет. Да и женщинам на заставах делать нечего. Если враги захватят заставу, не пожалеют никого, всех прикончат. Всеволод много законов нарушил, как бы не пришлось нам ещё биться с его богатырями.

Но другие богатыри не разделяли тревог и опасений Филиппа. Гарольд с товарищами, казалось, даже жаждал какого-нибудь конфликта, чтобы проверить на прочность местных витязей, выяснить, насколько они могут называться богатырями. В любом случае, если иные из них и участвовали в настоящих сражениях, то старый скандинав всё равно пережил больше битв. Вскоре полная женщина лет сорока позвала богатырей к ужину, и все они дружно направились в другое помещение, на другом конце заставы. Воевода Всеволод и сотник Олег находились уже там, сидели во главе стола. Гарольд тут же подсел к ним, чтобы выяснить, до чего они договорились. Ратмир в числе прочих готовился к трапезе, возможно, запах от него был много хуже, чем от его спутников, поскольку он едва нашёл в себе силы, чтобы помыть руки. Женщины не спеша заставляли стол едой. Прямо перед носом Ратмира какая-то совсем юная девушка поставила блюдо с обжаренной курицей. Художник поднял взгляд и замер в оцепенении. Он слово увидел прекрасного призрака. Это была она, те же большие голубые глаза, те же русые волосы спадали на плечи из-под завязанного на затылке платка. Девушка заметила его пристальный взгляд и, смутившись, поспешила уйти. Нет, это была всего лишь одна из местных юных красавиц, невинное дитя, но как она была похожа на Милану. Нет, не на ту Милану, которой она стала сейчас, мать ребёнка Путяты, жена тысяцкого, а на ту, которой была раньше, когда признавалась юному художнику в любви. Видение настолько захватило Ратмира, что он даже не прикоснулся к еде, когда другие уже приступили к трапезе. Но грубый толчок в плечо от Айрата заставил его опомниться и начать есть. Гарольд в это время уже хохотал над чем-то рядом с сотником и воеводой, и даже хмурый Всеволод улыбнулся его пошлым шуткам. Но когда скандинав вышел из-за стола, он был уже совсем не весел. От вина он теперь шатался из стороны в сторону и торопился по нужде на улицу. Многие богатыри уже были пьяны, это был не добрый знак. Благо, они не были вооружены, всё оружие и кольчуги остались в казарме. Ратмир тоже испил вина, это позволило ему избавиться от видения, которое никак не хотело пропадать. Тоска охватывала его, в то время как другие пили и смеялись. Однако вскоре все затихли, услышав на улице шум и ругань. Один из богатырей вышел посмотреть, а затем, запыхавшись, забежал обратно.

– Там... Гарольд....

Олег тут же вскочил с места и бегом направился на улицу, остальные побежали за ним. За спинами богатырей Ратмир с трудом разглядел скандинава с разбитой в кровь губой, возле которого на земле валялись два мужичка с разбитыми в кровь лицами.

– Что случилось, Гарольд? – спросил Олег.

– Да чёрт бы их побрал, сосунки, будут ещё указывать мне, где мне мочиться. Это же застава, чёрт бы её побрал. Как будто я никогда не бывал на заставах.

– Гарольд, здесь же женщины, дети. Будь добр, прошу тебя, держи свой отросток в штанах.

– Слушаюсь, сотник, – сплюнул кровью скандинав, – только не место бабам и малым на заставах.

– Пусть идёт спать, – произнёс Всеволод.

– Да, я отведу его, – согласился Олег, – вы тоже все расходитесь, – обратился он к богатырям, – хватит, отужинали уже.

И приобняв Гарольда за плечи, сотник повёл его за собой. А Ратмир снова увидел своё видение. Она стояла в стороне и наблюдала за происходящим. Заметив взгляд Ратмира, девушка повернулась и спешно начала уходить. Но он догнал её, хоть ещё и не знал, что сказать, но вино развязало ему язык.

– Прости нас, – говорил он, – это же Гарольд. С ним всегда так. А ведь он меня ещё учит ратному делу. Представляешь, каково мне его терпеть? А эти двоя, кто они, ты их знаешь?

– Это мои братья, – проговорила девушка.

– Братья? Родные?

– Нет. Они сыновья воеводы Всеволоды, я тоже его дочь, значит, для меня они – братья, хоть матери у нас и разные.

– Вот как. Тогда Гарольд точно зря погорячился. Но и им следовало думать, он же вдвое старше каждого из них. Сколько им лет, 16, 17?

– Игорю – 19, Вацлаву – 18.

– Ну вот, я и говорю. Гарольд, он же как скала, они бы ни за что с ним не справились.

– Чего тебе нужно, богатырь? – раздражённо остановилась вдруг девушка.

– Меня зовут – Ратмир, – проговорил он, – я лишь хотел... я... просто... а как твоё имя?

Но девушка лишь смерила его оценивающим взглядом, отвернулась и пошла своей дорогой. В этот момент Ратмир готов был провалиться сквозь землю, но вино помогло ему, и вскоре он уже почти забыл о той неумелой попытке завязать разговор. Юный художник, шатаясь, шёл в сторону богатырских казарм и вспоминал какую-то старую новгородскую песню, как вдруг услышал знакомый хриплый бас Гарольда.

– Он дурачит нас, этот старый собачий хвост, – твердил скандинав, – нужно проучить его, поставить на место.

Ратмир прижался к стене здания, чтобы его не заметили, и стал слушать.

– Да, слишком уж он заважничал, – соглашался Олег, – я всё пытался выяснить у него, куда пропадают гонцы. И знаешь, что он мне ответил? Говорит, может упыри их схватили. Говорит, в последнее время в округе развелось слишком много вурдалаков. Нападают на скот и на людей, пьют кровь. Представляешь? И даже не попытался объяснить, почему, не получая вестей из Новгорода, он ничего не предпринял, не захотел узнать причину. Скоро ведь сбор дани.

– Да, что-то здесь не ладно. Я тут тоже поспрашивал, и кое-что разнюхал. У этого пса, похоже, есть тут жена, да и ни одна. Всё как по языческим традициям. Волхвы, многожёнство. Думаю, здесь уже давно не христианская застава, если так дело пойдёт, сдаст нас Хрящ колдунам, а может и уже сдал.

– Да, возможно, и что же нам теперь делать? Объявим воеводу предателем, они нас передушат как котят, их тут слишком много. Будем просто ждать, придут колдуны, и нам всё равно придёт конец.

– Да, здесь нужно действовать аккуратно, – соглашался Гарольд. – Я вот что предлагаю. Раз гонцов схватили упыри, возьмём с собой воеводу и сотню его молодцов, и отправимся с ними по сёлам, якобы, чтобы устроить облаву на кровососов. Откажется, тогда уйдём, не отпустит, тогда уж придётся биться до конца. Бойцов здесь хороших не много, может, ещё и выстоим. Но он должен согласиться. Этот же пёс боится, знает, что, если в ближайшее время не будет от нас вестей в Новгороде, сюда придёт Вольга со всем богатырским войском, и мало им не покажется.

– Да, Всеволод тут тоже будет действовать аккуратно. Но с ним нужно держать ухо востро, в любой момент он может нас сдать колдунам. А мы даже не знаем, здесь ли они. Надеюсь, чутьё Ратмира нам поможет, не случайно же у него этот дар.

– Я тебя умоляю, – расхохотался Гарольд.

– Ладно, пойдём спать, утро вечера мудренее.

И Ратмир услышал звук удаляющихся шагов. Страх сковал его живот, реальная опасность преследовала его, была совсем рядом. Он мог умереть, как и все богатыри. Вот так вот, глупо, среди чужих и не знакомых людей, никем не любимый и никому не нужный. От этих мыслей защемило в сердце. Юный художник не сразу продолжил путь, когда он вернулся, Олег и Гарольд уже лежали на лавках, спали, или делали вид, что спят. Ратмир лёг на первую свободную лавку. Спасть на соломе было не просто, но алкоголь сделал своё дело. Перед сном он видел образ Миланы, видел её улыбку, она смотрела ему в глаза, как не смотрел никто и никогда.

Глава 7. Село Гуляево.

Он тоже смотрел в её глаза, не отрываясь, а кони несли их сани по снегу, спасаясь бегством от мороза. Её щёки покраснелись, то ли от холода, то ли от смущения, на лице застыла милая улыбка. Они были совсем одни, рядом ни души. Ратмир потянулся к ней, чтобы поцеловать, она была так близка, он так скучал по ней. Но стоило ему заключить Милану в объятия, как она тут же оттолкнула его. Сердце юноши пронзила страшная боль. Сани уже не ехали, а почему-то стояли на месте. Княжна сошла с них, её длинная шуба тут же оказалась в снегу. Ратмир тянулся к ней, но теперь сани снова поехали. Он чувствовал холод, от которого начинал дрожать, а Милана всё отдалялась от него. Вот рядом с ней появился коренастый тысяцкий Путята, в расшитом золоте пальто, в меховой шапке и валенках. На руках у княжны теперь была новорожденная дочь, закутанная в меховое покрывало. На мгновение Ратмир отвернулся, чтобы посмотреть, куда он едет. Лошади несли его всё дальше и не собирались останавливаться. Художник стал искать вожжи, чтобы потянуть за них и остановить животных, но вожжей нигде не было. А когда Ратмир взглянул снова назад, здесь уже не было ни Миланы, ни Путяты, ни даже города, только холодная снежная пустыня, в которой одиноко завывала вьюга. Душа Ратмира так же выла от боли. Сани давно уже остановились, теперь он был в снежной пустыне, в холоде, совсем один, оставленный целым миром. Ему хотелось кричать, но у него не было голоса, ему хотелось идти, но ноги по пояс провалились в сугробы. Он был один и навсегда был обречён на одиночество. Но тут Ратмир почувствовал сильный толчок в бок. Конь лягнул его копытом, и художник упал на снег. Он взглянул на морду коня, которая заговорила хриплым человеческим голосом:

– Вставай же, Монашек, чёрт бы тебя побрал!

Ратмир мгновенно пришёл в себя. Он лежал под деревом, промокший до нитки и продрогший от недавнего дождя. Видимо, он так устал, что едва богатыри расположились на привал, как тут же заснул. Но долго поспать ему не дали. Нужно было продолжать путь, впереди было село Гуляево – одно из самых крупных поселений в окрестностях Змеиной Заставы. Больше всего хлеба поставлялось на заставу именно из этого села, и потом большая часть в виде дани отправлялась в Новгород. У Ратмира была почётная роль в этом походе, он был знаменосцем, а это значило, что помимо тяжелейших копья и щита он тащил с собой ещё огромную палку с развевающейся на сильно ветру тканью. На обрывке ткани был изображён всадник, поражающий копьём змея – знамя князя Владимира, которое теперь стало символом его власти во всей Киевской Державе. Конь под Ратмиром постоянно спотыкался или наоборот пускался в галоп, из-за чего знамя постоянно падало то вперёд, то назад, и нужно было прилагать не мало усилий, чтобы удержать его в руках. Были у их небольшого войска и другие знамёна, изображающие чёрный крест на белом фоне, что было символом богатырей. Многие богатыри из сотни Олега Медведя остались на Змеиной Заставе, в путь вышло около половины, но среди них был все, кого знал Ратмир. Самого юного художника хотели оставить на заставе, на Гарольд настоял на том, чтобы «Монашек на своей шкуре почувствовал походную жизнь». И вот шкура Ратмир уже испытала на себе жару и горячую кольчугу, затем проливной дождь с сильным ветром, теперь же погода снова становилась солнечной, тучи рассеивались. До Гуляева было уже рукой подать, и воевода Всеволод заметно беспокоился. Его людей в этом походе было на порядок больше, но вооружены они были значительно хуже. В кольчугах то там, то тут были видны дыры, у многих не было мечей, только копья, а щиты выглядели так убого, что казалось, будто достаточно одного удара, чтобы их расколоть. И, конечно же, оставляли желать лучшего кони, среди которых довольно редко попадались хорошие жеребцы, в основном же были старые

клячи. Из-за этого люди Всеволода существенно отставали от Новгородцев, особенно после дождя, когда начали застревать в грязи. Время от времени людям Олега приходилось останавливаться и дожидаться отстающих. Возможно, это и сыграло роковую роль. В село Гуляево новгородцы так же прибыли первыми. Здесь они и решили дождаться отстающих. Медленно они ехали по сельской улице, но не встретили здесь ни одной живой души, будто село вымерло.

– Не нравится мне это, – проговорил Гарольд.

– Может они все в поле? – предположил Олег, – а, может, попрятались от дождя.

– Возможно.

– Дождёмся Всеволода, пусть сведёт нас с местным головой.

И они остановились прямо посреди села, но слезать с коней не спешили. Ратмир осматривался по сторонам, пытаясь увидеть хоть какие-то признаки разумной жизни. Здесь было множество кур, копающихся когтями в земле и вылавливающих оттуда пищу, гусей, плескающихся в образовавшихся лужах, телят на верёвках, жующих влажную траву на лугах, но не было ни одного человека.

– Эй, хозяева! – прокричал Гарольд, – мы пришли с миром. Мы новгородские богатыри! Никто не ответил, но на крыше одного из домов Ратмир заметил какое-то движение.

– Смотрите! – проговорил он.

– Вижу, – напрягся почему-то Филипп.

А в следующее мгновение прямо из соломенной крыши выбрался мужик в длинной рубахе с закатанными рукавами, в руках он держал длинную заострённую палку.

– В атаку! – прокричал он. И из других крыш стали выбираться точно такие же мужики.

Одни так же держали в руках пики, другие – топоры. Они стали спрыгивать сверху на конных богатырей.

– Держись! – прокричал кто-то.

– Ах ты собака! – послышался голос Гарольда. Одним ударом копья он подловил в воздухе летящего на него мужика и насадил его на палку, словно какой-то гриб или кусок мяса, а потом так же равнодушно стряхнул истекающее кровью тело. Совсем рядом с Ратмиром богатырь вдруг свалился с коня. На него запрыгнул местный, а затем начал рубить несчастного топором. С полным ярости лицом он наносил удар за ударом, когда от лица богатыря уже почти ничего не осталось, а лицо мужика само было уже перепачкано кровью. Ратмир почувствовал, что живот его скрутило, подкатывала тошнота, он вцепился в гриву коня изо всех сил. Повсюду творилось что-то невообразимое. Люди убивали друг друга, резали, кололи, рубили. Большинство богатырей уже слезли с коней и сражались пешими, сомкнув щиты. Теперь к ним не легко было подступить, они же легко из-за щита доставали своих врагом. Ратмир оказался внутри круга богатырей и чувствовал себя в безопасности. Но круг этот сужался, а мужики всё пребывали со всех сторон. Богатыри отчаянно сражались, но они были окружены.

– Слезай с коня! – прокричал Филипп, лицо его так же было перепачкано в крови. Только сейчас Ратмир заметил, что он единственный, кто ещё сидит на коня и не участвует в битве. На крик Филиппа обернулся Гарольд, и перепачканное в крови лицо его было полно лютой злобы.

– Быстро с коня, щенок! – прокричал он.

От его грозного вида у Ратмира снова скрутило в животе, но теперь больше от страха, чем от отвращения. И, преодолевая себя, дрожа всем телом, он принялся слезать с коня. Тело его оцепенело и не слушалось его, все силы будто куда-то в раз исчезли и осталась лишь какая-то странная слабость. В результате Ратмир не слез с коня, а свалился прямо в грязь и ушиб колено. Вставал он намеренно как можно медленней, но когда он выпрямился в полный рост, то чуть не был сметён спиной богатырей, который, отступая, наскочили на него. Ратмир сам не понял, как оказался в строю, щит к щиту с другими витязями. В этот момент один из мужиков топором словно крюком подхватил щит богатыря и потянул на себя. Щит вылетел, но мужик за эту выходку получил копьем в живот. Однако другой тут же появился на его месте ткнул

богатыря пикой в шею. Кровь фонтаном брызнула из раны, богатырь рухнул на землю, но тут появились сразу двое: Талмат и Госта. Один из них сражался с копьём, другой с мечом в руке. В паре они превращались в ужасную машину для убийства. Только и видно было, как под их ударами на землю падали отрубленные руки, ноги, головы или поражённые копьём мертвые тела. Ратмир почувствовал удар сразу двух пик по щиту. Двое мужиков одновременно напали на него и пытались убить, у него же едва хватало сил, чтобы держать щит.

– Их слишком много! – прокричал Олег.

– Знаю! – отвечал лишь Гарольд.

Ратмир вдруг почувствовал сильный удар вражеской пики в бок. Он не был ранен, кольчуга защитила его от удара, но страх настолько теперь охватил его, что он вдруг почувствовал неприятное тепло и сырость у себя в штанах. От страха Ратмир едва держался на ногах и постоянно отступал. Казалось, ещё мгновение, и его жизнь закончится, как жизни многих несчастных селян и нескольких несчастных богатырей, но тут появилась ещё одна группа всадников. На помощь подоспел Всеволод со своими богатырями. Они ударили в тыл врагу, и сельчане бросились в рассыпную. Натиск их ослаб, и Ратмир бросил щит, ставший невероятно тяжёлым. Он больше не мог сражаться, всё тело его сотрясалось от страха. Его спутники в этот момент уже преследовали отступающего врага, и вскоре рядом уже не оказалось никого. Ратмир сел на землю и закрыл лицо руками. В этот момент он совершенно не думал о том, как опасно вот так сидеть, и что с ним может случиться. На мгновение он убрал ладони с лица, чтобы найти глазами своих товарищей, но кругом были лишь изуродованные трупы и части тел. Ратмир снова почувствовал неприятный комок в горле, а затем повалился на четвереньки и принялся изрыгать рвоту. На мгновение ему полегчало, он смог подняться на ноги и осмотреться. Богатыри уже возвращались обратно, победившие и перепачканные в крови. Гарольд шёл прямо к своему ученику.

– Жив, не ранен? – произнёс он, схватив за плечо Ратмира. Он осматривал юношу со всех сторон.

– Ба, да ты обмочился, и бледный как поганка.

Ратмир не отвечал ему ни слова. Гарольд же вдруг размахнулся и ударил его по лицу обратной стороной ладони. От удара юный художник почувствовал привкус крови на губах.

– Дурак! – прокричал Гарольд, – почему так плохо учился? Я же говорил тебе! С коня почему не слез, если и штаны испортил. Хоть не обделался? Вроде нет, и то хорошо. Эх ты, Монашек.

– Оставь его Гарольд, – послышался голос Филиппа, – он не в себе, разве не видишь? Ты много знаешь тех, кто не обмочился в своём первом бою?

– Я не обмочился, – гордо ответил Гарольд, – хотя, дело был в море, я был весь мокрый, никто бы и не заметил. Ладно, чёрт с ним, присматривай за ним, Филипп, а мне нужно тут кое с кем потолковать.

И скандинав ушёл, даже на спине кольчуга его была перепачкана в крови.

– Как ты? – спросил Филипп у Ратмира, – Я не знаю, почему они на нас напали. С ними невозможно было договориться, ты сам видел. Мы все могли сегодня погибнуть, но тебе повезло, ты даже не ранен, пойдём. Тебе бы помогло сейчас чего-нибудь выпить. Но вряд ли найдётся вино.

Приобняв юного художника за плечи, богатырь повёл его за собой.

В этот момент Олег и Гарольд уже говорили с воеводой Всеволодом.

– Нас чуть не прикончили всех. Ты где был? – кричал Гарольд.

– Я шёл за вами, и, если бы я шёл вместе с вами, возможно, нас всех перебили бы, – отвечал Всеволод.

– Ты прав, – проговорил Олег, – но мы совсем не похожи на упырей. Так почему же местные на нас напали? Ты чего-то не договариваешь, Всеволод. Как ты все эти годы с них дань собирал? Здесь же зреет самое настоящее восстание, бунт.

– Они сами платили по урокам, – отвечал Всеволод, – платили всегда в срок, волхвы в этом помогали. Но я к ним не ездил. А вы сами подумайте. Что мы тут устроили три года назад, когда бились с колдунами. Сколько простого народу полегло, пока мы грызли друг другу глотки. На Змеиной Заставе так и вовсе никого в живых не осталось. Народ это помнит и боится. А ещё боится колдунов, которые могут вернуться и упырей, которые здесь повсюду и ждут только темноты, чтобы выползти из своих нор и напасть. Народ здесь напуган, а мы пришли с ним с оружием и на конях.

– Нужно было прийти без оружия? – злобно усмехнулся Гарольд.

– Ладно, вот как мы поступим, – заговорил Олег, – на ночь останемся здесь. Подождём упырей. А там посмотрим. Через пару дней отправимся по другим сёлам, на юг. Если там будет тоже самое, тогда будет очевидно, что здесь зреет восстание, и пора приходить сюда с войском. Да, Талмат, Госта, подойдите. Для вас у меня будет особенное задание. Умойтесь, отдохните, а потом отправляйтесь к Волге. Поспрашивайте, поразнюхайте, в общем, выясните, не появлялись ли там где колдуны, и нет ли каких признаков их появления. Претворитесь торговцами или бродягами, или кем-нибудь ещё, сами придумайте, не мне вас учить. Как что-то узнаете, возвращайтесь на Змеиную Заставу, мы будем ждать вас там.

– Слушаюсь, воевода, – почти в один голос сказали братья-печенеги.

Богатыри решили остаться ночевать в Гуляеве. Ратмир с трудом пришёл в себя к вечеру и заставил себя поесть. Перед глазами ещё были картины той ужасной схватки. Вся жизнь словно пронеслась перед ним, и теперь только одна мысль могла позволить ему отвлечься от пережитых ужасов – мысль о Милане. Она держала его за руку, смотрела ему в глаза, она верила в него. Но и тут боль уколола в сердце Ратмира. Путята. Он наверняка даже не вздрогнул бы, окажись он в такой ситуации. Бывалый воин резал бы и колол, не задумываясь, и не только не опозорился бы в штаны, но своих противников заставил бы сделать от страха мокрое дело. Да, тысяцкий был могуч, и он был мужем Миланы. Ратмир перед ним был жалким червяком, и потому за это теперь ненавидел себя.

Глава 8. После боя.

Бог услышал молитвы Ратмира, и эта ночь прошла относительно спокойно, упыри так и не появились. Единственное, что беспокоило юного художника – это преследовавшие его кошмары. Стоило ему закрыть глаза, как он видел сцены той ужасной бойни, отрубленные части тел, истекающих кровью мужиков, бьющихся на земле в смертельной агонии. Если Ратмиру и удавалось заснуть, то затем он быстро просыпался от ночных видений. В итоге он так и не смог выспаться и утром выглядел измученным и уставшим, к бледности лица добавились ещё красные глаза и вялость тела.

Ближе к обеду появился Айрат с довольным видом. На плече он нёс какую-то небольшую бочку.

– Что это? – удивился Ратмир, но Филипп, который был рядом, уже всё понял и снисходительно улыбнулся.

– Пиво, дружок, – отвечал Айрат, – отобрал у одного хуторского. Видимо, готовились к какому-то празднику. Но я нашёл их пиву лучшее применение.

Филипп в это время уже откуда-то достал три деревянных кружки. Айрат наклонил бочонок и стал, не спеша, наливать из отверстия сверху. Филипп отхлебнул первым.

– Холодное, – удовлетворённо проговорил он, – в погребе хранилось? Как же ты так нашёл его раньше Гарольда?

– Гарольд уже сутра лыка не вяжет, – усмехнулся Айрат, – достал какое-то пойло, от которого сразу даже не опьянел, а потом свалился как озимые. Оттащили его в избу, так он там весь пол заблевал.

Филипп рассмеялся в ответ и обратился к Ратмиру:

– Пей, Ратмир, надо.

Юный художник всё это время лишь держал в руках холодную кружку с безучастным видом. Но слова Филиппа словно пробудили его ото сна, и он отхлебнул кислой горечи. В животе от этого сразу прошёл холодок, в горле стало горько.

– Вот так, – проговорил Филипп, – а что Олег?

– А что Олег, весь день о чём-то спорит с Всеволодом, ему не до нас. С этой змеюкой нельзя расслабляться. Зря сотник отпустил Талмата и Госту, они бы намгодились против змеевцев.

– Перестань, – отвечал Филипп, – не хватало ещё богатырям друг друга поубивать. Такого ещё мир не знал.

Они ещё много о чём говорили, в основном о чём-то своём, чего Ратмир понять не мог, поскольку не знал тех людей, о которых пошла речь. Богатыри говорили так, будто юного художника и не было рядом, и его вполне устраивала такая роль невидимки. Он возникал из ниоткуда, когда пустел его стакан, наполнял его, а затем переливал его содержимое себе в утробу, которая в ответ раздражённо урчала. Вскоре все беды и ужасные видения начали отступать. Они лежали в луговой траве, под чистым небом, не видимые для целого мира, солнце согревало их своими лучами, и не было прекраснее момента, чем сейчас. Но богатыри сами взялись обсуждать недавнюю битву, напоминая о произошедшем уже опьяневшему юному товарищу.

– Я тебе говорю, эта змеюка специально не подошла сразу. – спорил Айрат, – Всеволод ждал, смотрел, чья возьмёт.

– Но наша так и не взяла, – не соглашался Филипп.

– Это потому что половина наших остались на заставе. Только это нас спасло. Иначе Всеволод легко позволил бы нам там подохнуть.

– Ну не знаю, он же всё-таки христианин.

– Да какой он к чёрту христианин? Он же разбойник, вспомни, сотник самого Никиты Кожемяки. Пока мы воевали с Усыней, эти псы тайно прокрались в Новгород и захватили его. Воспользовались отсутствием в городе войска. Помнишь? Вспоминай.

– Никита Кожемяка давно уже покаялся и всё равно был изгнан. Все его люди после той дерзкой вылазки приняли христианскую веру, они заслужили Божье прощение.

– Ага, а потом Вольга оставил Хряща на заставе, бессрочно. Здесь же даже города не было, стен не было. Как он жил здесь все эти года, этот старый многоженец?

– Как же это всё ужасно, – вмешался в разговор Ратмир, и богатыри умолкли, – Филипп, это же так не по-христиански. Любовь к ближнему, добро, и отрубленные руки. Нет, нет. Как звали того богатыря, которому разрубили лицо топором? У него была жена, дети, мать? Как бы хотелось забыть это, как страшный сон.

– Ратмир, я тебя понимаю, – отвечал Филипп, – но эти люди сами напали на слуг Божьих, они хотели нас убить и тем самым лишить себя спасения.

– Но почему, почему? – кричал Ратмир, чувствуя, как тяжелеет его язык, – почему нельзя было договориться? Почему всё должно быть так? Неужели мы, слуги Господа, не можем добром и милостью бороться против зла?

И, преодолевая горечь, он допил кружку до дна и повалился на спину.

– Да, брат, – произнёс Айрат, – ты действительно будто святой, тебе и впрямь надо идти в монахи.

– Я не святой, святых все любят, а меня не любит никто, – отвечал Ратмир, – что-то мне не хорошо.

– Давай-ка, – принялся толкать его богатырь, – ложись на бок, не лежи на спине, начнётся рвота, захлебнёшься собственной отрыжкой. Мерзкая смерть, я видел умерших так людей. Вонь от них стояла невыносимая. Давай, переворачивайся.

И Ратмир послушался его и позволил перевернуть себя на бок. Вскоре ему стало лучше, и он даже смог заснуть, на улице, под чистым небом. Но сон его был не долгим, вскоре он проснулся уже почти полностью трезвым. Филипп разбудил его, пора было возвращаться в село. Ратмир был самым трезвым в их дружеской компании и потому шёл посередине, поддерживая обоих приобнявших его богатырей. По дороге они наткнулись на Эдварда Хромого, он о чём-то спросил с местным мужиком, в то время как второй хуторской стоял в стороне, потупив взгляд.

– За что ты его бил палкой? – кричал каштанобородый варяг.

– Он мой раб, – отвечал мужик, – я могу с ним делать всё, что захочу.

– Ты такой же раб, как и он, раб Божий. И потому он такой же человек, оба вы свободны. И если ты не уважаешь нашего Бога, то клянусь, я с тебя шкуру спущу, собака.

– Если он не мой раб, то пусть живёт теперь, где хочет, а у меня дома больше не появляется.

И мужик пошёл прочь, повернувшись к Эдварду спиной. Такое поведение оскорбило скандинава, ноздри его расширились, глаза наполнились бешенством. Ещё мгновение, и он набросился бы на несчастного хуторянина, но тут его окликнул Ратмир.

– Эдвард, – прокричал он, – помоги.

Под тяжестью пьяных тел своих товарищей Ратмир согнулся в форме крюка и едва волочил ноги. Эдвард тут же подбежал к ним и положил руку Айрата себе на плечи.

– Вы чего так напились? – спросил он.

– А, чего, нельзя? – напал Айрат.

– Чёрт бы вас побрал, вы что, в три горла всё выпили? Что-нибудь осталось?

– Немного осталось, – отвечал Филипп, – там была целая бочка пива.

– Где? – остановился Эдвард.

– Я тебе покажу, потом, – говорил Айрат, – а сейчас надо добраться до избы и прилечь, но сначала...

И с этими словами он принялся стягивать штаны, чтобы облегчить мочевой пузырь. Всё это время Эдвард продолжал придерживать его, можно было не сомневаться, что он не оставит Айрата, зная, что тому ведомо место нахождения пива. Ратмир и Филипп в это время ушли вперёд.

– Ты, молодец, Ратмир, – говорил богатырь, – не дал Эдварду выбить душу из того хуторянина. Но всё равно они страдают от нашего присутствия. Они же проклятые язычники. Я понимаю, ты не можешь это видеть, ты как ангел, упавший в грязь. Как вернёмся на заставу, я позабочусь о том, чтобы ты больше не увидел всех этих ужасов. Больше мы тебя в бой с собой не возьмём, не переживай. Всё закончится для тебя, как страшный сон. А до той поры ты уж потерпи. Ты мне чем-то напоминаешь моего покойного сына. Я тоже хотел оградить его от ужасов этого мира, но не смог уберечь. Он не умел сражаться и погиб одним из первых вместе с моей семьёй. Ну да будет, закрой уши, не слушай, что тебе говорит старый вояка, я знаю, эти слова расстроят тебя больше, чем теперь могут расстроить меня.

Ратмир уложил Филиппа спать и до вечера остался один. Он видел проснувшегося Гарольда, злого от страшного похмелья, который накинута на тех крестьян, что дали ему это ужасное пойло и не предупредили и последствиях, видел Эдварда, страдающего от его трезвости, видел и других товарищей, которые совершенно бесцеремонно вмешивались в тихую размеренную жизнь крестьян, ломали их традиции, навязывали свою правду. Ближе к ночи Ратмир почувствовал тягу ко сну, он устал, словно после тяжёлого трудового дня и погрузился в забытие почти сразу же, как повалился в пуховую перину. Но и в эту ночь выспаться ему не удалось. На улице поднялся страшные переполох. Когда Ратмир выбежал во двор, то увидел уже многих товарищей, бегающих с копьями в руках.

– Держи его, держи! – кричали они.

– Что случилось? – спросил Ратмир.

– Упыри, они пришли, – послышался приближающийся голос Филиппа, – возьми копьё, приготовься.

Ратмир судорожно принялся отыскивать оружие. В темноте он так и не нашёл своей кольчуги и выскочил без неё. Но когда он оказался на улице с копьём в руке и щитом, здесь уже всё утихло. Богатыри вели на верёвке, как собаку существо, очень похожее на человека. Оно шло на двух ногах, борода и длинные волосы почти полностью скрывали в темноте его лицо, было видно лишь горящие зелёные глаза и огромные клыки, торчащие изо рта как у зверя. Пленник был почти гол, грязные обрывки ткани на его теле, не закрывающие даже срама, трудно было назвать одеждой. Но его нагота несколько не смущала его, иногда он издавал дикий звериный рык и пытался вырваться, но тут же получал копьём по заду или по ногам.

– Никогда раньше не видел упырей, – произнёс Ратмир.

– Это не упыри, а упырь. Один. – злобным голосом заговорил Гарольд, – пытался выпить кровь из телёнка. А говорили, что здесь их пруд пруди. Видимо, Всеволод-собака дурит нас.

– Я сказал правду, свиное ты рыло, – послышался голос воеводы, – видимо, вы отпугнули этих тварей. Вести о вас уже за сто вёрст разлетелись, чудо, что ещё этот дурак не сбежал и попался нам.

– Что с ним теперь будет? – спрашивал Ратмир, ища глазами Филиппа.

– Я бы убил его на месте, – отвечал ему Гарольд, – но Олег не хочет, чтобы мы пачкались об такую погань. Он приготовил ему особенную казнь.

И Гарольд не соврал, уже на следующий день Ратмир смог своими глазами увидеть, как расправляются с упырями. Вурдалаки боялись солнечного света, и стоило им час провести

на улице в летний день, как кожа их начинала краснеть и лопаться, появлялись язвы. Упырь мог так умирать очень долго, заживо сгнивая день за днём, но это для богатырей было слишком жестоко. Олег приказал привязать вурдалака к вбитому в землю деревянному столбу. Поскольку упырь провёл уже не мало времени на солнце, на теле у него уже появились первые признаки солнечной болезни. От этих язв вурдалак стал казаться ещё более мерзким, от него исходила жуткая вонь. Под столбом, к которому она был привязан, стали складывать ветки. Затем хуторяне развели огонь, и пламя быстро перешло на упыря. Вурдалак горел, извивался и кричал от боли, но огонь был беспощаден к нему.

– Знаю, это ужасно, – проговорил Филипп, – и самое ужасное, что это существо когда-то было человеком. Но оно было покусано вурдалаком и обратилось в их племя. С тех пор его душа потеряла шанс на спасение, он стал навеки проклятым.

– Но это не справедливо, – возмутился Ратмир, – у него не было выбора.

– Выбор есть всегда. Покусанный упырём человек может либо умереть, либо испить кровь другого существа. Если он сделает второе, он останется жить, раны его быстро будут заживать, ему будут не страшны болезни и старость. Но разум его помутиться, и вечная жажда крови завладеет им. По сути, это уже не жизнь. Упыри чем-то похожи с чародеями. Те тоже лишь однажды делают выбор, отказавшись навсегда от спасения. Они называют это инициацией, при инициации колдуны обязательно совершают жертвоприношение, убивают животное или даже раба. Упыри всё это донельзя упростили и извратили. Упырь может инициировать любого человека, в то время как чародей может сделать чародем лишь того, в ком есть чародейская кровь. Упырь приносит в жертву того же, кого и обращает. Чаще всего их жертвы умирают. Вурдалакам не выгодно, чтобы их было слишком много. По этой же причине они чаще нападают на скот, чем на людей.

– А откуда вообще взялись упыри?

– О, это древняя история. Колдуны живут долго, но всё же умирают. Издревле они искали путь к бессмертию. Некоторым это удавалось, они совершали ритуал, умирали, а потом вставали из могил. Но их начинала мучить жажда крови, они теряли последнее человеческое, что в них было и становились изгнанниками даже среди чародеев. Чтобы не быть одинокими, они и стали обращать простых людей, которые обращали других людей, а те других, и так далее. Бывшие чародеи ещё сохраняют хоть какой-то разум, когда становятся упырями, а вот те, что были людьми, превращаются вот в такие вот жалкие создания.

К этому моменту вурдалак уже перестал сопротивляться своей судьбе и превратился в дымящуюся головешку. Запах обгоревшего мяса почему-то был противен. Ратмир почувствовал, как из живота снова поднимается неприятный комок, но вскоре богатыри начали расходиться, и их юного спутника не стошнило на этот раз.

– Завтра выступаем, – проговорил Олег, пока все не разошлись, – так что сильно не напивайтесь. Кто будет с похмелья, тот до полудня будет идти пешком за своим конём.

Глава 9. Село Пичаево.

Церковное пение эхом разносилось по храму Преображения. Ратмир не знал ничего прекраснее этого чудесного многоголосья, и всё существо его трепетало от того, что он был частью этого великого действия, пел в хоре вместе с другими юными послушниками. Голос его был не плох, он даже научился играть на гусях, и все отмечали, что у него хороших слух. Конечно, Ратмир не был хорошим певцом, и когда пел один, выходило как-то не складно, высокие ноты глохли, низкие становились похожими на рёв медведя, но здесь всё было иначе. Здесь его голос поддерживался множеством других голосов: грубых и нежных, мелодичных и не очень. Здесь его голос звучал как настоящая музыка, а эхо превращало его в поистине волшебную мелодию. Сердце трепетало от восторга, и было уже совсем не важно, что в эту ночь Ратмир плохо спал из-за кошмаров с преследовавшим его змеем, что совсем недавно его бросила любая и ему навсегда была перекрыта дорога в высшее общество, что недавно уехали греки-живописцы – единственные духовно близкие ему люди. Здесь юный художник занимался искусством, занимался тем, что ему действительно нравилось в высшем обществе. Казалось, ничто не может помешать ему наслаждаться этой возвышенностью, ничто не может напомнить ему, что высшее общество в лице княжны отвергло его и низвергло обратно в Людин Конец. Но тут лишь на мгновения Ратмир устремил свой взор на прихожан церкви, и голос его вдруг затих. Здесь был Путята. Тысяцкий редко заходил в храм на службу, видимо, был очень занят, а, возможно, считал это слишком скучным, но его присутствие в мгновение ока заглушило трепет в душе юного послушника. Ратмир почувствовал, как ненависть поднимается у него из груди, почувствовал, что его враг здесь, совсем рядом, и вряд ли будет другой шанс достать его.

– Ратмир, – послышался голос отца Феодосия, – ты чего замолчал?

– Прости, святой отец, – произнёс послушник, – мне что-то не хорошо. Горло болит, застудил, наверное.

– Ладно, иди, помоги Луке очистить подсвечники. А то народу больно много, свечи уже ставить некуда.

С трудом сдерживая радость, Ратмир пошёл выполнять задание монаха. Но что делать дальше? Он приблизился к своей цели, но его противник был здесь ни один. Путята пришёл без семьи, хоть это хорошо, но рядом с ними были люди из его ополчения. Как заставить его сразиться с послушником, и как одолеть этого, хоть и не молодого, но крепкого воина? Вопросов было слишком много, и Ратмир, не зная, как на них ответить, с тревожным видом очищал подсвечники, доставал старые, уже почти догоревшие до конца свечи, освобождал место для новых. Он лихорадочно пытался что-то придумать, но ничего не приходило в голову. Как бы поступили мальчишки из Людина Конца, будь они на его месте? Он видел их склоки множество раз и даже сам пару раз безуспешно в них участвовал, однажды ему даже сломали нос, но это было ещё до его поселения в Неревском конце Новгорода. Но вот Путята шепнул что-то на ухо одному ратнику из ополчения и направился к выходу. Он уходил, никто и не надеялся, что он отстоит всю службу до конца. Ратмир набрался смелости, вспомнил все свои драки, количество которых можно было пересчитать по пальцам одной руки, и пошёл вперёд, так и не решив, что делать дальше. Он столкнулся с Путятой прямо у входа и чуть было не упал.

– Ты чего, с ума сошёл? – прокричал тысяцкий.

– Я...я... – замямлил Ратмир.

– Смотри, куда идёшь, мальчик.

– Это ты смотри, куда идёшь, – бросил ему Ратмир, удивляясь собственной дерзости.

– Что? – злобно нахмурился Путята.

– Ты меня чуть с ног сбил, бычара, – поднимался на ноги Ратмир. В следующее мгновение чья-то огромная рука схватила его за горло и потащила как игрушку.

– Как ты меня назвал? – взглянул на него Путята, – тебе жить надоело, щенок?

– Хочешь меня убить? Давай, попробуй, – наступал послушник.

– Ратмир, – послышался вдруг строгий голос отца Феодосия, – как смеешь ты дерзить нашему тысяцкому? Прошу простить его, владыка. Он немного не в себе, умом тронулся в последнее время, видения какие-то ему мерещатся.

– А, да ты дурачок, – снисходительно отпустил его Путята, – тогда всё понятно. Ну ты, святой отец, осторожнее со своими дураками, не подпускай их к мирным людям. Прости, что ухожу, дела у меня, не могу остаться.

И Путята переступил порог храма и вскоре совсем исчез из виду.

– Ты чего вытворяешь? – взглянул на Ратмира отец Феодосий.

– Я же рассказывал тебе, святой отец, – произнёс послушник, – он взял в жёны...

– Нет, ты чего вытворяешь? Ты что, хотел сразиться с тысяцким, прямо здесь, в храме? Ещё одна такая выходка, и больше в храм я тебя не пущу. А сейчас иди, сделай сорок поклонов, прочитай десять раз «Отче наш» и хорошенько подумай, что ты сделал.

Ратмиру ничего не оставалось, как подчиниться. Он был унижен и опозорен. Отец Феодосий не верил в него и, конечно же, не поддержал его в борьбе против Путяты. Для него это были лишь греховные устремления плоти, посланные Сатаной. В поведении Ратмира он видел лишь плотское желание женщины и плотское стремление овладеть её. Юный послушник не мог объяснить, что желания его намного выше плоти, что, возможно, через любовь к женщине он и хочет испытать вообще всю мощь и красоту любви, которая есть Бог. Почему-то сейчас, на пути в село Пичаево Ратмиру вспомнился именно этот момент из его прошлого. Он не любил об этом вспоминать, воспоминания причиняли ему боль, и всё же именно тогда, после того дня Ратмир понял, что он не воин, что любое желание женщины – это грех, как и любое насилие и любой вызов тому, кто сильнее. Теперь же ему предстояло сражаться. Из села выходила толпа вооружённых мужиков. Всем хотелось верить, что это не повторится, что в этот раз всё будет иначе, но хуторяне наверняка уже услышали о том, что случилось в Гуляево. Услышали о расправах, о пьянстве, последовавшем за этим, о сожительстве некоторых богатырей со вдовами убитых. Ведь некоторые зажиточные хуторяне были многоженцами, а, значит, по христианским меркам, не имели законных жён вообще, а потому каждая жена язычника в их глазах превращалась в падшую женщину. Конечно, далеко не в глазах всех богатырей, лишь таких как Эдвард Хромой или Гарольд, или печенегов Талмата и Госты, отец которых сам имел множество жён, но сыновья уже давно забыли смысл многожёнства и видели в этом лишь развлечение. Но жители села Пичаева совсем не слышали о убитом упыре, поскольку зверь этот был один, и этот добрый поступок в их глазах совсем не делал богатырей друзьями. И всё же, всем хотелось верить, что Всеволод Хрящ сможет договориться с местными, рассказать про убитого упыря и уверить всех в честности своих намерений. Воеводе даже позволили проехать вперёд без знамён, как он просил. Но чем больше богатыри наблюдали за его беседой с мужиками, тем больше понимали, что что-то идёт не так. Вот один из мужиков, наконец, замахнулся топором и с шумом ударил по щиту воеводы.

– В атаку! – тут же скомандовал Олег, и уже спешившиеся богатыри побежали по луговой траве, достающей им до колен.

Ратмир с одной стороны бежал рядом с Гарольдом, с другой – держался Айрата и Филиппа, стараясь на отставать. Он уже мог удержать в руке щит, но копьё всё равно висело и было выставлено вперёд намного меньше, чем у других витязей. Возможно, это и спасло сначала Ратмира, поскольку он всё-таки отстал и, стоя за богатырскими спинами, услышал, как огромные камни барабанят по щитам. У каждого второго хуторянин в руке была праща, которой он запускал камни с огромной силой. Это были не те мелкие камешки, которыми пастухи

гоняли свой скот, теперь пращи заряжались настоящими валунами. Богатыри закрыли головы щитами и медленно шли вперёд. Ратмир чувствовал, как нервная дрожь начинает одолевать его, но старался этому не поддаваться. «Скоро всё закончится, – твердил он про себя, – Их мало, нас больше, в прошлый раз всё закончилось быстро, и в этот раз будет не долго»

– Бам!

Огромный камень угодил ему по щиту и словно вернул Ратмира в реальность. Первые ряды богатырской дружины уже добрались до своих врагов, Всеволод в это время уже успел уйти к своим. Бойня была в самом разгаре. Гарольд словно крюком зацепил одного мужика своим копьём и тащил на себя. Хуторянин бился и сопротивлялся, но вскоре палица Эдварда разможила ему череп.

– Ко мне, сукины дети! – закричал Гарольд, и хуторяне попятились от него назад. Казалось, ещё немного, и они сдадутся, Ратмир молился об этом, но несчастные ещё сопротивлялись. Богатыри уже пробивались вглубь хуторского ополчения, и, чем дальше они заходили, тем больше рассеивались, гоняясь за мужиками. В какой-то момент Ратмир вдруг понял, что впереди него нет никого, кроме озлобленных хуторян. Он стоял на месте, не решаясь напасть, мужики тоже не спешили идти в атаку, опасаясь вооружённого, хорошо защищённого витязя. Но вот огромный камень вылетел из толпы. Ратмир почувствовал сильный удар по голове, железный шлеп словно вмялся в его лоб. Послушник упал на землю, в глазах у него помутнело, по лицу текло что-то липкое. С ужасом Ратмир увидел, как на кончике его носа набухает капля крови. Последний раз он видел столько своей крови, когда ему сломали в детстве нос. Когда мать прошла, Ратмир увидел сначала бегущего к нему издалека Айрата, а затем почувствовал чью-то тяжёлую ногу у себя на груди. Хуторянин злобно что-то твердил на незнакомом языке, в руке у него был кинжал.

– Нет, нет, – взмолился Ратмир, – прошу тебя, пощади.

Но в следующий момент острое лезвие уже устремилось к его шее. Ратмир с силой прижал подбородок к груди, и кинжал резанул его по лицу, разрезал губы. Послушник вскрикнул от страшной боли, шея его снова открылась для удара, но тут грудь хуторянина пробило копьём, и он отлетел в сторону.

– Живой? – склонился над раненым Айрат, – Чёрт бы тебя побрал, неужели так трудно держаться рядом со мной и Филиппом? Вставай давай.

Он подал Ратмиру руку, и тот поднялся на ноги. Послушник взглянул на хуторянина, который хотел его убить. Тот лежал на земле, истекая кровью, из живота его торчало огромное копьём, слово пчелиное жало. Но лицо хуторянина было полно злобы, он всё твердил какие-то ругательства на своём языке и пытался встать. Выходило не очень, мужик лишь приподнимался на лопатках, напрягая ноги, и снова падал на землю. И так раз за разом, судорожно пытался встать, не осознавая, что уже мёртв, выкрикивал одно и то же на своём языке, лицо его было напряжено, а штаны уже были мокрыми. И вдруг неожиданно этот умирающий истекающий кровью хуторянин... запел песню. Ратмир не понимал слов, он лишь видел картину звучного хриплого пения умирающего, видел, что выражение лица Айрата как-то странно изменилось, видимо, его тоже ужаснуло это зрелище. Ратмир никогда бы не смог спеть так красиво, не смотря на годы пения в церковном хоре. Голос мужика разносился эхом, хуторянин никак не хотел умирать, хоть рана его была и смертельна, он был как муха с оторванными крыльями и лапами, как бабочка, заживо приколота в гербарий. Ратмир почувствовал, что голова его закружилась, он снова потерял равновесие и рухнул в обморок.

Глава 10. Выживший.

Весной в саду пахло просто невообразимо приятно, и потому в эту пору Ратмир и Милана чаще всего проводили время именно здесь. Кони по грязи с трудом довозили их повозку до места, но, когда княжна и её юный страж оказывались в саду, это уже не могло их беспокоить. На деревьях совсем недавно распустились почки, в разные голоса запели птицы, ловко перескакивающие с ветки на ветку. Ветер был прохладный, но приятный, а редкие облака на чистом голубом небе напоминали пуховые перины для богов. Всё здесь было прекрасно: и запахи, и распустившиеся на ветках цветы, и она. Укутанная в расшитый платок и тёплое платье, княжна устремила свои большие голубые глаза в небо. Ратмир же в голубизне её глаз видел больше неба, чем у себя над головой, в лице её видел больше весны, чем вокруг. Свежий ветер играл с её волосами, и в этот момент Ратмир больше всего завидовал ветру, при каждом вздохе её грудь высоко поднималась. О, она специально дышала как можно глубже, чтобы уловить все чудесные весенние запахи, и, возможно, Милана даже не представляла, как она прекрасна, как совершенна и в этот момент. Она позволяла ему любоваться собой, но не долго.

– Сыграй что-нибудь, – попросила она.

– Я ещё мало что умею, – отпирался Ратмир.

– Ну, давай же, – нежным кокетливым голосом просила она и толкала его плечом. И Ратмир брал гусли, которые совсем недавно были куплены им на торжище и ещё пахли древесиной, и начинал перебирать струны. Это было проще, чем могло показаться, но юный художник боялся, что она слышала музыку настоящих гуслиров, которые играют на княжеских праздниках и рассказывают под музыку всякие старинные байки. Ратмир не был сказителем, не был и музыкантом, но он старался как мог, и, казалось, его мелодия очень хорошо вписывалась в этот весенний пейзаж. Он просто перебирал струны, иногда меняя манеру перебора и любовался на княжну, смотрящую в небо. Было в её взгляде что-то неземное, что-то не от мира сего, но это вовсе не делало её хуже. Милана щурилась на солнце, и от этого ещё больше походила на милое дитя. Её странности и причуды забавляли Ратмира.

– Смотри, – говорила она, – вон, видишь, жар-птица.

– Где, – смотрел в небо Ратмир.

– Вот же, смотри. Перья, большой хвост, клюв. Разве не похоже?

Действительно, облако чем-то по форме было похоже на птицу. Но почему именно на жар-птицу, Ратмир взять в толк не мог, да и не пытался. Он лишь улыбнулся и согласился с ней.

– Взгляни, – продолжил он, – а вот это словно дружина идёт.

– Какая-то маленькая дружина, – премило улыбалась Милана, глядя на облако с дюжиной похожих на витязей в строю сгущений.

– Ты играй, играй, – говорила княжна, – у тебя так хорошо получается.

Эти слова согревали душу Ратмиру, и он продолжал перебирать струны.

– Нельзя передать, как чудесно играть вот так для тебя, – говорил он, – быть для тебя полезным, даже в таких мелочах.

И снова ему удалось вызвать её улыбку с долей смущения. Милане было одновременно и неловко и приятно, но всё же больше приятно. Ратмир ласкал её слух и был счастлив находиться рядом с ней.

– Знаешь, что я думаю, – вновь заговорила она, – эту усики у тебя под носом, они совсем тебе не идут, их надо сбрить.

– Хочешь, чтобы я брил лицо? – удивлённо спросил Ратмир.

– Да, а почему нет? У тебя красивое лицо, зачем прятать его под бородой?

– Красивое лицо? – улыбался теперь Ратмир, – И что же в нём красивого? Все монахи, художники, даже твой брат – князь, все носят бороды.

– У моего брата борода совсем не большая, – не сдавалась девушка, – он стрижёт её, чтобы слишком не выросла.

– Посмотри, у меня нос немного кривой, – говорил Ратмир, – мне его сломали в драке. Разве такое лицо может быть красивым?

– Правда? – забеспокоилась Милана, лицо её выражало искреннюю жалость, – как это случилось?

– Обычная драка в Людином Конце. Я и другие ребята играли с мальчишками старше, вдруг налетели другие, стали бить старших, и нам досталось. Я швырнул в одного грязью, прям в глаз ему попал. За это он и дал мне по носу.

– Какой ужас, – тревожилась княжна.

– Да, там ужасное место, – говорил Ратмир, – люди с детства не знают любви, но знают тяжёлый труд и постоянные склоки друг с другом. Мне тогда было всего 13 лет, как выяснилось, старшие, с которыми мы играли, воровали рыбу из сетей, а те, что напали на них, были сыновья рыбаков. Я с радостью забыл бы обо всём, что там было. Много я и так не помню. А рядом с тобой я вообще забываю всё плохое. Жизнь прекрасна, а жизнь рядом с тобой – это счастье.

И снова он смог вызвать улыбку на её лице. Милана взяла его за руку и взглянула в глаза, как часто любила делать.

– И всё же, усы надо сбрить, – отворачивалась она.

– Да я даже и не умею, – всё ещё сопротивлялся Ратмир, – порежу ещё себе лицо, тогда точно придётся носить бороду.

Её рука была ещё в его руке, и он прижался к ней губами, стал целовать пальцы, каждый пальчик, видел нежность в её глазах и милую улыбку на лице. Она запускала ему пальцы в волосы, он целовал её ладонь, задерживал её руку у себя на лице и снова и снова целовал мягкую белую ладонь. Красивое лицо. У него красивое лицо. А он и не знал. Нужно было непременно сбрить пушок под носом, чтобы продолжать нравиться ей. Она, совершеннейшее создание на свете, прекраснее которого он не знает, считает его красивым и гладит его по длинным волосам.

– Ну хватит, – капризным голосом заговорила она, – сюда идут.

И они вновь отпряли друг от друга, как делали уже множество раз, и сидели как ни в чём не было, хоть и любой, кто когда-нибудь любил, легко разглядел бы нежность в их глазах.

Красивое лицо. Теперь он смотрел в кадушку с водой и видел огромную резаную рану, наскоро зашитую серыми нитками. Нижняя и верхняя губа были порваны, теперь они выглядели кривыми, левая сторона лица будто застыла в гримасе отвращения. Неужели с этим ужасным шрамом он проживёт весь остаток жизни? Ратмир не мог в это поверить и продолжал пристально вглядываться в свои кривые губы. На голове у него была затянута тугая повязка, видимо, богатыри сочли, что у него был сильно пробит череп. Если бы не было железного шлема, теперь погнутого и дырявого, возможно, так бы оно и было. Ратмир плохо помнил, как его притащили в избу, с трудом вспоминал отступление хуторян. Но теперь художник снова был в безопасности, хоть ужасные образы не переставали преследовать его. Дверь с скрипом открылась, и в комнату вошёл Филипп.

– Ну как ты? – произнёс он.

– Мне, наверное, очень повезло.

– Да. Это уж точно. Ты выжил, Айрат спас тебя. Теперь ты его должник. Хотя, по совести, спасти тебя должен был Гарольд, ведь ты его ученик. Но варяг, наверное, был занят в этот момент, убивал кого-то из местных.

– Филипп, – печально опустил взор Ратмир, – моё лицо....

– Ерунда, почти ничего не видно под щетиной. Отрастишь бороду побольше, и вообще никто не разглядит. У меня тоже есть шрамы на лице, один на щеке – огромный, мне его оставило копьё одного чародея. Ударил бы чуть правее, и пробил бы мне голову. Пойдём, поедим. Мы уже достали припасы местных. Ты есть-то сможешь?

– С такими ранами это будет просто, – улыбнулся Ратмир, но тут же нахмурился, улыбка причинила ему новую боль.

Не успели они выйти из избы, как им встретился Гарольд. С серьёзным видом он пошёл прямо на них, взял Ратмира грубо рукой за подбородок, повернул его голову в одну сторону, затем в другую и вдруг засмеялся всем своим существом.

– Красавец, – произнёс скандинав, – А ты живуч, собака.

И с этими словами он с силой обхватил Ратмира рукой за плечи и так в обнимку пошёл с ним дальше.

– Это ничего, – говорил Гарольд, – главное, что не обмочился в этот раз. В штаны мочиться – это совсем не дело, не по-богатырски. Ну да ладно, забыли, на тебе всё заживает как на собаке. Кстати, я вижу, у тебя на лице уже есть шрам, только сейчас заметил. На носу, откуда он? Тебе ломали нос?

– Да, давно это было, мне было 15 лет, – отвечал Ратмир, – мой отец тогда только умер, есть было нечего, мальчишки подговорили меня воровать рыбу из сетей рыбаков. В первый раз всё прошло, как по маслу, а во-второй раз нас уже ждали.

– Ну а что дальше, рассказывай, – оживился Гарольд.

– Ну и дали мне в нос.

– А ты что? В штаны помочился. Хе-хе.

– Нет, я взял кусок грязи и залепил гаду в глаз. На время он ослеп, а я набросился сзади и начал душить. Когда меня оттащили от него, он уже был без сознания. Я думал, что он умер, но Бог спас меня, я не стал убийцей.

– Ха, а ты, оказывается, не такой уж святоша, как я думал. Или нет, Монашек? Ты не врешь мне.

На мгновение Ратмир уловил укоризненный взгляд Филиппа.

– Я этим не горжусь, – заговорил художник, – это было ещё до того, как я принял послушание.

Наконец, они пришли, и Гарольд отпустил своего ученика. В избе Ратмир встретил Айрата, который встретил его радостными объятиями. Все здесь встречали художника радостными возгласами. Первое ранение, сильный шрам, и он, выжил, пережил уже свой второй бой, хоть ему прочили смерть ещё в первом.

За большим дубовым столом собрались уже почти все богатыри, кроме тяжело раненных и умирающих, которых сложили в отдельной избе. Олег, как обычно, сидел рядом с Всеволодом. Недовольное лицо воеводы теперь было похоже на сморщившийся сухофрукт. Очевидно, он уже сутра успел о чём-то повздорить с сотником. Но Олег, как и всегда, снова взял верх, по крайней мере, вид у него было не такой недовольный. Местные женщины подавали богатырям мясо и яйца, принесли горячего хлеба и мёда, поставили кувшины с квасом и вином. Вина по настоянию Всеволода было не много.

– Товарищи, – поднялся с места Олег с деревянной кружкой в руке, – воевода Вольга дал нам не лёгкое поручение. На этой земле зреет восстание, а мы знаем, что в любой момент могут вернуться колдуны. Если повторится то, что было три года назад, когда по всей новгородской земле хуторяне шли за колдунами, когда в Новгороде наступил голод и разбои, то мы больше не можем считать себя богатырями. Мы должны продолжить свой не лёгкий путь. Мы заглянем в другие сёла близ Змеиной Заставы и подавим восстания хуторян в самом зародыше. И когда здесь появятся колдуны, мы будем ждать их на заставе, уверенные, что нас не предадут местные. И дождёмся помощи из Новгорода.

– Что ж, желаю вам удачи, – поднялся вдруг Всеволод, – я же со своими людьми возвращаюсь на заставу. Воевать против простых землепашцев я не буду. Вы, новгородские суки, никогда не знали крестьянского труда, я же сам из крестьян, и я больше не буду воевать против своих.

Лицо Олега покраснело от ярости, желваки напряглись, а деревянная кружка, казалось, вот-вот лопнет у него в руке, выплеснув своё содержимое на стол.

– Ты нарушишь приказ воеводы Вольги? – сквозь зубы проговорил он.

– Ты не воевода Вольга. Ты лишь сотник. А воевода здесь я. И если хочешь спокойно жить на моей заставе, советую покориться. С колдунами же нам помогут справиться волхвы. Они такие же чародеи, они почувствуют приближение колдунов и обо всём мне доложат. Пойдём, братцы, нам пора домой.

И с этими словами Всеволод вышел из-за стола, и больше половины богатырей поднялись и последовали за ним. Олег сел на лавку, с трудом разжал зубы, чтобы испить из кружки вина.

– Ну, что будем делать, сотник? – спросил Гарольд.

– Разве не понятно? Мы возвращаемся на Змеиную Заставу.

Глава 11. Живопись.

Ратмир стоял в сером песке и боялся пошевелиться. Страх сковал всё его тело. Он молча наблюдал за тем, как огромные шершавые змею прокладывают себе путь по этому песку. Они были ни на что не похожи, их уродливые змеиные тела были словно искусственно приделаны к такому де чешуйчатому туловищу. Сверху чешуя была чёрной, как земля, снизу белой. Туловище с тремя змеиными шеями и головами имело и четыре когтистых лапы, которые и помогали ему перемещаться. Змеи на этот туловище как-то неестественно извивались, будто хотело оторваться и уползти, и в то же время словно приноживались и искали что-то. Ратмир в деталях мог разглядеть это ужасное существо. Чешуя на его теле и шеях была значительно грубее и мельче, чем у обычных змей, под каждой из голов свисал морщинистый подбородок, на головах же были многочисленный шишки, похожие на рога, которые выступали даже на выпуклых лбах. Всё это делало существо больше похожим на сухопутную ящерицу, и всё же было в нём что-то и от водной стихии, что чувствовалось сразу. Возможно, уродца выдавали зелёные глаза, покрытые специальной пеленой, какая была у рыб и позволяла им видеть в воде. На змеиных шеях поблёскивала какая-то слизь, какую нельзя увидеть у сухопутных ящериц, но которая постоянно присутствует не теле у змей. И всё же, это существо принадлежало не только водной стихии. Было что-то ещё, что Ратмир пока никак не мог разглядеть. Он не мог понять, зачем змеям такие грубые головы, такие мощные и многочисленные зубы в пастьях и, конечно же, странные кадыки. Юный художник видел это существо в мельчайших деталях и при желании смог бы изобразить его, но сейчас он застыл как в копаный, боялся издать даже малейший звук, готов был закопаться в этот странный серый песок, лишь бы существо не заметило его и не разорвало, как игрушку.

– О, это ты, Монашек? – послышался позади знакомый хриплый бас, – тебе что, жить надоело?

Ратмир в ужасе обернулся, ожидая увидеть Гарольда, но вместе этого разглядел Путятю. Послушника мало беспокоило, почему тысяцкий говорил голосом Гарольда, он с дрожью ужаса повернул голову обратно, и увидел, что все шесть мерзких зелёных глаз отвратительного существа смотрят теперь на него. Одна из змеиных голов открыла свою розовую пасть и вдруг... заговорила человеческими словами, хоть и грубым, больше похожим на рык голосом:

– Придут печенеги – погибнет застава. И змеи тогда победят.

– Нет, нет, – в ужасе дрожал Ратмир. Он не мог пошевелиться, застыл в оцепенении и чувствовал лишь дикий ужас перед мерзким созданием, подобным при этом человеку. Вокруг монстра же возникло едва заметное белое свечение, существо шаркнуло когтистой лапой и вдруг взмыло в воздух. Ратмир чувствовал, как всё больше уходит в песок. Песка уже было ему по колено, и он продолжал тонуть. Но юный послушник был даже рад утонуть в этом песке, чтобы не видеть этих неестественно парящих в воздухе змей с туловищем ящерицы. А существо неспешно делало круги на небе, осматривая местность, и, наконец, начало снижаться. Путятя был ещё здесь, но теперь он держал в руке свой меч, лицо его приняло воинственное выражение. Ещё мгновение, и, казалось, он сам бросится навстречу мерзкому монстру. Но этого делать не пришлось. Чудовище снижалось прямо на Путятю. Тысяцкий замахнулся, но не достал лезвием врага: монстр был слишком высоко. Существо парило прямо над Путятёй и никак не хотело снижаться. Ратмир увидел, что все три змеиных голов сделали глубокий вдох, и огромная чешуйчатая грудь стала ещё больше раза в два. И затем из ноздрей всех трёх змеиных голосов вырвались струи жёлтого пламени и устремились на Путятю. Тысяцкий вскрикнул от ужасной боли, лихорадочно замахал мечом, но это было бесполезно. Он горел, слово

факел, а монстр всё извергал пламя. В какой-то момент Ратмир почувствовал, что чувство ужаса на мгновение пропало и сменилось чувством удовольствия. Ему почему-то нравилось наблюдать, как сгорает заживо Путята, постепенно превращаясь в чёрный горящую головешку. Но даже когда всё тело тысяцкого обуглилось, когда на нём нельзя было различить никаких признаков одежды или кожи, он всё равно продолжал издавать крик боли, исходящий откуда-то из самого нутра. Наконец, ужасная казнь закончилась. Пламя потухло, на месте, где только что стоял тысяцкий, появилась дымящаяся горста серого песка. И тут новая волна ужаса охватила Ратмира. Он понял, что это за серый песок, затягивающий его всё глубже, понял, что всё эти есть прах сотен, возможно, тысяч заживо сожжённых людей. Праха было невообразимо много, он был повсюду. И Ратмир почувствовал невероятное отчаяние от того, что вот-вот и сам превратится в эту горстку праха. Вся его любовь, все его страдания и устремления, все чудесные воспоминания о Милане станут лишь горсткой праха посреди таких же гор. Ратмир лихорадочно пытался выбраться, но, чем больше он двигался, тем быстрее тонул в прахе. А монстр тем временем уже приближался, на этот раз он спустился на землю, сел прямо в серый песок напротив напуганного до смерти послушника.

– Нет, нет, – молил лишь Ратмир, – Почему? Кто ты? Что ты?

– Я – Змей Горыныч, – отвечали в один голос мерзкие пасти монстра, – и я уже близко.

А затем он стала набираться воздух в грудь. Ратмир вырывался изо всех сил, кричал и молился, но это было бесполезно. В следующее мгновение три огненных струи устремились прямо на него.

– Не-е-ет! – прокричал Ратмир и вдруг почувствовал пуховую перину, мокрое от пота одеяло, бревенчатые стены. Он был жив, это был всего лишь кошмарный сон.

– Чего разорался? – произнёс кто-то из богатырей.

– Опять твой змей? – раздался в темноте голос Филиппа.

– Да, он называет себя Змеем Горынычем. Наверное, потому, что он будто горит и сам извергает огонь.

Остаться здесь Ратмир больше не мог и отправился на улицу. На дворе уже занимался рассвет, небо становилось тёмно-синим, звезды на нём почти все исчезли. Ратмир чувствовал невыносимый жар, будто он продолжал ещё гореть изнутри. Рядом с избой стояла наполненная водой поилка для лошадей, в неё послушник опустил руки и к своему удивлению увидел поднимающийся сверху пар. Понемногу жар начинал спадать. Ратмир не понимал, что происходит, но ложиться снова спать боялся. Вот уже шёл третий день, как богатыри вернулись на змеиную заставу, и всё это время его мучили кошмары. Однако сегодняшний кошмар был особенно ужасен, сегодня он вдруг начал воплощаться в реальности. Ратмир и впрямь начинал гореть и не понимал, что с ним происходит. Лишь одно могло успокоить юного художника, и все пять дней он предавался этому успокоению сполна, радуясь, что ничто не отнимает его времени. Ратмир вернулся в избу и взял оттуда небольшую сумку из мешковатой ткани. Набросив её на плечо, он направился к задним воротам заставы. Ворота эти почти всегда были открыты, поскольку располагались рядом с рекой – притоком могучей Волги. Сюда приплывали торговые корабли, а вода весной поднималась под самые городские стены. Змеиная застава была расположена очень удачно, хоть и проверить это до сих не было никакой возможности: на заставу ещё никто не нападал с момента её основания. Ратмир сел на небольшом холмике, покрытом травой, позади него были лишь городские стены, покрытые водорослями у своего основания, впереди – бескрайнее небо и заросли камышей у берега, а дальше медленно текущая вода. Ничто не могло помешать юному художнику заняться своим делом, и он достал белые дощечки, достал флаконы с порошками разных цветов, сделанные им ещё под Новгородом, и стал делать палитру. Пока смешивал порошки с водой и друг с другом, пытаясь добиться нужных цветов, прошло не мало времени, солнце уже значительно поднялось над горизонтом, а потому с мечтой отобразить на дощечках столь волшебный рассвет сегодня пришлось распрощаться. Но это

не сильно огорчало Ратмира. Он понимал, что всё равно не сможет изобразить такой красоты, для этого его палитра была слишком бедна, а, возможно, и сами дощечки плохо подходили для настоящей реалистичной живописи. Но другого материала, на котором было можно писать, Ратмир не знал. Не так давно он узнал о существовании бумаги и записей на ней, но в те времена и бумага была такого качества, что на ней можно было писать лишь чёрными чернилами, про хост же он не слышал никогда. В уме юный художник всегда пытался себе представить, что бы могло заменить деревянные дощечки, но для этого ему не хватало знаний. И снова пришлось смириться, как всегда, и пытаться изобразить хоть как-то чудо, отрывшееся его взору. Трава блестела от росы, небо было чистым и оттого казалось поистине бесконечным. Но как изобразить бесконечную синеву, как изобразить блеск росы? В отчаянии Ратмир отшвырнул дощечку в сторону. И тут в голове стали вновь возникать ужасные образы из его сновидений и из реальной жизни, которое лучше были бы кошмарными видениями сна. Но последние были реальными воспоминаниями, и напоминанием о тех ужасах было лицо Ратмира, изуродованное ужасным шрамом.

Но тут он увидел выходящих из ворот горожан. В основном здесь были женщины, которые, вероятно, хотели воспользоваться речной водой для хозяйственных нужд. Ратмир молча наблюдал за ними, разглядел даже прекрасную дочь воеводы Всеволода, которая так напомнила ему Милану. Он тоже заметила его, хоть и тут же отвернулась, сделав вид, что не замечает. А затем женщины приступили к стирке, достали грязные вещи из корзин, зачерпнули воды в кадушки и ушаты. Теперь пейзаж был испорчен их присутствием, и Ратмир вынужден был оставить своё занятие. И всё же, принадлежности, необходимые для рисования, не убрал. Юные девушки только в самом начале помогали своим матерям, а затем детская натура в них победила, и они начали брызгать друг дружку водой, бегать и веселиться. Их звонкий смех эхом разносился вдоль реки, и Ратмир не заметил, как и сам начал улыбаться. Возможно, это и привлекло к нему местных красавиц. Сначала они подошли гурьбой, и, смеясь и переглядываясь, стали спрашивать, чем он тут занимается. Им было любопытно, никогда прежде они ничего не видели. Ратмир, как смог, объяснил им, что пытается изобразить красоту этих мест.

– Зачем это нужно рисовать на досках? – спрашивала дочь Всеволода, – ведь мы и так каждый день видим здесь эту красоту. Она жмурилась на солнце, и в этот момент особенно походила лицом на Милану. Ратмир почувствовал, как сжалось у него сердце, но не подал виду.

– Вы видите это каждый день, – отвечал он, – но я ведь уеду, и, возможно, этих мест больше не увижу. А так, вдалеке отсюда я всегда смогу вспомнить вашу землю.

Эти слова не могли не понравиться местным девушкам, а Ратмир в это время продолжал, обратившись уже к дочери воеводы:

– Во ты, например, очень красива. Таковую красоту редко встретишь, но все люди смертны, и старость беспощадна ко всем. И если бы я мог изобразить твою красоту, мог запечатлеть в красках твой лик, то, возможно, ты бы смогла показывать картину своим детям, когда морщины уже коснулись бы твоего лица. И никто бы не забыл, как ты была прекрасна.

– Ты и вправду это можешь? – удивилась девушка.

– Правда, – отвечал Ратмир, – хочешь, покажу?

И она согласилась, и, казалось, когда она начала позировать ему, то стала ещё прекраснее, чем была. Возможно, она уже знала, что делает её краше, как нужно сделать волосы, надуть губки, задумчиво нахмурить лобик. И девушка даже и представить не могла, как она в этот момент похожа на княжну – сестру новгородского князя. Сначала её подруги были рядом, но потом им это быстро надоело, и они ушли по своим делам. Дочь воеводы же продолжала здесь сидеть, оставшись с художником наедине.

– Воевода твой настоящий отец? – спросил он невзначай.

– Нет, – печально нахмурилась девушка, – мой отец погиб. Мы жили в селе Пичаево, когда к нам пришли колдуны, точнее, их слуги из людей. Они забирали дань, не жалели никого.

Когда отца не стало, мы голодали, но Всеволод взял её третьей женой, с тех пор голод прекратился.

- Значит, твои братья – Вацлав и Игорь, не сыновья твоей матери?
 - Нет, их мать умерла недавно. Моему настоящему брату – 12 лет, его зовут – Фома.
 - О, он – христианин. А тебя как зовут?
 - Агния, – почему-то раздражённо отвечала девушка, – чего ты так долго? Дай посмотрю.
 - Нет, – отвёл в сторону дощечку Ратмир, – ещё не готово.
 - А когда будет готово?
 - Дай бог к вечеру.
 - Нет, я так долго не могу ждать. Моя матушка будет ругаться, у меня ещё много дел.
 - Тогда в другой раз закончим. Завтра. Хорошо? Придёшь сюда с утра?
- Агния засомневалась, но всё же ответила:
- Приду.

И с этими словами почти бегом направилась к городским воротам. Она была легка и прекрасна, как когда-то Милана. Ратмир видел в ней сходства, но не хотел, отказывался видеть отличия. Для художника был теперь один критерий красоты: сходство с княжной. По ней он мерил всё, любой звук, что напоминал звучание её голоса, считал чудесным пением, любую девушку с похожей фигурой считал самой желанной, и повсюду искал её глаза, и когда видел что-то похожее, начинал умиляться, хоть сердце его и наполнялось при этом тоской.

Глава 12. Талмат и Госта.

Стройные воронье скакуны неслись галопом по пыльной дороге. Всадники не жалели их и гнали всё быстрее и быстрее. Они не боялись свалиться с коней, их ноги и бёдра были невероятно крепки, ведь с раннего детства их обучали верховой езде. Печенеги, как и почти все в то время, не знали седла и стремена, но в отличии от всех, кочевники могли сражаться, не слезая с коней. Мёртвой хваткой их ноги обнимал тела скакунов, их крепкие пальцы хватались за гривы или вожжи, и уже никакие ветры, никакие неистовства разбушевавшегося жеребца не могли свалить их на землю. Талмат и Госта догоняли повозку, запряжённую всего одной лошастью и гружёную сеном. Мужик гнал во весь опор, и, хоть у него была хорошая фора по времени, шансов уйти у него не было никаких. Вскоре печенеги уже были рядом, схватили за вожжи его коня и грубо его остановились. Всё было кончено. Мужик попытался бежать, но Госта набросился на него, как хищник, и свалил на землю, а затем достал кинжал.

– Может отрезать тебе уши? – произнёс сухим голосом Талмат, – наш отец любил отрезать чужакам уши.

– Нет, лучше отрежем его отросток, – подхватил разъярённый Госта, – и то, что под ним. Чтобы ты, собака, больше никогда не мог ласкать женских бёдер.

– Скажи, Вышко, у тебя есть женщина? – спросил Талмат.

– Есть, – дрожащим голосом отвечал мужичок.

– Ты хочешь ещё зачать ей детей? Хочешь? Говори!

– Да, хочу.

– Тогда лучше не дури. Ещё раз такое повториться, и я разозлюсь.

Вышко еле живого от страха усадили в телегу. Ему нужно было лишь показать этим дикарям самый короткий путь до Волги, а потом он отправится домой. Хуторянин в душе уже ругал себя за свою самонадеянность. Уже шли вторые сутки, как он путешествовал с этими чужеземцами, ряженными в славянские камзолы. Вышко лишь выехал за сеном, и тут же был схвачен. Вторые сутки он не видел своей семьи, а до Волги путь был не близкий. И вот, пока его спутники спали, мужик тайком увёл за собой своего коня с телегой и надеялся добраться домой. Здесь уже чужаки бы его не тронули. Но всё вышло иначе. Воины из незнакомого племени не испугались погнаться за ним, хоть их было всего двоя, не испугались нарваться на местных. Причин такой смелости Вышко никак не мог понять, и объяснял для себя это тем, что на самом деле их здесь не двоя, а больше. Не понятно лишь было, откуда они взялись: внешне чужаки были больше похоже на южан. Один, тот, что постарше и звался Талматом, брил бороду, лицо имел узкое и немного вытянутое, чем напоминал лошадь. Сходство усиливалось ещё и тем, что свои длинные чёрные волосы он убирал на затылке в некое подобие конского хвоста. Второй, что помладше, носил совсем короткую бороду, длинные сальные патлы спадали ему на лицо и на плечи, взгляд был хмурый и полный неистовой злобы. Талмат всегда был хладнокровен, что давалось ему очень нелегко. Он постоянно сдерживал своего младшего брата, который был жесток и свиреп не по годам. Сначала христианскую веру принял старший из братьев, а уже затем он заставил тоже самое сделать и младшего. Госта слушался старшего брата, как слушался своего отца, когда тот ещё был жив. В 992-ом году от рождества Христова он погиб, сражаясь против таких же печенегов при Трубеже, на стороне князя Владимира. После той битвы князь решил избавиться от своих союзников-печенегов и переселил в город Владимир, основанный им на ростовской земле. Там печенеги помогали владимирцам отражать атаки половцев, и ряды их поредели ещё больше. А затем братья уехали в Новгород, где поступили

в городское ополчение, в сотню Олега Медведя, которая в скором времени в полном составе перешла в богатырское ополчение, под начало воеводы Вольги.

Вышко больше не пытался бежать, вечерами Талмат привязывал его к своей ноге перед сном. Так они и добрались, наконец, до реки, которая была столь огромна, что противоположный берег её казался лишь узкой чёрной полоской на горизонте. Сомнений не было, это и есть могучая Волга.

– Нужно переплыть, – говорил Талмат, сдирая шкуру с убитого им в лесу зайца, – здесь колдунов точно нет.

– Нужна лодка, – вымолвил Госта, разводящий в это время огонь, – Вышко, не знаешь, где достать лодку?

– Нет, я не знаю, – отвечал хуторянин и вдруг взмолился, – отпустите меня домой. Меня семья ждёт. Я же довёл вас во Волги, как и обещал.

– Ты-то нас довёл, – говорил Талмат, – только не верю я тебе, после того, как ты пытался нас провести. Вот отпустим мы тебя, а кони наши здесь останутся, на берегу. А кони хорошие, дорогие. И только ты знаешь, где они. Заберёшь их себе, и дело с концом. А, может, и своих приведёшь, чтобы поквитаться с нами.

– Нет, нет, – судорожно мотал головой Вышко, видя злорадную улыбку на лице Госты, – я на вас никакой обиды не держу. И хорошо вас понимаю. Признаю, был не прав. Никакого вреда вам чинить я не буду.

– И мы должны поверить тебе на слово? – проговорил Госта, доставая свой длинный кинжал.

– Прошу, поверьте мне, – взмолился Вышко, падая на колени. Талмат безмолвно выбрасывал заячьи кишки в воду и был безучастен. Госта подошёл совсем близко.

– Встань, – приказал он мужику.

Вышко поднялся, дрожа всем телом. В следующее мгновение острое лезвие скользнуло ему по горлу, кровь фонтаном брызнула в лицо и на одежду Госте. С отчаянным хрипом хуторянин рухнул замертво. Госта сел возле горстки хвороста, и, как ни в чём не бывало, продолжил разводить костёр. Вскоре Талмат принёс готовую заячью тушу, а из веток стал подниматься дым.

– Умойся, – проговорил старший брат, – и одежду отмой от крови. Нам ещё нужно искать рыбака, которые переправят нас на тот берег. А этого нужно закопать, чтобы не вонял.

Рыбака они нашли очень скоро. Печенегам повезло, он тоже был один и почти не сопротивлялся их захвату. Нового проводника звали Власом, он был постарше прежнего, но и покрепче телом. Рыбак запросил вперёд плату, и Талмат швырнул ему резану. После этого Влас уже не сопротивлялся и спокойно правил старой, пропахшей рыбой лодкой. Медленно они рассекали спокойную водную гладь, и берег позади них становился всё меньше, в то время как противоположный берег всё приближался. Наконец, лодка с шорохом зашла в заросли камыша, и снова оказалась у берега. Богатыри по колени в воде стали выбираться на сушу, Влас последовал за ними.

– Не сбежишь от нас? – спросил Талмат.

– Не сбегу, – отвечал старый проводник, – если заплатите.

Госта улыбнулся и потянулся к кинжалу, спрятанному под камзолом. Вскоре на солнце снова заблестела острая сталь.

– Стойте! – воскликнул Влас, – Вы же богатыри, верно? Вы же не убьёте волхва? Вам нельзя убивать волхвов, если мы не помогаем колдунам, а я не помогаю колдунам.

– Ты – волхв? – с пренебрежительным удивлением спросил Талмат.

– Да, самый настоящий волхв, – отвечал проводник.

– А как ты понял, что мы богатыри?

– А зачем вы взяли с собой щиты? Надписи на них почти стёрты, но кресты всё равно можно различить. К тому же, вы – чужеземцы, это видно по вашим лицам, а чужеземцы редко появляются на нашей земле, и в основном в составе богатырских дружин.

– Чёрт побери, – выругался Госта, обратив на брата вопросительный взгляд.

– Волхвов убивать нельзя, – отвечал Талмат, – но кто узнает?

– Вам нет нужды меня убивать, – сопротивлялся Влас, – я могу вам пригодиться. Я помогу вам найти колдунов.

Он зажмурился, подготовившись к смертельному удару, но удара не последовало. Талмат остановил руку младшего брата.

– Что ты сказал? – спросил старший печенег.

– Колдуны, – отвечал волхв, – я чувствую, что они рядом. Я чувствую присутствие чародейской силы. И это чутьё приведёт меня прямо к ним.

– Так, значит, они здесь?

– Они где-то совсем рядом, – совсем осмелел Влас, – и без меня вам их ни за что не найти.

– Хорошо, веди нас, – распорядился Талмат.

И рыбак повёл их. Невозможно было понять, действительно ли он волхв или взялся дурачить своих жестоких спутников, но в скором времени это всё равно выяснилось бы. Они пробрались через густые лесные заросли и хрустели ветками так, что слышно было, наверное, на другом берегу. Печенеги не привыкли к лестной местности, их стихией была степь. И всё же, когда Влас шёпотом попросил их быть как можно тише, они превратились в едва слышных мышей, прячущихся за деревьями. Они были уже совсем рядом, слышали, как доносились мужские голоса. Но нужно было подобраться поближе, нужно было самим всё увидеть. И братья подкрались так близко, как только могли и увидели целую дружину. Воины были одеты в кольчуги, спину закрывали чёрные плащи – верный признак колдунов. Прищурившись, Талмат смог разглядеть возвышающееся на палке знамя – две переплетённых между собой змеи. Это был клан Змея, и нужно было посчитать, сколько их здесь. Богатыри только начали считать, но тут увидели всадника, которому помогали слезать с коня. Коренастый, бритоголовый, с большой бородой лопатой. В нём легко узнавался Мстислав – один из вождей колдунов. Но здесь нигде не было их главного вождя – Усыни. В какой-то момент Мстислав вдруг повернулся и взглянул прямо туда, где сидели братья. А затем позвал кого-то и указал туда пальцем. Так и есть, их заметили.

– Собака, – выругался Талмат, – это всё из-за тебя, волхв, они почувствовали твоё присутствие. Давай, потихоньку отползаем, они ещё на знают, где конкретно нас искать.

Но тихо отползти не получилось, Госта наступил на скрытую под листьями ветку. После этого ничего не оставалось, кроме как бежать. Позади послышался чей-то крик, заржали кони, затрещали ветки. Братья-печенеги бежали изо всех ног, волхв едва поспевал за ним. Спешно они принялись выталкивать лодку из зарослей камышей. В конце концов, когда она оказалась на чистой воде, братья погрузились в реку уже по самую грудь. И всё же, они быстр забрались в лодку и даже помогли залезть в неё рыбаку. Вёсла ударили по воде, они поплыли.

– Что же вы натворили! – схватился за голову волхв, – что же...

Но тут стрела угодила ему прямо в шею. Лицо волхва исказилось в гримасе боли, и он рухнул на дно лодки. Госта тут же бросил своё весло, схватил щит и закрыл себя и спину брата. И как раз вовремя, поскольку тут же сразу несколько стрел попали в щит или в лодку. Талмат грёб изо всех сил, они отрывались, и вражьи стрелы не могли их достать. Но тут на реку стал опускаться туман, взявшийся буквально из неоткуда. Поначалу братья обрадовались: в тумане в них точно не попадут. Но Талмату всё сложнее становилось грести. Он взглянул на вёсла и увидел на них пучок зелёных водорослей.

– Что это? – недоумевал Госта.

– Это их чары, – отвечал старший брат.

– Успеем доплыть?

– Не знаю. Помогай, мне слишком тяжело. Думаю, стрелять они уже больше не будут.

Госта снова налёг всем весом на весло. Теперь ощущение было такое, что он пытается месить тесто. Водорослей становилось всё больше, они покрыли уже всю водную гладь. В какой-то момент вёсла просто перестали грести, а лодку начало затягивать вниз.

– Нет! – прокричал Госта, – мы не можем сдохнуть здесь!

– Замолчи, – закричал на него брат, – делай, как я.

Старший печенег достал свой кинжал, взял несколько ремней и принялся привязывать его к концу весла так, чтобы острое лезвие торчало наружу. Госта повторял за ним, хоть и не очень верил в успешность этой затеи. Вёсла снова опустились на воду, теперь они разрезали водоросли, и лодка медленно начала продвигаться вперёд.

– Получается! – радовался Госта.

Они плыли, не смотря на чары колдунов, и вскоре снова почувствовали шорох камышей. Братья выпрыгнули из лодки и по воде побежали на берег. Пока они плыли через реку туда и обратно, течение сильно отнесло их на юг, и теперь нужно было пройти не малое расстояние до своих коней. Богатыри прошли это расстояние бегом, а затем верхом направились туда, откуда пришли. Вскоре они были уже на Змеиной Заставе.

Глава 13. Волхвы.

Она пришла на следующий день, как обещала, пришла и на следующим за ним. Агния позволяла юному художнику любоваться собой, а сама тем временем присматривалась к нему. Не смотря на шрам, искривляющий губы, он был весьма хорош собой. Тёмные волосы были длинные, но не слишком, едва доставали до плеч и даже были слегка волнистыми, голубые глаза, казалось, сияли, изучая свет, выражение лица всегда было доброе, бесхитростное, улыбался он всегда искренне и от души, обнажая при этом ровные белые зубы. Ратмир брил лицо, хоть в последнее время делал это всё реже, позволяя щетине разрастись погуще, закрыть хоть на время ужасный шрам. Язык, на котором он говорил, вроде был тот же язык словен и русов, но слова и выражения были так изящны, будто на этом языке художник говорил чаще с богами, чем с людьми. И он не скупился на изысканные комплименты, что очень льстило юной падчерице воеводы. Агнии нравилось проводить с ним время, для Ратмира же эти встречи была настоящим отдыхом для души. Ведь ночами его мучили кошмары, спал он плохо, да ещё и будил своим криком товарищей. Однажды, когда Ратмир после очередного такого кошмара выбежал на улицу, Филипп направился за ним и, оказавшись на улице, в ужасе отшатнулся к стене. Кисти рук, лицо, всё тело художника было покрыто набухшими волдырями. Некоторые из этих волдырей успели полопаться, обнажив красную болезненную плоть. Это были настоящий ожоги, причём в таком количестве, что должны были причинять Ратмиру невероятную боль.

– Воды, – взмолился он, опуская руки в поилку для лошадей, – Филипп, принеси мне ведро воды, прошу.

Филипп бегом направился к колодцу, бросил туда ведро на верёвке, прокрутил катушку, достал, и с полным деревянным ведром воды направился к юному товарищу. Когда богатырь вернулся, его поразило то, что на кистях рук Ратмира от ожогов уже не осталось и следа.

– Лей мне на голову, – попросил художник.

Филипп выполнил его просьбу, не задавая вопросов. Медленно он выливал воду из ведра на голову Ратмиру и видел, как волдыри сдуваются, красные раны затягиваются, тело исцеляется. Вскоре юный художник был таким же как прежде, только выглядел уставшим и тяжело дышал.

– И так каждый раз? – спросил Филипп.

– Нет, вчера было не так сильно. Каждую ночь бывает только хуже. Я боюсь, что однажды я не успею проснуться и сгорю в своей постели. Сгорю изнутри, и никто не сможет мне помочь. Никто просто не знает, не понимает, что со мной. И я не понимаю.

– Это всё тот самый Змей Горыныч, – предполагал Филипп, – видимо, он уже совсем рядом, и, чем он ближе, чем тебе хуже. Я никогда не встречал ничего подобного, но, думаю, на тебе какое-то страшное, не знакомое нам проклятие. Змей медленно забирает у тебя силы, как и любой колдун.

– А почему бы ему сразу не убить меня и не забрать всё?

– Нет, так он получит меньше. Ты каждый день восстанавливаешься, черпая силу у других. Он убьёт тебя, когда тебе будет совсем немоготу. Но не бойся, мы тебе поможем, скоро мы разберёмся с этим Змеем.

Ратмир лишь разочарованно махнул рукой и пошёл прочь. Его ещё мучила изжога и боль в животе, как всегда в первые часы после пробуждения. Филипп не нашёл больше, что ему сказать, хоть и лицо его было полно сочувствия. Ратмир снова взялся за свою живопись и молился, чтобы ему посчастливиться вновь увидеть Агнию. Лишь она могла помочь ему забыть о боли и о том аду, который снова будет ждать его ночью.

Филипп был прав, Змей был совсем близко. Ратмир понял это, когда вернулся обратно в город, уже днём. Слухи расходились быстро. Талмат и Госта вернулись, они видели колдунов на том берегу, видели знамёна и вождя Мстислава, а колдуны видели их. Это могло означать лишь то, что чародейское войско теперь поторопиться перебраться через Волгу и вскоре уже будет здесь. Нужно было готовиться к бою. Богатыри снова собрались на совет, снова Олег и Всеволод стояли рядом, забыв о прежних обидах, но снова, как и прежде, спорили друг с другом.

– Нельзя отсиживаться здесь, – говорил Олег, – они могут зайти к нам в тыл, обойти нас, взять в осаду или вовсе пройти мимо, проплыть по какой-нибудь реке, если у них есть лодки.

– Лучше ждать их здесь, – настаивал Всеволод, – волхвы предупредят нас обо опасности, скажут, где искать колдунов. А дальше уж мы разберёмся.

– Откуда такая уверенность, что волхвы – наши друзья?

– Они дали мне слово, – лаконично отвечал воевода.

– Что, все волхвы на твоей земле, а ещё на Бояновой вотчине, и других, что рядом?

– Нет, только те, что здесь, на заставе.

– А если кто-то из волхвов, их родственник, что не живёт на заставе, займёт сторону колдунов, что они будут делать?

– Мы остаёмся, вы – как хотите, – отрезал лишь Всеволод и ушёл прочь вместе со своими витязями.

– Ну готовься, Монашек, – положил руку на плечо Ратмиру Гарольд, – скоро ты увидишь настоящую бойню. То, что было раньше, покажется тебе танцем. Хороший колдун вдвое сильнее каждого из нас. Посмотришь ему в глаза, и всё, он тебя поймает, начнёт творить с твоей душой, что захочет. Ну а если ранит тебя серьёзно чародейским оружием, даже не смертельно, считай, конец тебе, ты проклят. Где бы он ни был, он будет высасывать из тебя силу, пока не заберёт всё, до последней капли. Найдётся хороший волхв, исцелит тебя, но здесь таких нет, здесь они могут только замедлить твою гибель. И так, пока колдун, тебя ранивший, не помрёт. Тебе не выжить, точно говорю.

– Именно поэтому будет лучше, если он останется, – вмешался Филипп, – он – не воин, это очевидно, но он может быть полезен нам, он чувствует приближение Змея Горыныча. А мы даже не знаем, кто этот Змей. Может, сам Мстислав, ставший ещё сильнее, чем прежде, может, вождь Усыня, который потому и не появился с колдунами, что летает где-то в небе. А, может, у клана Змея появился какой-то новый сильный союзник, вроде собаки – Богдана Многоликого, и потому они решили вернуться на новгородскую землю. Потеряем Ратмира, и никогда этого не узнаем.

– А как он укажет нам на Змея Горыныча, если останется здесь, на заставе? Кто скажет нам о приближении этой твари, если она вообще существует?

– Я поеду с вами, – произнёс вдруг Ратмир, – я хочу покончить со Змеем Горынычем раз и навсегда, я помогу вам.

Он снова вспомнил о тысяцком Путяте. Тот точно не стал бы отсиживаться на заставе при приближении опасности, смело пошёл бы в бой.

– Ратмир, ты не понимаешь, на что идёшь, – отговаривал его Филипп, – это очень опасно.

– Чего пристал к мальчишке? – напал теперь Гарольд, – он же сказал, что идёт. Хоть перед смертью станет мужиком.

– Он – не богатырь, – возражал Филипп, – чтобы стать богатырём, он должен принести клятву.

– Это дело не хитрое, нужно только священника найти. Я даже сам это сделаю. А ты, Ратмир, жди здесь.

Впервые он назвал своего ученика по имени, а не своей любимой кличкой, и это ещё больше польстило послушнику.

– Что ж, я вижу, ты уже всё решил, – опечалился Филипп, – лишь обо одном тебя прошу, держись рядом со мной и Айратом. Гарольд тебе не поможет, а мы, возможно, успеем тебя спасти. Но если нам доведётся разминуться, держись Айрата, а не меня. Я как-нибудь отобьюсь, а вот ты без помощи Айрата точно погибнешь.

Вскоре появился и Гарольд в компании местного священника – отца Афанасия. Богатыри из сотни Олега не расходились, все ждали торжественного момента.

– Положи руку на сердце и повторяй за мной, – произнёс отец Афанасий, – я, раб Божий – Ратмир, перед лицом господина нашего клянусь: исправно и мужественно нести свою службу, учиться смирению и послушанию у духовных лиц, истреблять врагов истинной веры без всякой жалости или обращать их в христианскую веру. Клянусь, что никогда не отниму жизнь у христианина, не причиню ему тяжёлых увечий, не позволю ему страдать от нехристианской веры и погубить свою душу, перейдя в веру иную, клянусь до самого Страшного Суда быть верным воином Христа – богатырём, на этом свете и на том. Если же я нарушу свою клятву, то пусть церковь отречётся от меня, и меня постигнет кара, достойная самого страшного врага христианской веры. Во имя Отца, Сына и Святого Духа, аминь.

При последних словах священник перекрестил Ратмира, а затем помазал ему лоб миром. Новоиспечённый богатырь поклонился и поцеловал руку отцу Афанасию.

– Ну вот и всё, – обнял его за плечи Гарольд, – теперь ты один из нас.

– Поздравляю, – пожал ему руку Филипп.

– Вот уж не ожидал, – обнимал его радостный Айрат.

– Что ж, – произнёс Олег, – да будет так. Ты выступаешь вместе с нами.

Мало кто догадывался об истинных причинах обращения Ратмира в богатыри. Он был измучен и измотан своей внезапной болезнью. В последнее время спал он совсем мало, боялся засыпать. А когда человек долго не спит, то поневоле начинает помышлять о вечном сне. Но тогда Ратмир никому об этом не сказал, он лишь мечтал о том, чтобы всё закончилось как можно быстрее. В эту ночь богатырь так же долго не мог заснуть. Переворачивался с боку на бок, закрывал глаза и снова открывал. Внезапно в богатырской избе появился Олег, который ночевал всегда отдельно.

– Он кого-то искал, но, видимо, никак не мог найти, поскольку всё не уходил.

– Не меня ищешь? – послышался шёпот у входа.

– Там стоял Гарольд. Была уже полночь, а он так и ложился спать, или же, что вероятнее всего, спал где-то в другом месте.

– Где Талмат и Госта? – спросил Олег, подойдя к нему.

– А я почём знаю?

– Эх, я хотел потолковать с ними. Но с тобой тоже нужно поговорить. Дело серьёзное, пойдём.

И они исчезли из богатырской избы. Ратмир продолжил ворочаться и пытаться заснуть. Но всё было бесполезно, сон никак не шёл. Наконец, Ратмир поднялся и решил выйти на улицу. Богатырь шёл как можно тише, чтобы никого не разбудить. Когда он выбрался на улицу, то услышал знакомые шепчущие голоса. Сотник и Гарольд были совсем и рядом и о чём-то спорили, едва сдерживаясь, чтобы не повысить голос.

– То, что ты предлагаешь – это просто невысказано, – говорил Олег, – мы не можем повторно крестить тех, кто официально уже крещён. Это абсурд.

– Здесь же много не крещёных, ты сам знаешь. Но как их угадать? А так крестим всех, разом. Всеволод будет против, поэтому ему нужно схватить и запереть. Всё нужно сделать тихо. Талмат и Госта справятся с воеводой, нужно их только разыскать.

– А что потом?

– Потом мы получим верное нам, хоть и небольшое войско, – продолжал Гарольд, – после второго крещения тебя объявим воеводой, идолов порушим и пойдём в поход.

– Народ взбунтуется, – сомневался Олег, – они не будут нам подчиняться в бою. С таким войском нам не выстоять.

– Нет, как раз-таки будут. Мы заставим их доказать нам свою верность. Заставим их убить всех волхвов и порушить идолов. После этого они уже не смогут вернуться к старой вере. И, уверяю тебя, они будут самым верными и жестокими воинами. Вспомни Талмата и Госту. Они воевали против печенегов, хоть сами они печенеги. По сути, они предали своих, но в жестокости к печенегам с ними не мог сравниться ни один русин. Их отец сдох, прикончив троих. А потом на заставе они уничтожали половцев, и половцы дрожали от одного их имени. Они пытали кочевников и волхвов от рассвета до заката. Никто не мог так, как они. То же самое мы сделаем с этими людишками с заставы. После этого они возненавидят всё то, во что верили.

– Нет, нельзя, – всё ещё отпирался Олег, – ты ведь знаешь, что самые страшные предатели – упыри. Когда-то чародеи, я слышал, использовали кровососов в своих войнах, но потом отказались от этой затеи. На упырей нельзя было положиться, они были настолько жестокими, что пугали даже чародеев. А многие нападали на мирное население. Ты хочешь сделать у нас что-то на подобии. Это же немыслимо.

– Или так, или мы все погибнем, – отвечал Гарольд, – колдуны уже совсем близко, нужно действовать быстро и решительно. И ты и я понимаем, что то, что предлагает Всеволод – это не выход.

– Понимаю, – тяжело вздохнул Олег. Его ещё одолевали сомнения, он старался собраться с мыслями. Ратмиру казалось, что он даже слышит внутреннюю борьбу, происходящую в душе сотника.

– Найди Талмата и Госту, – проговорил, наконец, Олег, – пусть всё сделают как можно тише, утром мы всё закончим.

Гарольд почти бегом направился выполнять приказ. Ратмир замер в оцепенении, вот-вот из-за угла должен был появиться скандинав. Он и Олег поняли бы, что юный богатырь всё слышал, что слышать не должен был. Но этого не случилось.

– Что это у тебя на шее? Кровь? – послышался за углом голос Олега. Ратмир медленно стал пробираться обратно в богатырскую избу. Позади ещё слышался голос Гарольда:

– Да, ерунда, девчонка одна покусала, вцепилась, как собака, еле оторвал. И вроде сама глазки мне строила, а как обнял её, так она – кусаться.

Дальнейший разговор Ратмир уже не слышал, поскольку, наконец-то вернулся в избу. Он был в безопасности и улёгся на лавку. Но услышанное не давало ему покоя. То, что замыслил Гарольд, казалось ему просто ужасным. Нужно было что-то делать, нельзя было допустить кровопролития. «Клянусь, что никогда не отниму жизнь у христианина, не причиню ему тяжёлых увечий, не позволю ему страдать от нехристианской веры и погубить свою душу, перейдя в веру иную», – отдавались в голове слова богатырской клятвы. Ратмир должен был защитить крещёное население Змеиной Заставы, он не должен был позволить богатырям погубить свою душу. И он решил действовать. Когда богатырь снова вышел на улицу, здесь уже не было никого. Полночные тишины и безмолвие опустились на заставу. Мысли лихорадочно носились в голове. Ратмир должен был придумать, как спасти местное население, но не причинить вреда своим товарищам. Он шёл, ноги сами несли его, а мысли всё путались, не находя решения этой сложной головоломки. Неожиданно для себя Ратмир оказался возле дома Агнии. Он провожал её сюда пару раз, в том числе и сегодня. Да, если с кого-то нужно было начать, то первой нужно было спасать именно её. Ратмир подошёл к двери и постучал. Громкий стук эхом пронёсся по округе. Богатырь тревожно оглянулся, но никого кроме него здесь не было. Он с силой забарабанил в дверь, готовясь выбить её, если потребуется. И, наконец, в прихожей послышались какие-то шаги. Дверь открылась, и Ратмир увидел ещё не старую женщину зрелых лет, а заспанным лицом – мать Агнии.

– Ну, чего надо? – проговорила она.

– Мне нужна Агния. Она дома?

– Нешто бес в тебя вселился. Какая Агния, на дворе ночь. Ты пьяный что ли?

– Вам угрожает опасность, – не давал ей закрыть дверь Ратмир, – прошу, поверьте мне. Богатыри готовят... они хотят... Мне нужно поговорить с волхвами. Ты можешь это устроить, матушка?

– Сейчас?

– Утром будет уже поздно. Начнётся расправа.

– Ой, – встревожилась женщина, – ты один? Заходи.

Ратмир ещё раз оглянулся и вошёл в избу. Здесь было темно и почти ничего не видно, с трудом гость различил лавку и уселся на неё.

– Жди здесь, – говорила хозяйка, – я позову верховного волхва. И Всеволода – своего мужа.

– Ну нужно Всеволода, – подскочил с места Ратмир, – если он узнает, нападёт на богатырей и погубит себя, так как будет виноват. Нужны только волхвы.

– Да, может ты и прав, – согласилась женщина, – мужу пока говорить не буду

И вскоре она исчезла за дверью. Ратмир остался один в темноте. Время тянулось долго, ожидание было мучительней всего. С каждой секундой рассвет был всё ближе, а, значит, приближался печальный час для Змеиной Заставы. Мысленно Ратмир повторял слова данной им сегодня богатырской клятвы. Он не должен был её нарушить, во что бы то ни стало. Наконец, дверь открылась, и мать Агнии позвала Ратмира за собой. Он вышел и увидел несколько бородатых старцев. У некоторых из них бороды и длинные волосы были совсем седые, у иных лишь с редкой сединой, третьи были ещё совсем молоды, но они здесь были в меньшинстве.

– Я должен вас предупредить, – начал Ратмир. Но один из волхвов – самый высокий приложил палец к губам, приказав ему молчать, а потом жестом позвал за собой. Они шли по улице как можно тише и как можно ближе к городской стене и, наконец, добрались до избы, освещённой изнутри масляными лампами. Теперь Ратмир смог как следует разглядеть лица волхвов, разглядеть полки на стенах с разными порошками и флаконами, увидеть недоумевающие выражение их лиц.

– Я – верховный волхв Доброслав, – заговорил самый высокий старик, – говори, что хотел, мы слушаем тебя.

– Вам грозит опасность, – продолжил Ратмир, – сегодня днём богатыри хотят заново крестить заставу. И чтобы местные могли доказать свою преданность Богу, прикажут убить вас.

– Безумие, зачем им это?

– Вы разве не слышали? Колдуны идут к нам. Мы дадим им бой.

– Мы слышали, – отвечал Доброслав.

– Почему ты нам помогаешь? – спросил вдруг старый волхв с огромной родинкой возле носа.

– Я не помогаю ни вам, – отвечал Ратмир, – я помогаю богатырям не погубить свои души.

И Агнии, она дорога мне

– Вот как, и почему мы должны тебе верить?

– Мы можем ему верить, – вымолвил Доброслав, – в нём есть чародейская кровь. Он чувствует это, хоть и боится признать. Поэтому он и пришёл к нам. Что ж, Ратмир, ты указал нам на опасность. И как же мы должны поступить по-твоему?

– Бежать, конечно, – отвечал богатырь, – иначе будет худо.

– Бежать со своей земли, оставлять свою заставу на поругание?

– Опасность угрожает только вам, – настаивал Ратмир, – потому как вы откажитесь креститься. Другие и так уже христиане. Уходите, не навсегда, на время. Мы одолеем колдунов и уйдём. Или я попытаюсь уговорить своих товарищей позволить вам вернуться.

– Но как быть с Всеволодом и Агнией? – упрямылся старик, – воевода попадёт в немилость, а, значит, и вся его большая семья.

– Я защищу Агнию, – произнёс Ратмир, удивляясь уверенности в своём голосе, – и уговорю её креститься. Сегодня же, пока всё не началось.

– Что ж, братцы, – заговорил Доброслав с другими волхвами, – я никого неволить не хочу, но сам я остаюсь. Будь, что будет, это мой дом. Тебя же, Ратмир, я благодарю. Но я должен доложить обо всём воеводе.

– Нет, – пытался остановить его богатырь, но волхвы схватили его. Ратмир пытался сопротивляться, но его отвели в дом Агнии и оставили там под присмотром молодого волхва. Отсюда богатырь и наблюдал за происходящим. Как выяснилось, всё это было напрасно, волхвы опоздали. Талмат и Госта уже схватили Всеволода, проникнув к нему в дом. Многие волхвы действительно убежали, а те, кто остались, смогли хорошо спрятаться. Ближе к обеду вышел по нужде и волхв, стороживший Ратмира, и тоже пропал. Когда богатырь выбрался из избы, он увидел, что почти всё население заставы гнали через задние ворота к реке. Здесь на небольшом помосте стоял отец Афанасий и по очереди заново крестил всех в христианскую веру. В эту ночь Ратмир так и не спал, но это уже никого не удивляло, все знали, как он мучается от бессонницы. Лишь одно беспокоило его теперь. Волхв сказал, что в нём есть чародейская кровь. Неужели Ратмир и впрямь чародей? Но он уже принёс клятву, в конце концов, Вольга тоже в прошлом был чародеем. И всё же, эта мысль не давала покоя Ратмиру, он чувствовал, что волхвы знают о нём больше, чем он сам, могут помочь ему исцелиться и обрести себя, и эти мысли захватывали и в то же время пугали юного богатыря.

Глава 14. Схватка.

Купец Садко любил одеваться дорого и красиво, любил золотые украшения. В ухе он всегда носил большое серебряное кольцо, на шее висела золотая цепь, на пальцах были дорогие перстни. Камзол его был сшит ромейскими мастерами и так же расшит золотом. Но родом богатый купец был из Людина Конца, когда-то был таким же оборванцем, как сыновья местных рыбаков и охотников, и когда этот богач появлялся в родном конце города, местные едва ли не боготворили его. Так было и в тот печальный день, когда хоронили отца Ратмира. Мальчику тогда было 15 лет. Он смотрел на холодное тело Вышеслава, и почему-то ему казалось странным, что его отца положили в какой-то деревянный ящик и собираются закопать в землю. Ратмир помнил, что когда-то, когда был ещё совсем мал, жил не в Людином Конце, а в месте куда лучше. Тогда с ним и матерью жил и отец, они ни в чём не нуждались, а рядом была большая гора, на которой жили рослые мужчины в белых мантиях, которые представлялись ребёнку богами. В том селе было принято сжигать покойников, здесь же, в Новгороде, их хоронили в землю. Возможно, Вышеслав по традиции своих соплеменников хотел бы после смерти быть сожжённым, но этого теперь никто не мог узнать. К тому же, незадолго до смерти он принял христианство. Гроб, накрытый крышкой, опустили в могилу.

– Эй, хлопец, – послышался позади мужской голос. Ратмир обернулся и понял, что зовут его, и зовёт не абы кто, а сам Садко – кумир всего Людина Конца. Купец отделился от своей богатой свиты и направился прямо к заплаканному мальчишке в длинной конопляной рубахе.

– Ты – Ратмир? – спросил он.

– Я, – дрожащим голосом отвечал мальчик.

– Мне жаль твоего отца. Я мало знал его, но он мне оказал хорошую службу в своё время, я этого не забуду. И он попросил меня кое о чём незадолго до смерти. Будто чувствовал, что с ним что-то может случиться.

Садко запустил руку в складки камзола и принялся там что-то искать. В жестах его была какая-то странная смесь изящества и грубости, которая так же указывала на то, что он человек из высшего общества, поднявшийся из самого низа. Все здесь ему завидовали, все им восхищались и брали с него пример, а он говорил с 15-тилетним сыном Вышеслава. Ратмиру льстило такое внимание, и на время он даже забыл о своём горе. Наконец, Садко достал из складки камзола какую-то вещицу. На самой обыкновенной верёвке висел защитный амулет из тех, что не редко использовали язычники. Он был похож на крест с закруглёнными концами и, судя по всему, сделан был даже не из благородных металлов, а из простой кости.

– Держи, – протянул ему Садко руку с амулетом, – твой отец хотел, чтобы ты всегда носил этот амулет с собой. Он считал, что это защитит тебя от многих опасностей этого мира. Мой тебе совет, не носи его на шее, чтобы все видели, прячь его от посторонних глаз. Честно говоря, не знаю, что означает эта вещица и для чего она нужна, но твой отец хотел, чтобы я передал её тебе, и я выполняю его последнюю волю.

Амулет упал в раскрытую ладонь мальчику. Он принялся разглядывать занятную вещицу, а когда поднял глаза, купца здесь уже не было, он уже снова стоял рядом с такими же богачами из своей свиты, о чём-то живо беседовал с ними с серьёзным лицом. Ратмир ещё какое-то время любовался подарком, а потом спрятал его как можно дальше и прятал все эти годы. Он очень дорожил этим амулетом, поскольку не знал его истинного назначения, но понимал, что отец что-то хотел ему сказать этим, что-то очень важное. И вот сейчас, когда спустя трое суток верховой езды богатыри вдруг увидели впереди надвигающееся на них войско, Ратмир снова вспомнил об амулете, взял его в руку и крепко сжал. Поможет ли ему сегодня этот

подарок отца? Ратмир очень на это надеялся. Он чувствовал, как страх и тревога начинают овладевать им, когда вдали показались ещё знамёна клана Змея. Две чёрных змеи, стоя на собственных хвостах, переплетались друг с другом в виде пружины, наверху их шеи изгибались в противоположные стороны так, что их головы смотрели друг на друга. Фон, на котором изображались змеи, был белым, и Ратмиру сразу вспомнился Змей Горыныч – чёрный сверху и белый снизу. Неужели сегодня он увидит этого монстра не только в своих кошмарах, но и во плоти? Ратмир чувствовал, как тревога нарастает, а сердце бешено колотится в груди.

– И это всё? – слышалась рядом усмешка Гарольда, – да здесь их сотни две-три, не больше. В прошлый раз их было раз в десять больше. Да нас тут в полтора раза больше, чем их.

– Не стоит расслабляться, Гарольд, – говорил Олег, – их всегда было меньше, чем нас, однако, ни разу нам так и не удалось их одолеть.

– Да, ну тогда с ними был Богдан Многоликий, а сейчас его что-то не видно. Да и вождя Усыни не видать. Только этот лысый Мстислав. Эх, добраться бы до него.

Вождь Усыня. В своё время его имя заставляло дрожать весь Новгород. По колдовским обычаям он был кем-то вроде крёстного отца Богомила Соловья – верховного волхва Новгорода. И когда Соловей погиб, Усыня поклялся отомстить за своего крестника. Неужели это он и был Змей Горыныч, и не потому ли чародеи теперь шли так уверенно на превосходящего их числом врага?

– Всем спешиться, – слышался приказ Олега. Ратмир уверенно спрыгнул с коня, удержал щит и копьё, которое теперь не болталось возле земли, а угрожающе торчало вперёд. Айрат и Филипп находились рядом, щит к щиту они шли вместе с остальными пешими богатырями. Колдуны спешили ещё раньше и, не замедляя шагу, шли навстречу врагу. Две толпы мало знакомых, а то и вовсе незнакомых людей шли навстречу друг другу, и каждый хотел уничтожить других, хоть и совсем не знал их. Но теперь это было не важно. Не время было для мыслей, не время было для слов, сейчас действовал только один закон – сила. И здесь нужно было положиться лишь на свои инстинкты, навыки и боевой опыт. Ратмир напрягся всем телом, он шёл в ногу вместе с богатырями, и с каждым разом решимость его всё убывала, а в ногах появлялась слабость. Его товарищи уже отключили разум, уже действовали инстинктами, но юного богатыря донимали мысли, не давали покоя сомнения. Филипп изменился в лице, и, если заговорить с ним, то едва ли удастся вымолвить и два слова, Айрат так же стал невероятно молчалив, Гарольд и вовсе теперь мог говорить только ругательства, но сейчас молчал, нахмутив рыжие брови. Колдуны были уже совсем близко, они шли, словно стихия, словно единая волна, где уже не было отдельных людей, а было только целое войско. Возможно, богатыри выглядели сейчас так же, но Ратмир никак не чувствовал себя частью этого единства, он понимал, что не сможет убить и в душе рассчитывал, что всё закончится быстро. Два войска остановились напротив друг друга, и бритоголовый вождь колдунов заговорил:

– Пропустите нас, и мы не причиним вам зла.

– Зря вы вернулись, – отвечал Олег, – мы не пропустим вас, покуда мы живы.

– Что ж, да будет так. Клан Змея, в атаку!

– Богатыри, в атаку!

И вот витязи набросились друг на друга, копьё ударили по щитам, а некоторые по кольчугам, доставая до живой плоти. Ратмир стоял позади, Гарольд же, вместе с Эдвардом Хромым и братьями-печенегами сражались в первых рядах. Талмат и Госта как всегда действовали сообща, понимая друг друга без слов. Старший брат орудовал копьём, младший мечом. Оба они набросились на одного колдуна с копьём в руке, и, казалось, у него нет никаких шансов, но как бы не так. Чародей так ловко вращал копьё над головой, что к нему невозможно было подступить. Талмат несколько раз пытался ударить, но его копьё тут же было отбито, как и меч младшего брата. Госта, закрыв щитом голову, пытался ударить врагу по ногам, но другой чародей тут же воспользовался этим и нанёс сверху удар копьём. Если бы Талмат вовремя не отбил

вражеский клинок, то, наверняка, тот пробил бы шею младшему печенегу. Братья отскочили назад, но затем снова бросились в атаку. Гарольд в это время мерился силой с чародеем один на один, у Эдварда Хромого и вовсе сломалось копьё, и он взялся за меч. Некоторые колдуны уже были ранены, как и некоторые богатыри. Были и убитые, но среди них Ратмир не узнал никого из сотни Олега. Здесь были почти все мужчины с заставы, были и юные сводные братья Агнии, испытавшие на себе всю мощь Гарольда в первый день присутствия его на Змеиной Заставе. Но сейчас Ратмир думал о себе, думал лишь о том мгновении, когда ему придётся пойти в атаку. Гарольд изо всех сил пытался ранить врага, но вместо этого лишь сам подставлялся под удар, закрываясь щитом. Колдун был не так крепок телом, зато был намного быстрее и ловчее. Талмату и Госте повезло больше. Чародей, с которым они бились, в конечном итоге, вымотался, стал опускать щит, от чего и получил копьём смертельную рану в шею. Но на его место тут же пришёл другой чародей, который набросился на братьев-печенегов, не дав им отдохнуть.

Но вот Талмат и Госта стали отходить в тыл, за ними Гарольд и Эдвард, на их место приходили другие богатыри, уставшие не так сильно. Ратмир сделал несколько шагов вперёд и увидел вражеское копьё, устремившееся ему в голову. Юный богатырь поднял щит и отбил удар, который оказался столь сильным, что чуть не сбил его с ног. Филипп и Айрат тоже приняли на себя по такому удару, но последний смог ещё атаковать в ответ. Он вышел один на один с чародеем, который чему-то смеялся прямо в лицо врагу. Филипп набросился на другого колдуна, который уже был ранен в ногу и истекал кровью. Ратмир вспомнил его совет и решил держаться поближе к Айрату. Но едва он попытался переместиться, как почувствовал, что чьё-то копьё пытается догнать его в спину. Ратмир присел и лишь чудом избежал страшного ранения. Буквально бегом он ушёл от схватки с колдуном. В голове вдруг возник образ смеющегося над ним Гарольда, переводящего дух где-то позади. Но теперь Ратмира это мало волновало. Быстро он оказался рядом с Айратом, который с невероятной скоростью наносил и отбивал удары врага. Ратмир хотел ему помочь, но понял, что со своей медлительностью будет только мешать. Он уже чувствовал себя здесь лишним, поскольку ни с кем не сражался, а только занимал место и чувствовал, как страх переполняет его. Нужно было что-то делать, нужно было сражаться. И тут от ужаса холод прокатился по всему его телу. Копьё колдуна прошло над щитом Айрата. Щит лишь немного смог задержать его, но острие клинка прошло дальше и поразило богатырям прямо в глаз. Айрат дико вскрикнул от боли и откинул голову назад, а колдун замахнулся уже копьём для второго, смертельного удара. И тут уже Ратмир почувствовал, как здравый рассудок покидает его. Он с криком бросился вперёд, хоть и понятия не имел, что ему делать. Богатырь ударил по древку копья колдуна, прижал его к земле, и оно переломилось. Но тут же Ратмир почувствовал, как сильная рука вырвала у него из рук щит, а сильная нога пнула его в лицо и свалила на землю. Тупая боль охватила Ратмира, губы сразу зажгло, рот наполнился землёй и кровью. Колдун, оставшись без копья, недолго думая, достал из ножен меч. Раненый Айрат как мог встал в боевую позу. Ратмир стал подниматься на ноги, держа в руке одно лишь копьё. Он видел, как Айрат отбивает удары, даже не пытаясь атаковать, и снова побоялся ему помешать, а, возможно, побоялся получить смертельную рану. Теперь Ратмир снова вспомнил Милану. Как глупо, как мелочно с его стороны было сердиться на неё. Княжна любила его, хоть и совсем не долго, он был счастлив, и после этого уже не жалко умереть. Ратмир сжал в руку копьё и с криком побежал на врага. Острие угодило прямо в щит колдуну и пробило его насквозь. На мгновение Ратмир обрадовался, подумав, что ранил чародея, но потом вдруг понял, что хоть и копьё пробило щит, тела врага оно не задело. Богатырь с силой потянул оружие на себя с целью вырвать щит у врага, Айрат пошёл в атаку. Колдун одновременно пытался удержать щит и отбить мечом клинок врага, последнее у него получилось хуже, и копьё с силой пробило ему плечо. Кольчуга чародея тут же окрасилась в красный цвет, а лицо наполнилось яростью. Колдун закричал, словно дикий зверь и отбросил в сторону щит вместе с копьём, торчащим из него и держащим его богатырём. Ратмир снова оказался

на земле. Чародей переложил меч в другую руку, Айрат ринулся в атаку, но получил ногой по щиту. Казалось, силы колдуна увеличились, богатыри только разозлили его. Чародей даже без щита теперь атаковал и в какой-то момент обрубил копьё противника. Айрат остался с одним щитом, а меч колдуна всё разил и разил, пытаясь достать его сверху. Но тут богатырь изловчился и попал ему щитом по запястью. Пальцы чародея разжались, меч его упал на землю. И тут Ратмир вдруг увидел на эфесе его клинка знакомое изображение. Крест с закругленными концами, как на том амулете, что оставил ему его отец. Этот символ манил Ратмир, меч превратился словно в живой, и человеческим голосом подзывал к себе юного богатыря. В этой время Айрат лежал уже на земле, а чародей сидел сверху, пытаясь вырвать у него щит. Ратмира вдруг охватило необъяснимое желание завладеть мечом этого колдуна, подержать его в руке, познать его силу. Богатырь пополз, оставаясь как можно более незамеченным. Он взялся за эфес меча и почувствовал какое-то незнакомое ему, невероятное удовольствие от обладания. Меч идеально лёг в его руку, он был совсем не тяжёлый, идеально сбалансированный, он будто бы плавал в воздухе и сам направлял держащую его кисть для удара.

– Ратмир, – послышался голос Айрата. Колдун уже схватил его за горло, пытаясь удушить, но и сам богатырь пытался душить его в ответ.

– Ратмир, давай, убей же его!

Ратмир в ужасе вдруг опомнился. В его руке был меч, а его друг умирал. Любое промедление стоило ему жизни. А меч словно водил его рукой, словно тянул в битву. «Только ранить, только ранить его, – твердил про себя богатырь, – совсем слегка».

– Ратмир!

Меч словно сам направился к чародейской плоти, потянув за собой богатыря. Руки Ратмира стали словно не его руками, он чувствовал, как стал разрывает кольчугу, проникает в плоть, в такую же плоть, как у него, только чужую. Все человеческие чувства, страхи, судьба заключались в этой плоти, и теперь огромная кровоточащая рана в спине забирала из неё жизнь. Ратмир пробил его насквозь и сам ужаснулся от неожиданной силы своего удара. Но не это больше всего ужаснуло его. Ратмир попытался достать меч из чародея, но сталь не хотела выходить, а затем вдруг начала как-то странно колебаться, издавая странный звон. Богатырь хотел отпустить эфес, но не смог, руки словно приросли к мечу. И Ратмир чувствовал, как из чародея выходит жизнь, как она поднимается по клинку и переходит в него. Богатырь дрожал всем телом, но не от страха, а от неведомой силы, поражающей его, идущей от меча. Ужасная стихия сотрясала его, наполняла какой-то неистовой злобой, яростью, мощью. Наконец, Ратмир смог достать меч из раны врага, в этот момент он чувствовал странный прилив наслаждения, какой не испытывал рядом с княжной. Тогда счастье было спокойным и постепенным, сейчас же он охватило богатыря резко и с невиданной мощью вознесло в небеса. Пропала боль, пропали всех страхи и ужасные воспоминания, пропали даже сомнения в себе. Ратмир словно чувствовал себя богом, и единственное, чего он хотел, это испытать это ещё раз. Но когда прилив наслаждения закончился, богатырь в ужасе отбросил клинок. Что-то незнакомое, что-то страшное проникло в него и завладело им. Ратмир испытывал совсем незнакомые, чуждые ему эмоции. Кровь кипел, и он начал молиться о спасении своей души.

– Дурак, подбери меч, – послышался рядом голос Гарольда. И Ратмир вдруг почувствовал странное желание наброситься на скандинава, вырезать ему сердце, перегрызть ему горло зубами. Он назвал его, великого художника, достойного любви княжеских особ дураком. Ратмир снова схватился за эфес меча, но теперь ему было уже не до Гарольда. Убитых богатырей было гораздо больше, чем павших колдунов, чародеи не уступали, и потому сам сотник Олег повёл богатырей в бой. Странно, но в тот момент Ратмир почему-то забыл даже о раненном Айрате, забыл о Филиппе, забыл обо всём. Он хотел одного – мести. Мести колдунам, мести людям, мести всему миру, так несправедливо с ним обошедшемуся. Эти желания пугали Ратмира, но он чувствовал, что только они сейчас могли спасти ему жизни. Он уже не испыты-

вал страха, теперь он чувствовал лишь слепую ярость. Убить кого-нибудь, хоть кого-нибудь ещё, хоть ещё раз испытать это наслаждение. И к чёрту Милану, она никогда не дала бы ему такого счастья. Ратмир позабыл и про свой щит, позабыл обо всём на свете и шёл в атаку с одним мечом. Это было неразумно, но ничто уже не могло его остановить. В это время Талмат и Госта уже набросились на очередного чародея. Братья были перепачканы кровью, не понятно лишь, своей или чужой. В этот момент Ратмир вдруг подумал, что и у него кольчуга и лицо, наверняка, перепачканы в крови врага, от этого к горлу подкатил неприятный комок, но тут же исчез. Нужно было сражаться, нужно было помочь своим товарищам. Если про братьев-печенегов ничего сказать было нельзя, то вот Гарольд, очевидно, был уже ранен, и ни раз. Кольчуга его была порвана на плече и на рёбрах, двигался он уже не так быстро и уверенно. Чародей, которого скандинав выбрал себе в соперники, имел явное преимущество. Но богатыри явно не собирались отступать. Олег стоял на своём и сражался с колдуном на равных. Казалось, вся мощь богатырского войска сейчас сосредоточилась лишь в нём одном. Но и сотник начал изматываться и слабеть. Этого нельзя было допустить, и Ратмир бросился к нему на помощь. Повторилась такая же ситуация, как и с Айратом. Ратмир не никак не мог подступиться, никак не мог сообразить, как ему атаковать так, чтобы не блокировать атаку сотника. И юный богатырь решил выждать подходящего момента. Олег сражался как лев, но он уступал, всё больше защищался и всё меньше атаковал. Он сражался с щитом и копьём, как и его противник. Только сейчас Ратмир вдруг опомнился и смекнул, что стоит с одним мечом в руках и совершенно не понимает, как с таким оружием сможет одолеть столь мощного чародея.

Но вот послышался треск древесины, копьё Олега и копьё чародея сломались почти одновременно. Сотник первым переломил ногой древко оружия противника, но тот тут же уравнивал шансы. Олег достал меч, его враг сделал тоже самое. Ратмир счёл этот момент самым подходящим для атаки, но сотник лишь оттолкнул его плечом, как назойливого мальчику и не дал вступить в бой. Его рука занесла меч над головой чародея и поразила его сверху в грудь. Колдун едва устоял на ногах, а затем с силой рубанул мечом и в одно мгновение вместе кисти у сотника появился мясной обрубок с бьющей фонтаном кровью. Впервые на памяти Ратмира Олег вскрикнул от боли и отшатнулся в сторону. Чародей схватил его отрубленную кисть и вместе с мечом достал из своей плоти. Раны проходила вдоль его груди, разрежала мышцы, обнажая страшную плоть, но всё же была не глубокой. Колдун тяжело дышал, с трудом он размахнулся, и меч скользнул по телу Олега от живота до плеч. На этом месте на кольчуге тут же появилась красная полоска. Сотник упал на колени, враг занёс меч для решающего удара, но в этот момент меч его со звоном был отбит другим клинком. Ратмир подоспел вовремя, снизу-вверх он насквозь пробил мечом колдуна и увидел, как изо рта его врага хлынула кровь. Чародей был убит, юный богатырь и не ожидал от себя такой ловкости, не ожидал, что сможет совершить такой кувырок и нанести удар снизу. Но ему удалось, и снова прилив сил и странного, порочного наслаждения завладел его телом. Ратмир чувствовал невероятное могущество, чувствовал, что может в одиночку справиться с целым войском. Он будто стал ещё быстрее и сильнее, и, видимо, мощь его будет пребывать с каждым убитым. Но тут прилив наслаждения прошёл, и Ратмир почувствовал острую невыносимую боль. Он опустил взор и увидел торчащую из его тела сталь. Богатырь сумел достать колдуна, но и колдун сверху достал его, и пробил насквозь его грудь. Ратмир хотел вскрикнуть, но тупая боль сковала его лёгкие. Стало невероятно тяжело дышать. Из последних сил богатырь достал клинок из тела мёртвого богатыря и повалился на спину. Дышать было всё тяжелее, каждому вздоху что-то мешало, с каждым вздохом раздавались хрипы в груди. Ратмир видел чистое небо, видел облака, принимавшие самые причудливые формы и чувствовал, как тьма поглощает его. В небесах привиделся образ Миланы. Как она смотрела на него, как она держала его за руку и признавалась в любви! Ради этого стоило жить, а без этого оставалось лишь умереть. Почему-то Ратмир поду-

мал, что хорошо было бы умереть именно сейчас, когда он изменил себе, стал убийцей, и когда с неба на него смотрела голубоглазая возлюбленная.

Глава 15. Воевода.

Тьма разрасталась, пока не поглотила всё вокруг. Ратмир падал в эту тьму, как в воду, летел и кружился в падении. Где-то вдалеке был ещё кусочек неба с пушистыми облаками, раненные и разъярённые богатыри и чародеи, земля, обильно политая кровью. Теперь на всё это Ратмир смотрел словно через какую-то трубу, и всё это становилось всё меньше и меньше, а тьма становилась всё больше, пока не осталась лишь одна мысль. Милана. Почему-то она плакала, ей было жаль его. Ратмир тянулся к ней всей душой, но и она была слишком далеко. А затем всё исчезло. Страх и отвага, боль и счастье, ненависть и любовь – целые океаны страстей вдруг стали ничем. Как же хорошо, как же вовремя было умереть сейчас, но он не ещё не умер. Что-то барабанило в его груди, настойчиво отбивая ритм. Сначала тихо и едва заметно, потом всё сильнее и уверенней, затем уже с неистовой силой. Сердце билось, кровь ударила в виски. Ратмир открыл глаза и почувствовал, как с болью грудь его поднимается и опускается при каждом вздохе. В нос ударил неприятный запах крови и сырой плоти. Ратмир увидел деревянный потолок на бревенчатых стенах, окна с плотно закрытыми ставнями и настежь открытый дверной проём, через который доносилось кудахтанье кур и яростный гогот гусей, каким они встречали каждого прохожего, который, по их мнению, представлял для них опасность. Богатырь был жив, в этом не было сомнения, как и в том, что он был уже не на поле боя, а в какой-то избе. Ратмир сделал над собой усилие, приподнялся на локтях и осмотрелся получше. Он лежал на лавке, рядом было множество таких же лавок, на которых лежали раненные витязи. Все они были без сознания, раны их были обмотаны повязками. Ратмир взглянул себе на грудь и увидел там такую же тугую повязку, которая и мешала ему дышать. Он принялся снимать её, и вскоре выбросил ткань на пол. Справа на груди появился уродливый красный шрам, вероятнее всего, такой же был теперь и на спине. Ратмир понимал, что ему пробрили лёгкое, но из-за этого для него ещё большей была загадкой, почему он выжил. Рядом с ним лежал в ножнах меч, добытый им в бою, с изображённым на нём крестом с закругленными концами.

– Ратмир, – послышался вдруг знакомый голос. Но раньше этого голос звучал властно и уверенно, теперь же был еле слышен. Ратмир стал глазами искать сотника Олега и вскоре нашёл его на одной лавке в углу избы. Богатырь снова сделал над собой усилие и поднялся на ноги. Он чувствовал в себе силу, будто и не был ранен. Ратмир подошёл к воеводе и на мгновение ужаснулся увиденному. Олег теперь выглядел жалко, весь бледный, в окровавленных повязках, а вместо руки, уверенно держащей меч в бою, теперь был перевязанный окровавленными тряпками обрубок.

– Ты жив, слава Богу, – сказал он Ратмиру.

– Ты тоже жив, сотник, – отвечал ему богатырь.

– Да, ты спас мою жизнь, – отвечал он, – этого я никак от тебя не ожидал. Но ты лишь продлил мои мучения. Я не выживу, вашим новым сотником станет Гарольд, я уже распорядился.

– Этот рыжий скот будет повелевать нами? – возмутился вдруг Ратмир и сам удивился ноткам ненависти, прозвучавшим в его голосе.

– Он – хороший воин, – спокойно отвечал Олег, – но это всё временно. Вольга найдёт нового сотника, как только вы вернётесь в Новгород. Послушай, Ратмир. Мы все думали, что ты слабак, избалованный неженка, а ты оказался совсем не то. Ты убил двоих, мы думали, что и сам ты погиб. Но Филипп был прав, не нужно было нам брать тебя с собой в тот бой. Мы чуть не потеряли тебя.

– Мы победили? – спросил Ратмир, словно и не слышал его слов.

– Да, мы заставили их отступить, – отвечал сотник, – но сил преследовать их больше не было. Возможно, они ещё вернуться, но стены Змеиной Заставы крепки и смогут защитить вас.

– А что Змей Горыныч? Он так и не появился? Вообще, сколько времени я пробыл в беспамятстве?

– Ты спал недолго, битва была вчера. Мы не видели никакого Змея Горыныча. Более того, мы взяли в плен троих колдунов. Двое умерли от ран, но один по имени Захар, жив. Все они сказали, что ничего не слышали ни про какого Горыныча. Но мы узнали много другого. Оказывается, вождь Усыня недавно умер. Не погиб в бою, а просто упокоился, как самый обычный смертный старик. Мстислав объявил себя новым вождём, но за ним пошли не многие. Появились и другие вожди, за ними тоже пошли колдуны. Клан Змея распался, его больше нет. Конечно, Мстислав считает своих колдунов кланом Змея, они даже оставили себе старое знамя, но они уже совсем не то, что раньше. Чтобы подтвердить своё право называться кланом Змея, они и решили вернуться на землю, которая когда-то была их родиной. Они и не рассчитывали встретить здесь такое сопротивление. Думаю, Мстислава теперь свергнут, если он не согласится уйти обратно за Волгу. Им конец. Но есть и другие вожди, которые сейчас далеко, но которые что-то замышляют, и, вероятно, один из них и есть тот самый Змей Горыныч, не дающий тебе покоя. Но они уже на страшно, нашей земле, клана Змея окончательно уничтожен, он больше не возглавит восстание, он больше не побеспокоит нас, с ним покончено, и можно жить спокойно. Вернуться в Новгород, завести семью, растить детей и забыть весь этот ужас. Теперь нам ничто не угрожает, теперь нам не нужно быть жестокими и видеть в каждом врага. Теперь война окончательно завершилась, мы победили. Нужно как можно скорее сообщить об этом в Новгород.

– Закончилась? – не своим, полным злобы голосом произнёс Ратмир, – Ну уж нет, ничего не закончилась. Вы выгнали меня из храма, дали оружие, заставили убивать. «Ангел упавший в грязь». Да я теперь настоящий убийца, такой как же, как и все вы. Ненавижу, поскорее бы ты уже сдох.

Под конец он почувствовал, что на глазах у него наворачиваются горькие слёзы отчаяния и отвернулся. Ратмир не видел выражения лица Олега, но чувствовал странную злобу, поднимающуюся у него в груди. От собственной дерзости у него закружилась голова, но юному богатырю нравилось это ощущение, он чувствовал в себе силу и радовался немощи сотника. Ратмир вышел на улицу, щурясь на солнце и увидел вдали толпу богатырей. Все выжившие и не тяжело раненные из сотни Олега собрались теперь здесь.

– Монашек, чтоб я сдох, сукин ты сын, живой! – послышался задорный бас Гарольда.

– Неужто, Варяг, ты думал, что я сдохну раньше тебя? – бросил ему Ратмир, – да я ещё помочусь на твоей могиле.

И снова голова словно опьянела от неслыханной дерзости, которую он себе позволил. Ратмир знал, что скандинавы обижаются, когда их называют варягами, ведь у них там так много племён, у каждого своё название, своя история, а на Руси у всех у них была одна кличка, данная при этом чужеземцами. Гарольд вытаращил на него удивлённые глаза, но в следующий момент громко расхохотался, засмеялись и другие.

– Ратмир, – подбежал Айрат и крепко обнял его, причинив боль. Глаз богатыря был перевязан повязкой через голову, лицо было бледно, как мел.

– Этого не может быть, – разглядывал его Филипп, – твоя рана закрылась, за одну ночь. Это просто невозможно.

– Истинно, ибо невозможно, так говорил Тертуллиан, – усмехался Ратмир, цитируя отца церкви, – Мне бы сейчас вина.

– Бабу тебе нужно, – снова заговорил Гарольд, – найди себе вдову какого-нибудь многожёнца, подари что-нибудь, по Турлиана своего расскажи, и она твоя.

Ратмир застенчиво опустил взгляд, и скандинав тут же это заметил.

– А, смотри-ка, прикончил двоих, а всё строит из себя святошу. Неужто тебе бабу не хочется? Только не ври, после боя всем хочется, больше, чем вина.

– Посмотрим, – лишь отвечал Ратмир, глядя ему в глаза.

– Ладно, пойдём, – уводил его Филипп.

– А Филипп, кстати, тоже разделался с двумя, – рассказывал Айрат, когда они ушли уже достаточно далеко, – а всё скромничал. Я-то ни одного не убил, да ещё и глаз потерял.

– Мне просто повезло, – отвечал Филипп, – но здесь нечем хвалиться. Я молился, и Бог помог мне.

– Бог лишь в одном мог помочь тебе, – заговорил вдруг Ратмир, – если бы позволил умереть. Но он хочет, чтобы мы убивали, чтобы губили свои души. А может, Бога и вовсе нет? Мы просто копошимся здесь, как черви, истребляем друг друга, а потом сдохнем, и ничего от нас не останется. И был ли смысл убивать друг друга? Хотя, только это нам и остаётся в этой грязи.

– Эх, Ратмир, вижу ты очень расстроен, – с пониманием говорил Филипп, – мы все расстроены. Пойми, этот мир ужасен, он действительно грязный и мерзкий, как ты говоришь. Но это лишь испытание. Нужно прожить в этой грязи и не смешаться с ней, и тогда в конце времён мы воскреснем и будем с Богом. А те, кто смешаются с грязью, так в ней и останутся.

– И ты действительно веришь в это?

– Да, и ты должен верить, потому как ты – богатырь.

– Я должен верить только потому, что должен? А если я не могу? А если я не хочу? Что будет? Бог накажет меня? Что же он не наказывает, что же не даёт мне умереть, а всё мучает. Хочет посылнее извлекать меня в грязи? Думает, что это смешно?

– Да уж, смешно, – усмехнулся Айрат.

– И что же он не наказывает меня? – продолжал Ратмир, – вот он я, в его руках целая Вселенная. Что же он не разделается со мной?

– Ратмир, я не узнаю тебя, – поднимал голос Филипп.

Ратмир и сам не узнавал себя, чувствовал, будто говорит не он, а кто-то чужой говорит его голосом. Каждое слово причиняло ему боль, но он всё равно говорил. Теперь же он вдруг замолчал и оглядел своих собеседников. Один с перевязанным глазом, лицо наполовину опухшее, может, и не выживет, а всё смеётся чем-то, радуется. Другое с полным сочувствия лицом излагает какие-то богословские истины. Потерял семью, потерял себя и уже давно должен был умереть, но всё боится, и оправдывает свой страх смерти религией. Обоих здесь не должно было быть, оба были словно живые мертвецы. Ратмир вдруг почувствовал невероятное отчуждение. Они никогда не поймут его, они даже говорят на разных языках, он не знает их, а они не знают его.

– Ты и не знал меня, – бросил Ратмир Филиппу и, повернувшись к нему спиной, пошёл прочь. Наконец-то он остался один, но какая-то чужеродная, неистовая ярость кипела внутри него, затуманивала разум. Он не понимал, что с ним происходит, и никто не мог объяснить ему, в чём дело, никто, кроме волхвов. Если они ещё на заставе, нужно было непременно их разыскать. Они должны Ратмиру, в своё время он хорошо выручил их, хоть и не все воспользовались его помощью. Но сейчас богатырь даже радовался тому, что не все чародеи покинули заставу. Ноги словно сами принесли его к знакомой избе. Почему-то Ратмир был уверен, что здесь кто-то есть, но сколько он ни стучал, ему не открывали. Он уже собирался уходить, но тут за спиной услышал деревянный скрип.

– Тебе чего? – спросил незнакомый голос.

– Мне нужны волхвы, – обернулся Ратмир, – нужно поговорить с ними.

– Волхвы уже давно все заставу покинули, ещё во время второго крещения, – отвечал полуслепой горбатый старик, – нешто ты не знаешь?

Ярость клокотала внутри Ратмира. Он достал из ножен свой меч, тот самый, которым резал двух чародеев и ткнул им в грудь старика. Тот в ужасе попятился, и богатырь вошёл в дом.

– Говори, где волхвы, – кричал Ратмир, словно в бреду, – или умрёшь.

– Не тронь его, – послышался рядом чей-то голос. Ратмир повернулся и увидел Доброслава. Рядом с ним был уже знакомый волхв с большой родинкой возле носа и пара молодых волхвов.

Ратмир убрал меч от старика, но не спрятал его в ножны.

– Вот вы где, – проговорил он, – прячетесь. Сначала в избе меня заперли, а теперь дверь не открываете. Нет уж, так не пойдёт.

– Что тебе нужно? – спокойно спрашивал Доброслав, а молодые волхвы уже нахмурились и напряглись, готовясь разделаться с дерзким хамом.

– Мне нужны ответы, – заговорил Ратмир, чувствуя некоторую неловкость, – кроме вас мне некому помочь. Я совсем запутался. Сначала эти сны. А теперь – вот. Я убил двоих колдунов, меня ранили, я знаю, рана был смертельна, но я выжил.

– Дайте ему рубаху, – произнёс Доброслав, – не дело по заставе в одних штанах расхаживать. А теперь садись, богатырь, говори.

– Ратмир, – сказал Ратмир, усевшись на лавку, – меня зовут Ратмир. Ты, владыка, сказал, что во мне есть чародейская кровь. Я подумал, что ты чем-то сможешь мне разобраться в себе.

– Я вижу в тебе не только чародейскую кровь, – отвечал Доброслав, – я вижу в тебе силу, как у инициированного чародея. Да и оружие у тебя чародейское. Скажи, кто тебя инициировал?

– Меня никто не инициировал, – отвечал Ратмир, натягивая рубаху, – я взял этот меч в бою и убил двух колдунов. При этом я почувствовал что-то странное, будто я забрал их силу.

– На это способен лишь инициированный чародей, – настаивал на своём Доброслав, – без инициации ты просто не научен забирать силу через оружие. Колдуны годами учатся наводить порчу, как мог ты освоить это ремесло за пару дней?

– Мне и самому интересно.

– А может быть так, что в бою он сам себе инициировал? – спросил волхв с родинкой у носа гнусавым голосом, – такие случаи прежде бывали. Бывало, человек и не знает, что в нём чародейская кровь, а потом убьёт, и всё, он чародей.

– Добран, это было в древности, – скептически отвечал Доброслав, – тогда и чародеи были сильнее, и чар в мире было больше, теперь всё по-другому, ты и сам это знаешь.

– Знаю, – раздражённо отвечал Добран, – но как тогда это объяснить? Кто его инициировал?

– Если он самоиницировался, тогда я ничего не понимаю, – опустил руки Доброслав.

– Кто я теперь такой? – не сдавался Ратмир, – Скажите, что я теперь такое? Колдун ли я? Или что-то другое? Скажите, иначе я просто сойду с ума!

– Ты не колдун, – отвечал Доброслав, – колдуны – чистокровные чародеи, и очень гордятся этим. Но только колдуны могут убивать чародейским оружием, забирая силу у врага. Нам, волхвам, такое не подвластно. И это ещё одна загадка для меня.

– А может он волшебник? – предположил один молодой волхв.

– Что это значит? – ухватился за его слова Ратмир.

– Есть волхвы, есть колдуны, а есть волшебники, – отвечал Доброслав, – Первые служат людям, вторые служат себе, и лишь волшебники могут служить и себе и людям одновременно. Волхвы – знатоки светлых чар, тёмные чары мы знаем, но плохо. Колдуны, напротив, знают больше тёмные чары, а в светлых чарах мало что умеют. Но иногда в клане волхвов или в клане колдунов появляются волшебники – чародеи, которые в равной степени владеют и светлыми, и тёмными чарами. Они могут быть полукровками, как волхвы, но через волшебников кровь

может очиститься, и, если они захотят, их потомки будут уже колдунами, чистокровными. А могут быть и чистокровными от рождения, но иметь детей от людских женщин, которые будут полукровками. В общем, без волшебников чары вообще не имели бы смысла. Говорят, было время, когда все чародеи были волшебниками, но это было очень давно. Доподлинно известно, что раньше волшебников было больше, и появлялись они часто. Но никто не рождается волшебником и не становится им сразу после инициации. Часто проходят годы и даже десятилетия после инициации, прежде чем чародей станет волшебником. Волшебники несут в себе равновесие чар, и потому почитаются и колдунами, и волхвами, могут быть вождями и тех, и других. Но ты никак не можешь быть волшебником.

– Что же я такое, и что позволило мне выжить?

– Твой меч очень необычный, – продолжал верховный волхв, – я узнаю этот знак на нём, крест Коловрата. И сталь знакомая. Такие мечи делали только в одном месте – на Сорочинской горе. Она так называлась, потому что волшебник, возглавлявший тамошних волхвов, именовал себя Сорочинским Мастером.

– Делали? – переспросил Ратмир.

– Да, уже не делают. Всех чародеев Сорочинской горы уничтожили богатыри. Как и всё их оружие. Так что такой меч в наше время – это больше редкость.

– А что ты скажешь на это, владыка?

Ратмир запустил руку в карман своих штанов и достал оттуда амулет на старой, перепачканной от времени верёвке.

– Тот же знак, – говорил богатырь, – он достался мне от отца.

Доброслав, не спрашивая разрешения, выхватил у Ратмира амулет и зажал его в руке. Затем волхв закрыл глаза и на время погрузился в себя. Когда он открыл глаза, то вернул оберег его владельцу.

– Я чувствую в нём сильные защитные чары, – произнёс он, – сомнений нет, что он с Сорочинской горы. Но такие обереги работают, лишь пока жив чародей, их изготовивший. Или, если... Кем был твой отец, юноша?

– Его звали Вышеславом. Я мало помню его.

– Я слышал, что все Сорочинские чародеи погибли вместе со своим Мастером. Но что, если кто-то из них спасся?

– Мой отец скончался три года назад, – отвечал Ратмир.

– Есть такие хитрые чары, которые позволяют сохранять силу оберега и после смерти чародея. Например, если он передаёт свою силу кому-то из родственников и передаёт ему амулет. Но твой отец не мог тебя инициировать. Значит, здесь что-то другое. Я уверен, что оберег действует, и очень хорошо. Правда, работать он начал только после твоей инициации. Он позволяет твоим ранам быстро исцеляться, защищает от злых чар, и защищает при этом только тебя, и того, кому, возможно, ты подаришь этот оберег. Всё это очень необычно.

– Что ж, спасибо за помощь, – поднялся с места Ратмир. Ему уже надоело смотреть на недоумение волхвов, к тому же, он узнал уже всё, что хотел узнать.

Но Доброслав задержал его.

– Думаю, не нужно тебе говорить, что если выдашь наш секрет, то мы выдадим твой. Ты нас не видел и с нами не говорил. Если что, нас вообще нет в городе. Мы договорились?

– Договорились, – бросил лишь волхву Ратмир и переступил через порог. Но как только он ушёл, прежняя уверенность покинула его. Неужели он больше не человек? Неужели он теперь станет врагом всех тех, кого до этого считал своими друзьями? Нет, в это невозможно было поверить, от этих мыслей стало невероятно тяжело на сердце. Ратмир уже принёс богатырскую клятву, и не мог нарушить её. Вечером ещё одна печальная новость встревожила его сердце. Сотник Олег Медведь скончался, его мучениям пришёл конец. Новым сотником стал Гарольд, сын Тормунда. Это не предвещало ничего хорошего.

Глава 16. Айрат.

Ратмир проспал крепким сном всю ночь. Ничто не потревожило его, никакие кошмарные сновидения не донимали. Змей Горыныч словно отступил, устранившись от силы оберега. Ратмир больше не горел изнутри и впервые за долгое время выспался. Он чувствовал невероятную силу, будто бы обманул саму смерть. Амулет заживлял его раны, не позволяя ему погибнуть, а его меч по силе превосходил клинок каждого воина на заставе. Ратмир не знал, что ему делать с этой внезапно обретенной силой, но чувствовал странное, пугающее могущество. Он мог теперь одолеть даже Гарольда один на один, он – его худший ученик, как признавался некогда сам скандинав. Ратмир решил проверить это при первом же удобном случае, потренироваться с сотником. Богатырь зевнул и лениво потянулся на лавке. Он здоров, он силен, он могуч. С этой мыслью Ратмир поднялся на ноги и направился к умывальнику. Он был в самом лучшем расположении духа, рана его почти уже его не беспокоила. Напоминанием о ней был лишь красный струп. Ратмир умывался прохладной водой, и в этот момент ему казалось, что даже телом он стал крупнее, и у него значительно прибавилось физической силы. Возможно, так оно и было, ведь богатырь теперь с лёгкостью высоко поднимал щит и копье в бою, умело орудовал мечом. Неподалёку показалась фигура Филиппа, казалось, богатырь был чем-то серьёзно опечален. Ратмир окликнул его. Ему не терпелось поделиться со своим другом радостными новостями о улучшении своего самочувствия. Но Филипп словно не слышал его и с печальным выражением лица думал о чём-то своём.

– А ты чем так расстроен? – спрашивал Ратмир, – Что-то случилось? Я проспал что-то важное.

– Да, кое-что ты проспал. – отвечал Филипп, – Айрат, видимо, тронулся умом. Ночью он совершил нечто совершенно глупое и мне не понятное. Зачем-то пробрался к избе, где был заточён Всеволод Хрящ и отпустил его. Представляешь? Олег скончался, и застава осталась без воеводы. Видимо, Айрат хотел сделать воеводой снова Всеволода. Но при этом он ни с кем не посоветовался, даже со мной. Действовал тайно и только по своему усмотрению. Но он не смог осуществить задуманное. Талмат и Госта почему-то не спали ночью и схватили его. И отвели к Гарольду. Наш сотник пришёл в бешенство, и тут же объявил себя новым воеводой заставы. А Айрата и Всеволода приказал заточить в погребе. Сегодня, в полдень он решил учинить над ними суд, и сдаётся мне, новый воевода будет беспощаден.

– В каком смысле? – недоумевал Ратмир, – уж не хочешь ли ты сказать, что он прикончит Айрата? Неужели ты допустишь это?

– Посмотрим, нужно дождаться суда. Не думаю, что Гарольд решится его казнить. Это будет прямым нарушением богатырской клятвы. Никто из богатырей не может отнять жизнь у христианина или причинить ему тяжёлые увечья. Он должен сначала добиться отлучения Айрата от церкви, а на это есть право лишь у отца Иоакима.

Ратмир, прищурившись, взглянул на солнце, и с тревогой для себя обнаружил, что уже скоро полдень.

– Я поговорю с Айратом, – решительно произнёс он, – Где его держат?

– Оставь эти глупости, Ратмир, – устало отвечал ему Филипп.

Но Ратмир и не думал отступать. Он знал, где держали в заточении Всеволода Хряща, возможно, там же находился и Айрат. Нужно было поговорить с ним, нужно было всё выяснить ещё до суда. Ещё издали Ратмир заметил возле избы Талмата и Госту. Печенег караулили здесь кого-то, сомнений не было, их пленник был очень важен для Гарольда. Ратмир шёл прямо

на них, не замедляя шагу, пока ладонь Талмата не прикоснулась к его груди и силой остановила богатыря.

– Ты куда собрался? – строго спросил он.

– Мне нужно поговорить с Айратом, – отвечал лишь Ратмир, грубо отстраняя руку печенега.

– К нему не велено никого пускать. Так что лучше топай отсюда.

Последние слова кольнули Ратмира прямо в сердце, и, опустив руку на эфес своего чародейского меча, он решительно произнёс:

– Я поговорю с ним. Против вашей воли или нет.

– О, а Монашек совсем страх потерял, – усмехнулся Госта, доставая из ножен свой меч. Ратмир сделал тоже самое. Он был уверен, что не погибнет сегодня, но очень хотел попробовать свои силы, испытать свои возможности в схватке с этим искусными воинами. Но тут кто-то сзади схватил его за руку. Ратмир обернулся и увидел разгневанного Филиппа.

– Ты с ума сошёл? – неистовствовал он, – Или тебе жить надоело? Решил таким дурацким способом покончить с собой? Ты хоть понимаешь, как глупо сейчас выглядишь?

И действительно, к Ратмиру вдруг пришло осознание, что, не смотря на всё то, что он пережил, в глазах окружающих он был всё ещё слабым, хоть и очень удачливым чудачком. В этот момент ему больше всего хотелось рассказать Филиппу про свою внезапно обретенную чародейскую силу, но богатырь понимал, что его друг – верный христианин не поймёт его и не одобрит. Пришлось спрятать меч в ножны и под дружные усмешки печенегов отступить. А вскоре появился и сам Гарольд в компании Эдварда Хромого и ещё пары богатырей. Воевода велел вести пленников на суд. Богатыри и все жители заставы стали стягиваться на центральной площади. Ратмир и Филипп пришли сюда в числе первых. Они видели, как рядом со связанным Всеволодом Хрящом вели так же связанного славного богатыря Айрата. Вид у последнего был ещё хуже, чем вчера: лицо было наполовину бледным как мрамор, наполовину красным и распухшим. Больше всего оно распухло вокруг отсутствующего глаза, закрытого тряпкой. Всем своим видом Айрат вызывал глубокое сочувствие, было видно, что он очень страдает от своей раны, и в это мгновение Ратмир был бы рад отдать ему своё оберег, лишь бы тот исцелился.

– Начнём с тебя, Хрящ, – заговорил Гарольд, – сегодня ночью ты пытался поднять восстание против христианских богатырей, а, значит, и против самой христианской веры. Это тяжёлое преступление, скажешь ли что-нибудь в своё оправдание.

– Хочешь, чтобы я оправдывался перед тобой? – злобно бросил ему Всеволод, – Меня поставил здесь воеводой новгородский воевода Вольга. Я правлю здесь по закону, и мне решать, как здесь править.

– Любая застава имеет право низложить своего воеводу, если он не справляется, и выбрать нового.

– Олега никто не выбирал, как и тебя, вы – заговорщики.

Возможно, эти слова и задели Гарольда, но внешне он оставался спокоен, так как был слепо уверен в своём превосходстве.

– Настоящий заговорщик – это ты, Хрящ, – произнёс он, – пустил на заставу волхвов, предал христианскую веру, заведя себе много жён....

– Я пустил на заставу местных, чтобы усилить её, это никем не запрещено. Волхвы они, или нет, мне не ведомо. Ни ты, никто из твоих людей не видели, как они справляют свои ритуалы, и никто не знает, для каких целей стоят идолы на площади. А что касается моих женщин. Ты можешь доказать, что они мои жёны? Я не венчался с ними в церкви, у меня нет от них детей, я просто взял над ними опеку.

– Довольно! – рявкнул Гарольд, – твои воины трусили на поле боя с колдунами. А сегодня ты хотел тайно, ночью напасть на нас, используя помощь предателя из числа нашей сотни. Ты виновен, таково моё решение воеводы.

– И что ты сделаешь, воевода? – не сдавался Всеволод, – Твоя вера слаба, в ней слишком много правил. То ли дело, вера наших отцов. Правила не позволяют тебе наказать меня, я – христианин. Но я же исповедую и веру наших предков, верую в духов и богов, верую, что после смерти стану тем, кем был при жизни и перед смертью. Я умру воеводой, и этого ты мне тоже запретить не вправе. Так что кончай валять дурака, и если уж не можешь отпустить меня, то пусть меня вернут обратно в заточение.

– Ну уж нет, – сквозь зубы прорычал Гарольд, – так просто ты не отделаешься. Ты – нехристь, и я, как законный воевода Змеиной Заставы, признаю тебя врагом христианской веры и предателем, и приговариваю к смерти. Госта исполнит мой приговор.

– Ты много на себя берёшь, варяг, – злился Всеволод, но богатыри уже под руки тащили его к большому пню.

– Вольга этого не одобрит! – кричал Хрящ, когда его голову положили на пень, а Госта занёс над его шеей острый топор с длинной ручкой.

– Будьте вы про....

Но Всеволод не договорил, топор оборвался его на полуслове, и буйная голова в один момент отделилась от тела. Ратмир вдруг снова почувствовал подкатывающую тошноту. Настолько глупой, нелепой показалась ему человеческая жизнь, которую можно прервать лишь отделением одной части тела от другой. Голову Всеволода тут же убрали в мешок, его кровоточащее тело оттащили в сторону и бросили на землю. При определённом угле зрения можно было посчитать, что здесь просто лежит человек, но, если присмотреться, у него напрочь отсутствовала голова, а там, где она должна быть, лишь лужа крови. Сцена казни бывшего воеводы никого не оставила равнодушным. Народ заставы возмутился, не ожидая такой развязки, слышались недовольные вопли, то там, то здесь возникали стычки с богатырями.

– Теперь ты, Айрат, – невозмутимо продолжал Гарольд, – скажешь, почему пошёл на предательство, почему поддержал эту собаку?

– Скажу, – отвечал Айрат, который выглядел ещё более измученным, чем прежде, – Я не хотел быть предателем. Я не знал своего народа, плохо помнил его язык. Колдуны похитили меня ещё ребёнком и сделали рабом. Вы – богатыри, стали для меня семьёй, Новгород стал для меня родиной. Но недавно всё изменилось. Мы сражались в Пичаево, и я, спасая жизнь Ратмиру, смертельно ранил одного местного. И, умирая, он запел песню на своём языке, и я узнал эту песню, вспомнил её. Этой песней мои соплеменники провожали мёртвых на тот свет. Но убитый мой сам по себе спел эту зауспокойную песню. С тех пор я не знал покоя. Гарольд, опомнись. Зачем губить местных людишек? Всеволод мог жить с ними в мире, почему бы и нам не попробовать? Мы боялись, что они перейдут на сторону клана Змея, поднимут восстание. Но клана Змея больше нет, а то, что от него осталось, не причинит нам большого вреда. Убийствами и жестокостью мы лишь настроим людей против себя. Всеволод смог бы всех примирить, он был хорошим воеводой, но вот вы обезглавили его, даже не подумав о его многочисленной семье. Кто теперь о них позаботится? Опомнись, Гарольд, так же нельзя, мы же – христиане. И эти люди одной с нами веры.

Наконец, Айрат умолк. Было видно, что в свою речь он вложил все свои оставшиеся силы и теперь окончательно ослаб. Гарольд задумчиво почесал свою рыжую бороду и, наконец, заговорил:

– Всё это ты мог сказать нам, не вытаскивая Всеволода из заточения. Теперь же он мёртв, а воевода на заставе – я. И я приговариваю предателя к смерти.

– Гарольд, нет! – слышался вдруг голос Филиппа, – у тебя нет такой власти. Он – христианин.

– Уже нет, он предал христианскую веру.

– Это не тебе решать, – не сдавался Филипп, но его не подпускали к воеводе.

– Хочешь присоединиться к нему? – бросил ему в лицо Гарольд. А Айрата тем временем уже укладывали на пенёк. Филипп отвернулся, чтобы не смотреть и вдруг быстрым шагом пошёл прочь.

– Ты куда? – схватил его за руку Ратмир, – неужели ты позволишь ему?

– А что я могу сделать? – раздражённо отвечал Филипп, – ты сам всё слышал. Айрат предал нас.

– Но он же твой друг.

– Уже нет. Послушай, Ратмир, мою семью уничтожили печенеги. Возможно, среди них был отец и дядьки Талмата и Госты. Получается, я должен их ненавидеть? Нет, он мои единовверцы, они богатыри, они проливали кровь за спасение людей. Здесь мы забываем о своём происхождении, о своём прошлом. Здесь мы в первую очередь слуги Господа. А Айрат забыл об этом, стал думать о своих соплеменниках, давно забывших его, давно ему чужих.

– Тук!

Холод прокатился по телу Ратмира. Он застыл в ужасе и по страшному, в один миг побледневшему лицу Филиппа мог прочитать всё. И всё же Ратмир обернулся, отказываясь верить своим глазам. Голова Айрата катилась по земле, как какая-то игрушка. Безголовое тело лежало на земле, и ноги его ещё едва шевелились, словно подавая признаки жизни. В одночасье Ратмир так же побледнел и почувствовал подбирающуюся к горлу тошноту. Бедный Айрат. Ратмир совсем недавно спас ему жизнь, но на самом деле обрёл его на ещё более ужасный конец. Богатырь пал от рук тех, кого считал своими друзьями, пал раненный и беспомощный, одинокий и оставленный целым миром. Ратмир вцепился зубами в свою руку и прокусил её до крови. И всё же какая-то неистовая ярость внутри него не давала ему потерять рассудок. Он был силен, он был могуч, он сможет свергнуть Гарольда. Только не нужно торопиться. В таком деле меньше всего нужна спешка. Нужно как следует всё продумать, нужно подготовить план, опираясь не только на свою силу. Гарольд ещё пожалеет о смерти Айрата и Всеволода, они теперь станут героями для новых заговорщиков, которые объединятся вокруг Ратмира и обязательно отомстят. Эти мысли успокаивали и вселяли надежду. И только благодаря им Ратмир не потерял в тот момент самообладания.

Глава 17. Молния.

Эти же мысли позволили ему заснуть спокойным и крепким сном. Его не мучили кошмары и тревоги, Ратмир чувствовал силу, чувствовал эфес своего чародейского меча и в душе только и ждал, чтобы кто-нибудь сунулся к нему, чтобы показать им, на что он стал теперь способен. Лишь одного теперь боялся юный богатырь – собственной внезапно обретенной силы. Он боялся навредить тем, кто ему дорог, но эта ярость была сильнее него. Ратмир чувствовал, что начинает ненавидеть даже Милану – прекрасное создание, пожертвовавшее ради него своей свободой. Теперь эта жертва не вызывала у него восхищение, она оскорбляла его. Женщина заступилась за него, за мужчину, за воина, посчитала его настолько слабым, что достоин он был лишь её жалости, но никак не любви. Он был не способен постоять за себя, и за него заступилась женщина, пусть и властная, но всё-таки женщина, которую он сам должен был защитить, но не смог. А Филипп. О, его Ратмир презирал особо. Праведник, позволивший казнить своего друга. Все, кого любил Ратмир вдруг перестали вызывать в нём нежные чувства. Он тщетно пытался пробудить в себе эти чувства, и даже на следующее утро после казни Айрата решил снова отправиться к реке, чтобы заняться живописью.

Утро было невероятно хмурым, словно природа оплакивала смерть богатыря. Тяжёлые дождевые тучи нависали над заставой, и ещё более тяжёлые, свинцовые тучи на горизонте возвещали о приближении ливня. Но почему-то такая скверная погода теперь нравилась Ратмиру, нравилась даже больше ясного солнечного неба. Теперь на небосводе властвовал не свет, теперь его одолевала тьма, надвигалась буря. Небо стало ареной борьбы двух величайших стихий: тьмы и света. И каждое облако, каждая капля уже начинавшего моросить дождя, даже сам воздух был пронизан этой борьбой. Величайшая битва должна была свершиться на небе, а не на земле. И сейчас свет и тьма были равны, они были вместе, как одинокий странник и его тень, и их схватка была похожа на танец, в который вовлекалась вся природа, вся Вселенная. Ратмир смотрел на это небо, как замороженный и глубоко сожалел, что находится сейчас не там, а на земле. Он даже не начал разводить палитру, не достал свои начищенные дощечки, коих осталось совсем мало, он просто сидел и смотрел на небо, ощущая на лице капли моросящего дождя. Но в конце концов Ратмир ещё пуще прежнего разозлился на себя и в гневе зашвырнул как можно дальше свою сумку с кистями, порошками и дощечками. Нет, он больше не мог рисовать, он больше не мог передавать красоту, теперь его привлекало безобразие, и даже оставивший его Змей Горыныч теперь не вызывал такого отвращения, а даже манил своим безобразием. В таком расположении духа, раздосадованный на себя, Ратмир вернулся на заставу. Вскоре ему повстречался Филипп, больше похожий на бледную тень, тронутую глубокой скорбью. Ратмир снова испытал презрение к нему, но тут же вспомнил о заговоре, который он планировал. Филипп был необходим ему для этого заговора, как и Агния, и её сводные братья – приёмные сыновья Всеволода. И Ратмир направился к своему старому другу.

– Нужно поговорить, – вымолвил богатырь, – наедине.

– Да, нам нужно поговорить, – согласился Филипп.

И они отошли за богатырскую избу, к стороне, противоположной той, с которой дул ветер. Так на них не попадали капли дождя, и никто не мог их побеспокоить.

– Ты всё ещё считаешь, что Гарольд прав? – набросился Ратмир на Филиппа.

– Послушай, Ратмир.

– Нет, ты послушай. Айрат был молод и полон жизни, он был нашим другом, а его убил этот патлатый, воняющий кониной дикарь Госта по приказу не меньшего дикаря с севера. Айрат не заслужил такой смерти. И ты это прекрасно знаешь.

– Да, я знаю, – внезапно согласился Филипп, – Быть христианином – это очень тяжёлое бремя. Порой оно кажется невыносимым. Но мы должны оставаться праведниками, хоть и грешными, должны нести свет истины таким вот дикарям, должны спасать их. И однажды они перестанут быть дикарями, однажды, возможно, их дети или внуки, станут такими же цивилизованными людьми. Но для этого сейчас мы должны считать этих дикарей равными себе, должны бороться за спасение их грешных душ, забывая о себе. И мы должны уметь простить их.

– Нет, нет, глупости, – всем своим существом протестовал Ратмир, – как же ты ошибаешься, Филипп. Как же вы все жестоко ошибаетесь. Вы даёте дикарям свои имена, даёте им оружие, одеваете их как себя, учите их говорить и молиться как по-своему. Но от этого они не становятся праведниками. Они остаются дикарями, но распознать их уже становится невозможно. Они становятся такими, как ты, как Айрат, и могут, прикрываясь именем Христа, творить свои ужасные преступления.

– Возможно, ты прав, – снова отступал Филипп, – но однажды таких дикарей больше не останется, тогда останутся только все праведники. В конце времён воскреснут только праведные, только истинные христиане, а такие вот лгуны погибнут не только телом, но и душой.

– Но мы-то живём сейчас, Филипп. И я не хочу, не позволю, чтобы эти бесчинства продолжались. Не хочу, чтобы истинных христиан убивали преступники, претворяющиеся верующими. Мы должны свергнуть Гарольда, должны уничтожить его, как он уничтожил Айрата. Нужно сплести заговор, и тогда люди пойдут за нами.

– И тогда чем мы будем лучше Гарольда, Талмата или Госты? – тяжело вздохнул Филипп, – Нет, Ратмир, лучше выкинь эти глупости из головы. Погубишь напрасно и себя и других. Это уже не игра, всё слишком серьёзно.

– Думаешь, я не справлюсь, думаешь, я слабак? – не сдавался Ратмир, – я – инициированный чародей, я – волшебник, если угодно. Мои раны заживают в разы быстрее, чем у простых людей, а меч, что ты видишь у меня на поясе – чародейский меч. Я убивал им колдунов, резал их как свиней, не зная пощады.

– Прекрати, прекрати, – выходил из себя Филипп, – прекрати уже подражать Гарольду и таким как он. Я не узнаю тебя. Ты всё равно не станешь таким, как они, ты не станешь сильнее них, и тебе это не нужно. В тебе есть что-то, что гораздо важнее силы, в тебе есть любовь, доброта. И как бы ты это не скрывал, все знают, что в глубине души ты хороший человек.

– Я уже не знаю, что я за человек, – отвечал Ратмир, и лицо его исказилось в муке, – я был хорошим человеком, но сейчас я чувствую себя совсем другим. Я стал чужим сам себе, словно ещё одна душа, злая душа поселилась в моём теле. Или ещё хуже, моя душа разделилась на добрую и злую, раскололась, как орех. И я уже не знаю, кто я, не знаю, существую ли я. Но я знаю, что, если буду добрым, сердце моё лопнет, оно не выдержит этого, злая душа позволяет мне вынести всё.

– Мальчик мой, я понимаю тебя, – по-отчески положил ему руку на плечо Филипп, – понимаю, как тебе тяжело, и не прошу тебя жить с этим. Вот, возьми.

Он протянул свёрнутый в трубочку свиток бумаги.

– Это письмо в Новгород. Я написал лично Вольге. Он меня знает, он прислушается ко мне. Здесь я написал обо всём произошедшем на заставе, здесь я прошу его уговорить Гарольда. Я уверен, он прислушается к моим просьбам и пришлёт сюда войско. Гарольд струсит и сдастся. Пока ещё его власть не крепка, пока ещё это можно сделать. Возьми письмо, Ратмир, возьми лучшего коня и уезжай в Новгород. Уезжай тайно, ни с кем не прощайся, и прошу тебя, не медли, иначе будет поздно, иначе тебя могут не отпустить.

– А как же ты? Почему сам не отвезёшь это письмо?

В ответ Филипп лишь опустил глаза.

– Пытаешься меня спасти? – гневно произнёс Ратмир, и рука невольно опустилась на эфес меча, – жалеешь меня? Думаешь, я нуждаюсь в чьей-либо жалости? А поехали вместе?

– Ратмир, – умоляюще проговорил Филипп, – я не могу поехать с тобой. Я должен остаться, должен хоть как-то сдерживать бесчинства Гарольда и его приспешников. А кто уговорит его сдаться, когда придёт Вольга? Я часть этой сотни, как и она часть меня. Я много лет бок о бок сражался с этими богатырями. И если я вернусь в Новгород один, меня сочтут изменником, сбежавшим от своих.

– Но я тоже богатырь, я принёс клятву.

– Но в Новгороде никто об этом не знает. Ступай, вернись в монастырь, стань монахом и миссионером, веди праведную жизнь, забудь обо всём случившемся, как о страшном сне.

Ратмир мысленно взвешивал все «за» и «против». В Новгороде уже никто не станет его учить силе, как делал это Гарольд, там он снова должен был стать монахом, мальчишкой, не достойным своей любимой, достойным лишь жалости. Но там был Путята, и Ратмир чувствовал в себе возможность одолеть тысяцкого. Последний аргумент перевесил, и юный богатырь взял письмо. Трудно было спрятать бумажный свёрток так, чтобы его не достал дождь, ещё труднее было найти и вывести на улицу доброго коня, способного быстро доехать до Новгорода. Но вскоре все эти задачи были успешно решены. В дождь мало кто выходил на улицу, в основном все попрятались по избам, крепко закрыв ставни. Ратмир вышел через задние ворота, аккуратно, порой утопая сапогами в прибрежной грязи, обошёл городскую стену и вышел в открытое поле. Ветер всё усиливался, капли дождя били всё сильнее и уверенней. Ратмир решил, что как только отъедет на приличное расстояние от заставы, тут же устроит себе привал, где и переждёт дождь. С ловкостью, прежде для себя невиданной, богатырь забрался на коня, потянул за вожжи, скомандовал, и ретивый скакун, словно понимая его мысли, рванул вперёд. Он гнал галопом через всё усиливавшийся дождь, и капли всё сильнее били Ратмиру в лицо. Он прижимался к шее коня и гнал его ещё быстрее, словно пытался убежать от своих мыслей. А мысли были действительно ужасны и во многом пугали Ратмира. ««Милана не спасала тебя», – говорил внутри него чужой злой голос, – она лишь продала себя. Как и все женщины, она искала себе сильного мужчину, которому хотела подчиниться».

– Нет, – протестовал голос юного послушника, – она не такая.

– Все такие!

И Ратмир гнал ещё быстрее, чтобы не думать, чтобы не чувствовать, чтобы забыть обо всём.

– Гарольд такой же христианин, как и Филипп, – вновь брался за своё злобный голос, – Он богатырь, он воин Бога. Вера запрещает ему делать то, что он делал, но не запрещает таким как он становится богатырями и от имени веры творить все эти nepотpeбствa. Стало быть, он такой же христианин, как и другие богатыри, он равен им.

– Нет, Филипп прав, скоро таких не останется.

– Но Филипп признал, что есть те, кого невозможно спасти. Или во всяком случае, их не способен спасти никто из ныне существующих христиан.

И снова Ратмир будто разрывался на две части, словно два человека боролись в нём друг с другом, и им было невероятно тесно в одном теле. Богатырь вдруг возжелал, чтобы его тело разорвалось на два, и одна половина осталась тем, старым Ратмиром, а другая стала тем новым и злым чародеем. Но какая из этих половин будет им? Кем он хочет быть больше? Ответа не было, и это невероятно мучило Ратмира.

– Я существую, – твердил он и как бы в подтверждение своих слов замедлял ход коня, доставал свой меч и смотрел в него как зеркало, – да, я Ратмир. Я знаю, кто я.

– Я не существую, – говорил другой голос, – я уже мёртв, так почему бы не довершить это? Не отдать свою силу мечу, чтобы им и ей распоряжался кто-то более достойный. Стоит лишь броситься на свой меч, он очень острый, он достанет мне до сердца.

– А если не достанет? Останусь живым и раненным, ещё более немощным и слабым, чем я был. И даже не смогу довершить начатое.

Быстрее, быстрее. Нужно было скакать ещё быстрее. И Ратмир спрятал меч и снова погнал своего коня. Капли дождя словно выбивали дурные и благие мысли из его головы. Он стал действием, стал движением, устремлённым к цели. Но к какой цели?

– Нужно вернуться на заставу, – твердил злобный голос, – нужно отомстить им, показать, что я не слабак.

– Нет, – сопротивлялся голос послушника, – я должен выполнить свой долг. Я доберусь до Новгорода и стану тем, кем должен стать – праведным человеком, монахом.

– После того, что ты сделал? После своих убийств?

Небо вдруг расколосось напополам, линия раскола была полностью создана из света, она вспыхнула и озарила всё вокруг. А затем наступила тьма, ещё большая, чем прежде, и до земли донёсся звук этого раскола, как будто трещали тонны сгорающего хвороста. Треск превратился в мощное гроыхание, от которого сотрясалось само пространство, и даже конь в испуге встал на дыбы. О, там, на небесах добро боролось со злом, и отголоски этой битвы доносились до земли. Яркие вспышки света сменялись тьмой, чёрные тучи уже окончательно скрыли небо, казалось, вот-вот тьма победит. Но свет ещё сопротивлялся, ещё вспыхивал иногда, освещая дорогу. Та же самая буря разыгралась и внутри Ратмира. Внутренняя борьба причиняла ему невыносимые страдания. Он должен был сделать выбор. Богатырь он, или чародей, умереть ему, или остаться жить, ехать в Новгород или вернуться на заставу. В конце концов, конь устал, как и его всадник, и Ратмир решил спешиться. Он вёл под уздцы своего коня и с каждым разом шёл всё медленней. Вскоре он и вовсе остановился.

– Туда ли я иду? – спросил он у себя, – или стоит повернуть назад? Я не знаю. Не знаю, что мне делать, куда держать путь.

Ратмир снова достал свой меч из ножен и посмотрел на своё отражение. О, коварный меч так жаждал крови, может стоит избавиться от него? Но без него Ратмир опять станет слабым Монашкой, который не способен защитить своих друзей и свою любимую. Этого нельзя допустить, больше он не будет слабым. Но как же живопись? Он так много достиг, так прекрасны были его картины. Ратмир был уже близок к тому, чтобы начать изображать всё так, как он хотел, почти закончил портрет Агнии, который писал намеренно медленно. О, нет. Отчаяние охватило его. Все его дощечки, все готовые работы, кисти, краски – всё осталось возле стен Змеиной Заставы, всё было брошено им там. Непременно нужно было вернуться за ними. Ратмир смотрел на своё отражение и словно не видел себя, словно перед ним был какой-то чужой человек.

– Кто я? Праведник, что претворяется грешником, или грешник, изображающий праведника? – спросил он, наконец, у своего отражения. От дождевых капель отражение было не чётким, расплывчатым, казалось, что оно движется и живёт своей жизнью. И вот в какой-то момент Ратмиру показалось, что он увидел там не своё лицо, а три зеленоглазых змеиных морды. Страх охватил его душу, а в следующее мгновение пространство снова осветилось вспышкой молнии. Но теперь свет тянулся прямо к Ратмиру, притягивался к его клинку. Богатырь лишь почувствовал сильный удар, сердце его чуть не выскочило из груди, и, кажется, остановилось. Ратмир чувствовал, что уже лежит в грязи, чувствовал неприятный запах гари. Меч его, в который ударила молния, отбросило в сторону. Но тут боль пропала. Ратмир засыпал глубоким сном, самым глубоким за всю свою жизнь, и был рад погрузиться в этот вечный сон. Ведь он чувствовал, что устал, смертельно устал бороться с собой. Оставалось лишь в душе дивиться этой премудрости судьбы, так искусно исполнившей приговор, который он вынес себе сам.

Глава 18. Калинов мост.

– Бедный мой, – гладила его по голове мягкая нежная ладонь, – ты так молод, и так много уже пережил. Бедный, несчастный мой Ратмир.

Он чувствовал прикосновение Миланы, смотрел в её прекрасные голубые глаза. Больше ничего ему не было нужно на свете, больше ничего он так не хотел, как лежать вот так вот на земле, в ногах у жалеющей его княжны.

– Прости меня, – вымолвил богатырь, – я плохо думал о тебе.

Но она лишь приложила палец к своим губкам и тем самым велела ему молчать. И он замолчал. Ратмир не понимал, спит он, или всё происходит наяву, но чувствовал, что ему никогда не было так хорошо, как сейчас. Он так погрузился в эту сладостную негу, что не заметил, как ладонь исчезла с его лица, как исчезло и чудесное видение. Ратмир лежал на земле, а точнее, на округлых серых камнях, покрывающих здесь повсюду землю. Местность была ему незнакома, а светло-пурпурный оттенок неба казался слишком не естественным.

– Где я? – подумал Ратмир, и мысли его эхом разлетелись по округе. Он был уверен, что мыслит не вслух, и, тем не менее, слышал их. Что-то гнало его, что-то заставило его подняться на ноги и идти вперёд, по серым камням к журчащей впереди реке. Речка была совсем не большой и казалась очень чистой, но что-то подсказывало, что в неё лучше не лезть. Ратмир стал искать какой-нибудь брод или мост и вскоре нашёл, что искал. Большой каменный мост, перекинутый дугой через реку, был словно сделан из монолитной скалы. Не было ни перил, ни вообще каких-либо боковин, отчего казалось, что с моста можно запросто свалиться в реку. И всё же Ратмир чувствовал, что должен идти вперёд, будто кто-то гнал его. Подъём становился всё круче, богатырь чувствовал жар, поднимающийся от моста, который становился невыносимым.

– Что это за место? – спрашивал себя Ратмир. Он поднял взгляд к небу и увидел нечто ещё более странное. Какое-то существо парило в бледно-пурпурно небе, оно было огромно, судя по размаху пернатых крыльев, и всё же это была не птица. Птичьи крылья были приделаны к огромному мохнатому псу с острой мордой, напоминающей чем-то волка. Пёс парил над землёй, как будто, так и надо, спокойно и бесшумно.

– Видимо, я брежу, – смекнул Ратмир и двинулся дальше по мосту. Подъём становился всё тяжелее и тяжелее, а камень уже жёг ему пятки. И всё же, Ратмир поднялся на вершину, на самую середину каменной дуги. Дальше нужно было идти на спуск, дальше путь должен быть проще. Но дальше дорогу закрывал туман, и не понятно было, чего от него ожидать. Ратмир нерешительно сдвинул ногу вперёд, но тут же отступил назад. В тумане появились тени, по форме напоминающие людей, они приближались. Ратмир невольно опустил руку на пояс в поисках эфеса меча, но не нашёл его. А тем временем незнакомцы приближались, их лица становились всё более чёткими в тумане, и вот показалось бледное лицо с перевязанным раненным глазом.

– Айрат, – удивился Ратмир и почувствовал невероятную радость. Прежнего гнева как не бывало, он был счастлив и безмятежен. Рядом с Айратом выросла другая знакомая фигура – Филипп. Затем из тумана вынырнул чародей зрелого возраста, с длинными седыми волосами, и богатырь узнал в нём своего отца – Вышеслава. Появлялись и другие. Где-то позади возник Всеволод Хрящ, богатыри, чародеи, простые хуторяне. Ратмир вдруг смекнул, что все, кого он видит, кроме Филиппа, уже мертвы, и страшная мысль, возникшая в голове, тут же эхом разнеслась по пространству.

– Да, Ратмир, я погиб, – отвечал на его мысли Филипп, – почти тут же, как ты ушёл с заставы. Они заметили твой уход и решили тебя остановить. Гарольд велел Талмату пустить стрелу, что он и выполнил. Но я преградил стреле путь, и она поразила меня прямо в сердце.

– Боже мой, – встревожился Ратмир.

– Не печалься, мой юный друг, – так же спокойно говорил Филипп, – мне здесь лучше, чем там. Я среди друзей.

– А как же я? Я тоже мёртв.

– Это зависит от того, сможешь ли ты перейти этот мост. Если сможешь, присоединишься к нам, если нет, останешься.

Ратмир чувствовал, как его глаза наполняются слезами. Его друзья, все умершие были здесь, они ждали его, и сегодня он с ними воссоединиться.

– Что это за место? – почему-то сомневался ещё богатырь.

– Калинов мост, – заговорил его отец, – переход между миром живых и миром мёртвых. А это река Смородина – граница между мирами. Помнишь, я рассказывал тебе, когда ты был ребёнком?

И Ратмиру вспомнились все детские сказки своего отца, вспомнились давно забытые рассказы про реку Смородину и раскалённый мост между мирами, вспомнил и про крылатого пса – Симаргла, сторожащего этот мост. Симаргл был полубогом, защищавшим живых от мёртвых и мёртвых от живых. В одиночку он нёс свой караул на этой заставе, поставленный сюда самим могучим богом Велесом.

– Но это же невозможно, – протестовал Ратмир, обращаясь к Филиппу, – это же язычество, для христиан это вещь невозможная.

– Истинно, ибо невозможно, – добродушно улыбался Филипп, и Ратмир улыбался в ответ. Тертуллиан. Если бы не Филипп, Ратмир никогда бы не узнал про этого христианского мыслителя, как не узнал бы и многого другого, что знал теперь.

– Ничего не бойся, – говорил Айрат бодрым, живым голосом, – это совсем не больно. Уж мне-то можешь поверить.

И Ратмир снова сделал шаг вперёд, но опять вынужден был отступить. Прямо с неба перед ним на мост рухнуло нечто. Крылатый пёс приземлился, словно коршун, набросившийся на добычу и преградил дорогу в мир мёртвых. Симаргл был одновременно и ужасен, и прекрасен. Его собачьи глаза смотрели приветливо, и всё же, что-то в нём говорило, что не стоит пытаться обойти его.

– Я ждал тебя, – проговорил пёс человеческим голосом, и всё пространство сотряслось от его могучей речи. Пёс вдруг сделал усилие и встал на задние лапы, а в следующее мгновение он уже стал человеком или чем-то похожим на человека. Это был странник в балахоне, с закрытым до середины бородатым лицом и посохом-трезубцем в руке. Его скрытое лицо почему-то показалось Ратмиру знакомым, как и перстни на руке, держащей посох.

– Я ждал тебя, волшебник – повторил Симаргл уже спокойным человеческим голосом, – но я не могу пропустить тебя в мир мёртвых сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.